

**СБОРНИК РАБОТ
61-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА**

Минск, 17 – 20 мая 2004 г.

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ III

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СБОРНИК РАБОТ
61-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА**

Минск, 17 – 20 мая 2004 г.

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ III

**МИНСК
2004**

УДК 082.2
ББК 94я43
С23

Рецензенты:

доктор юридических наук Г. А. Василевич;
доктор философских наук, профессор Г. Н. Соколова;
доктор экономических наук, профессор В. Ф. Байнев;
кандидат юридических наук С. М. Сивец;
кандидат философских наук, доцент Д. В. Майборода;
кандидат филологических наук, доцент Ф. С. Шумчик и др.

С23 **Сборник** работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: В 3 ч. ч.3 – БГУ, 2004. – 244 с.
ISBN 985-445-369-3 (ч.3).

В третью часть сборника включены доклады студентов и аспирантов филологического и юридического факультетов, факультета философии и социальных наук, а также экономического факультета на 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета (17–20 мая 2004 года).

УДК 082.2
ББК 94я43

ISBN 985-445-369-3 (ч.3)
ISBN 985-445-358-5

© БГУ, 2004

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

С. А. Мацкевич, к. пед. наук, доцент

Термин «функциональная грамотность» в мировой практике является не новым. Впервые он был введен ЮНЕСКО в 1973 году применительно к системе образования взрослых. В основном ставилась проблема не столько образования, сколько обеспечение определенного уровня способностей, умений и навыков у взрослых, позволяющих им адаптироваться к жизни и более-менее комфортно существовать в развивающихся условиях цивилизации. К концу 20 века проблема функциональной грамотности стала рассматриваться не только как проблема образования взрослых в развивающихся странах, а как глобальная проблема применительно ко всей системе непрерывного образования.

В Беларуси данная проблематика стала рассматриваться и исследоваться 1997 году еще до того, как массовым порядком стал использоваться термин «базовые ключевые компетенции». В реальности исследователями было выявлено противоречие: обучение в высших учебных заведениях и присвоенный уровень знаний, умений и навыков не гарантирует выпускникам вузов постоянного успеха в профессиональной деятельности. И не только в профессиональной, а даже в повседневной жизни. Иначе говоря, в вузах Беларуси, в основном продолжающих традиции советского времени, учат не тому, что требует развитие культуры и социума. Логично встает вопрос: «Чему нужно учить и как?» Это главный вопрос содержания образования, ответ на который не является постоянным. Содержание образования и как следствие технологии образования должны меняться с течением времени, проектироваться по-новому и отслеживаться.

Ответ на данный вопрос сначала искали интуитивно, затем по образцу, копируя западные схемы высшего образования. К концу 90-х годов стало понятно, что европейские образцы высшего образования для Беларуси высвечивают в основном проблематику, однако пути и методы реформирования системы высшего образования должны определяться только в самой Беларуси с учетом сложившихся реальных условий и традиций высшего образования. Никто кроме самих белоруссов не спроектирует новое содержание высшего образования. Главное не запутаться и не сбиться с пути в решении такой важной задачи. И первые шаги уже

сделаны. Хотим мы того или не хотим, однако европейские процессы уже начали внедряться в нашу систему. Вот только некоторые из международных документов, в рамках которых могут начинаться процессы перепроектирования содержания высшего образования:

- Лиссабонская конвенция о признании квалификаций высшего образования;

- Болонская декларация (1999 г.) о базовых ключевых компетенциях,
- рекомендации международных конференций Гамбург (1997 г), Дакар (2000 г.) и т. д.

Согласно Всемирной Декларации «Образование для всех», образование должно удовлетворять важнейшие образовательные потребности личности. Эти потребности, в свою очередь, включают в себя усвоение базовых образовательных навыков (таких как грамотность, способность производить исчисления, выражать свои мысли устно, решать проблемные ситуации) и усвоение базового содержания образования (включая знания, ценности и представления) необходимые личности для того, чтобы быть способной:

- выживать;
- развивать собственные способности;
- вести достойный образ жизни;
- активно участвовать в развитии общества;
- улучшать условия собственной жизни;
- принимать нестандартные решения;
- продолжать образование.

Согласно Джомпъенской декларации базовые образовательные потребности универсальны и свойственны каждому человеку вне зависимости от его возраста. Исходя из этой же декларации, в широком понимании важнейшими функциями базового образования является обеспечение прочной базы для дальнейшего обучения и усвоения наиболее значимых навыков для конструктивного поведения в контексте социальных отношений.

Результаты исследований в области функциональной грамотности, проведенные в Беларуси с 1997 г по 2000 г. логично вписываются в проблематику предложенных документов. Фактически предложенная авторами концепция обеспечения функциональной грамотности согласуется по содержанию с понятиями базовых ключевых компетенций, однако дифференциация и разбиение основных компонентов осуществляется в соответствии с выявленными образовательными дефицитами и актуариями именно в Беларуси [1].

Авторы концепции основываются на представлении о пяти процессах в структуре образования, разработанном в системо-деятельностной методологии [2]. Согласно такому представлению, образование не является однородным процессом, а является интегральным и включает в себя:

- Процесс овладения **ГРАМОТНОСТЬЮ**. Освоение языков и знаковых систем, без которых невозможно получение информации и использование знаний в той или иной сфере жизни и деятельности.

- Процесс **ОБУЧЕНИЯ**. Освоение знаний, умений, навыков в различных предметах и учебных дисциплинах.

- Процесс **ПОДГОТОВКИ**. Адаптация имеющихся и получаемых знаний, умений и навыков для выполнения конкретной работы или для занятия определенного социального положения.

- Процесс **ВОСПИТАНИЯ**. Освоение норм культуры, правил поведения, морали, традиций и особенностей народа, социальной страты или профессиональной гильдии.

- Процесс **ОБРАЗОВАНИЯ**, в узком значении этого термина. Т. е. составная часть интегрального процесса образования, имеющая целью обеспечить общий уровень культуры и знакомство с ценностями, установками и стандартами цивилизации.

Система из этих пяти процессов может быть выделена на разных уровнях: от национальной системы образования и функционирования конкретного учебного заведения до преподавания отдельного предмета. На каждом уровне один из процессов может доминировать над остальными и определять весь интегральный процесс образования.

В зависимости от того, какое именно содержание образования должно быть оттранслировано, и различают несколько базовых процессов в образовании. Понятно, что современное образование должно транслировать не только знания, умения и навыки, но и способы деятельности, способы мышления, нормы поведения, ценности и т. д. И все это разные и глубокие по своему содержанию сущности.

Педагоги уже давно заметили, что разное содержание образования должно передаваться по-разному. То есть нельзя передавать знание также как способ мышления и наоборот. Разное содержание образования передается через разные процессы и технологии. Традиционная классно-урочная система как технология хорошо спроектирована для передачи знаний, умений и навыков, однако как только ставятся другие цели, классно-урочная система не справляется. То есть классно-урочная система хорошо адаптирована для процесса **ОБУЧЕНИЯ** как целенаправленного и систематического процесса передачи *знаний, умений и навыков* и овладения ими.

Другие же процессы предназначены для передачи другого содержания.

Процесс ПОДГОТОВКИ призван передавать и транслировать *способы деятельности* (способ деятельности не сводится к умению или навыку; умение и навык есть только составляющая способа деятельности как целостной и более укрупненной единицы любой деятельности), в том числе и профессиональной. Фактически подготовка есть адаптация и доведение до способа деятельности полученных в процессе обучения знаний, умений и навыков к выполнению конкретной работы и занятия определенного социального положения.

Процесс ОБРАЗОВАНИЯ в узком значении этого термина имеет целью обеспечить общий уровень культуры (нормы культуры), знакомство с *ценностями*, установками и стандартами цивилизации, формирование современных *способов мышления*. Образование в отличие от подготовки характеризуется отсутствием утилитарных, прагматичных целей. То есть образование неконъюнктурно и безразлично к рынку труда. Функцию адаптации и включения человека к социуму выполняет в первую очередь подготовка, а не образование. Процесс ВОСПИТАНИЯ есть процесс и функция сохранения культурного разнообразия, региональной уникальности, национальных традиций. Воспитание призвано сформировать у личности *способ поведения* на основе культурных традиций и ценностей.

Особое место в системе базовых процессов принадлежит процессу ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ. Грамотность есть освоение и использование *минимального* необходимого для адаптации к современной технологической жизни *уровня умений и навыков*. Грамотность есть освоение современных языков, знаковых систем для успешного включения в процессы обучения, подготовки и образования. Различают элементарную и функциональную грамотность.

Все пять базовых процессов тесно взаимосвязаны друг с другом. Каждый процесс можно рассматривать по отдельности, но так или иначе, в реальности процессы взаимодополняются и пересекаются. Процесс обучения является как бы сквозным по отношению ко всем остальным процессам. Однако важно не подменять один процесс другим, а различать их и понимать их разное назначение.

Типология процессов образования позволяет решать множество разных управленческих и педагогических задач. Например, различение процессов образования и подготовки позволяет четко сформировать типологию учебных заведений и выставить соответствующие требования к их переноменации. В учебных заведениях типа университет, колледж, гим-

назия, **общеобразовательная** школа в целях и содержании должен преобладать процесс образования. То есть университеты в первую очередь должны обеспечить современный уровень культуры и универсальные способы мышления. Процесс подготовки является второстепенным с такого рода учреждениях. В учебных заведениях типа институт, техникум, училище, лицей преобладает процесс подготовки, процесс образования является второстепенным, подчиненным процессу подготовки. Процесс обеспечения грамотности является всеобщим и необходимым для всех учебных заведений.

Грамотность есть характеристика массового образования. Если определенной профессией могут овладеть не все, а только группа людей, то грамотность как характеристика образования есть такой уровень способностей, которым должны владеть все, независимо от профессии и возраста. По мнению ряда экспертов, применительно к Беларуси актуален следующий перечень аспектов функциональной грамотности:

- Языковая и знаковая грамотность – свободное владение (чтение, письмо и говорение) родным языком, государственными языками и двумя иностранными языками; чтение и понимание знаковой среды, осуществление действий в знаковой среде в соответствии с тем, что знаки означают.

- Компьютерная, информационная грамотность – использование компьютерных и информационных технологий на уровне пользователя в профессиональной и повседневной жизни, способность читать, понимать и фильтровать полученную информацию для решения поставленных профессиональных задач.

- Гражданско-правовая грамотность – осуществление действий в соответствии с законом, способность защищать свои права и права граждан своей страны.

- Финансовая грамотность – способность осуществлять простейшие финансовые операции (купля-продажа, открытие счета в банке, пользование пластиковыми карточками и т. д.).

- Экологическая грамотность – способность создавать и контролировать среду жизнедеятельности.

- Профессиональные и специальные аспекты функциональной грамотности (менеджмент, PR, бизнес-планирование, новые технологии и т. д.).

- Бытовая грамотность – вождение автомобиля, пользование бытовыми приборами, мобильными телефонами и т. д.

Особое место в представлении о функциональной грамотности занимает деятельностная грамотность, или способность ставить и изменять

цели и задачи собственной деятельности, осуществлять коммуникацию, реализовывать простейшие акты деятельности в ситуации неопределенности.

Если строго следовать тому расширению понятия «грамотность», которое содержится в определении «функциональная», то каждый общий перечень того, что должен знать и уметь грамотный человек вообще, дополним частным или специальным перечнем: «для выполнения такой-то работы необходимо знать и уметь...». Такого рода дополнения формулируются в должностных инструкциях, паспортах профессии и т. д.

Инвариантное содержание этих документов представляет собой формулировку функциональной грамотности по состоянию на конкретный момент развития социума, экономики, технологии. Работа с этим инвариантным содержанием представляет собой основную задачу функционирующей системы образования.

В Беларуси обнаруживаются поразительные эффекты образования. Человек может иметь высшее образование, являться специалистом в своей узкопрофессиональной области, и одновременно не знать иностранного языка (не говоря уже о двух), не работать на компьютере, и быть безграмотным в политической и финансовой областях. Такой уровень квалификации тормозит развитие профессиональной деятельности, делает ее несвоевременной и застойной. И проблема оказывается не в самих профессиональных знаниях, навыках и умениях, а в инфраструктуре профессии – в функциональной грамотности или, универсальных ключевых компетенциях, которыми должны владеть люди любой профессии, потому что этого требует культура, современность и развитие глобальных технологий.

За последние 10 лет в системе высшего образования Беларуси сделано немало для ликвидации функциональной неграмотности как среди педагогов, так и среди студентов. Однако эти процессы нельзя назвать системными и целенаправленными, скорее наоборот, хаотичными, и непрограммными, исходящими от запросов самих педагогов и студентов. Что собственно и отличает развитие этих процессов в Беларуси от аналогичных в других странах. С очевидностью можно сказать, что спрос на повышение уровня функциональной грамотности в Беларуси значительный, в то время как предложения образовательных услуг не в состоянии покрыть этот спрос полностью и целенаправленно.

Применительно к системе высшего образования актуальными становятся не только выше представленные характеристики функциональной грамотности, а такой важный компонент как гуманитарная грамотность.

Гуманитарная грамотность есть способность человека ориентироваться в гуманитарном и социокультурном поле жизнедеятельности, анализировать современную ситуацию, принимать обоснованные рациональные решения и самоопределяться по отношению к людям, ситуациям, разным видам деятельности. В содержание гуманитарной грамотности входит также способность отличать культурные образцы и ценности от подделок и заменителей, простое от сложного, реальное и мнимое и т.д. Человек ежедневно вынужден принимать решения гуманитарного порядка, которые носят характер ценностного и культурного уровня. Профессиональный уровень в решении этих вопросов может не помочь. Поэтому мы периодически сталкиваемся с отсутствием гуманитарной позиции у большинства людей, имеющих высшее образование. Вывод один – независимо от специальности и получаемых профессий, выпускник университета должен уметь жить в гуманитарном поле проблем. А этому научает скорее не введенный курс по философии или политологии, сколько сама жизнь в университете, способ организации человеческих и профессиональных отношений между студентами и преподавателями; не говорение о гуманном и гуманитарном, а реальные поступки и поведение людей, задающих образцы культурной жизни в учебном заведении.

Литература

1. *Крупник С. А., Мацкевич В. В.* Функциональная грамотность в системе образования Беларуси. Мн.: АПО, 2003.
2. *Мацкевич В.* Полемические этюды об образовании. Лиепая, 1993. Сборник «образование XXI века».

КОНЦЕПТ «ГЛУПОСТЬ» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ

Т. В. Балащенко

Изучение концепта предполагает рассмотрение «всей совокупности языковых средств его выражения, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта» [1]. Важным источником лексико-семантических репрезентаций концепта является фольклор. В настоящем исследовании мы ограничились данными паремиологического и фразеологического фонда русского языка, не останавливаясь специально на текстах сказок об Иване-дураке, Емеле и т.д., в которых глупость также занимает важное место.

Разработанность лексико-семантического поля «глупость» в русском фольклоре (свыше 500 пословиц и поговорок [2], синонимический ряд «глупый человек» включает 77 лексико-фразеологических единиц [3]) подтверждает культурную значимость изучаемого концепта в русской языковой картине мира. Следует, однако, отметить, что пословицы и поговорки из словаря В. И. Даля [2] были собраны более ста лет назад, большая их часть в современном русском языке активно не функционирует. Поэтому сделанные в ходе исследования выводы касаются, прежде всего, исторического слоя концепта «глупость» и не всегда правомерны по отношению к его современному содержанию.

Центральное, ядерное значение концепта «глупость» – качество человека, которое заключается в непатологическом отклонении от нормальных умственных способностей. Глупый человек в паремиологических единицах обозначается следующими способами: 1) отдельными лексемами – глупый (в значении существительного; это наиболее нейтральное и наиболее частое, наряду со словом дурак, наименование); дурак (данная лексема обладает статусом лингвокультуранты, то есть концепта национальной культуры, «наделенного ценностной значимостью для представителей лингвокультурного сообщества» [4, с. 11]); олух (олух царя небесного); болван (дома пан, а в людях болван), бестолочь (от воды навару не будет, а от бестолочи – толку); 2) устойчивыми сравнениями типа глуп, как..., где образное экспрессивное наименование отсылает к стереотипному представлению о глупом человеке (основные источники метафоризации: наименования деревянных предметов – глуп как пробка, как пень, и животных – глуп как осел, как индейский петух, как осетровая башка, как сивый мерин [3], а также более развернутые

сравнения с животными: по образу – как я, а по уму – свинья; ростом с тебя, а умом с теля; гусиный разум, да свиное хрюкальце); 3) описательными оборотами, которые заменяют прямой смысл слова «глупый»: у него винтика не хватает, одной клепки нет, из голубятни голуби улетели, не все дома. Сюда же относятся пословицы, называющие простейшие действия, не справиться с которыми может только глупый человек: он трех не перечтет, на руке пальцев не сочтет, на трех свиней корму не разделит. Ср., однако: он порошу не выдумает, он яйца на носок не поставит, где указывается не на глупость человека, а, скорее, на отсутствие у него выдающихся умственных способностей, на заурядность мышления; 4) сочетаниями со словом «голова»: метонимические обозначения глупого человека, где голова понимается какместилище ума, центр интеллекта, разума – голова без ума, что фонарь без свечи; голова, что чан, а ума ни на капустный кочан; у него в голове реденько засеяно. Еще большее метонимическое сужение – пословицы со словом «лоб», в которых подчеркивается несоответствие размера лба интеллектуальным способностям: лоб что лопата, да ума небогато; лоб широк, да мозгу мало.

Глупость в пословицах представляется качеством, присущим человеку от рождения и не поддающимся исправлению: нет роженного ума, не дашь и ученого; родился неумным и умрешь дураком; пьяный проспится, а дурак – никогда. Вследствие низких интеллектуальных способностей глупый человек плохо воспринимает чужие мысли и объяснения, поэтому его бесполезно учить: дурака учить – решетом воду носить; глупому сыну и родной отец ума не пришьет. Единственный метод обучения глупого человека – с помощью грубых физических действий: учить дураков – не жалеть кулаков; дурак не боится креста, а боится песта. Часто глупый человек не хочет учиться, так как не осознает собственной глупости, и сам стремится поучать других: дурак дурака учит, а оба ничего не смыслят; умный любит учиться, а дурак учить. В этом отличие глупого от умного: умный сознает свое интеллектуальное несовершенство, так как не бывает абсолютно умных людей, поэтому дурак, сознавший, что он дурак, уже не дурак.

Однако глупость субъекта может быть связана с отсутствием жизненного опыта, «недостатком знаний и навыков, но не ограничением умственных способностей в собственном смысле слова» [5, с. 47]. Небольшой жизненный опыт у детей, у людей молодого возраста, поэтому предполагается, что по мере взросления опыт накапливается и человек умнеет, то есть приобретает способность самостоятельно рассуждать и адекватно реагировать на незнакомую ситуацию. Крайне отрицательно поэтому оценивается несоответствие умственных способностей возрасту: вырасти

вырос, а ума не вынес. Это отражено в пословицах, где содержится указание на различные физические признаки «взрослости»: под носом взошло, а в голове и не посеяно; борода выросла, а ума не вынесла; нос с локоть, а ума с ноготь; руки длинные, ум короткий; до лысины дожил, а ума не нажил. Таким образом, чем старше становится человек, тем больше у него опыта, тем мудрее он должен становиться. Однако в очень старом возрасте может происходить обратное явление: он ум свой прожил; старый – что стареет, то дуреет; старые дураки глупее молодых.

Недостаточно, однако, просто обладать умом или опытом, нужно еще уметь вовремя его применить: ума много, да вон нейдет; ум найдет, да пора уйдет; всяк умен – кто сперва, кто опосля. Ср. также пародийную пословицу: глупость – это мудрость, сказанная не вовремя [6].

Глупость – это не только плохая способность воспринимать чужие мысли, но и неумение вырабатывать собственные суждения, мыслить самостоятельно, то есть «жить своим умом», что также оценивается негативно: чужим умом жить – добра не нажить; в соседи за умом не пойдешь; свой ум – царь в голове; на то человек на свет родится, чтоб жить своим умом. Стремление к интеллектуальной самостоятельности принимает форму императива: живи всяк своим умом! Слушай людей, а делай свое!

Пословицы отражают стереотипные представления о соотношении внешности и интеллектуальных потенций человека. Это касается в первую очередь представлений о женском уме. Так, считается, что красота и ум несовместимы: личико беленько, да ума маленько; собой-то краля, а умом-то фаля; волос долог, а ум короткий (у бабы). Ср. расхожее выражение: девушки бывают либо умные, либо красивые; а также: чтобы быть глупой, не достаточно быть красивой [6].

Глупый человек в силу своего ненормативного поведения социально опасен, он создает многочисленные проблемы и неудобства в обществе: от дурака добра не жди; дурак один родится – всему свету беда; глупому в поле не давай воли, поэтому народная мудрость предписывает не иметь с ним дела: не дай Бог с дураком связаться; от дурака, плюнь, да уйди! Иногда негативное отношение к глупому человеку принимает агрессивный характер: бей дурака, не жалей кулака! Дураки да бешены не все перевешаны; дурака и в алтаре бьют.

Очевидно, что глупость как отклонение от интеллектуальной нормы, как неспособность создавать собственные суждения и воспринимать чужие мысли, как незнание и необразованность оценивается отрицательно. Более снисходительное, сочувственное отношение к глупости как отсутствию жизненного опыта.

Однако в некоторых случаях глупость понимается как простота и наивность и оценивается скорее положительно. Более важным признается не ум, а душевные качества: не тужи по голове: душа есть; душа у него нараспашку, а ум глубоко лежит. Своей искренностью и наивностью, отсутствием житейской предприимчивости глупый противостоит умному, который, в силу своего ума, часто хитер и плутоват: дураки жуликами не живут; глупый согрешит один, а умный соблазнит многих; бес всех умнее, а злой дух. (Ср. также умный как бес, мудрый как змий [7], где очевидны библейские коннотации). Неспособность глупого человека обмануть кого-либо, его незащищенность вознаграждается покровительством некой высшей силы: дуракам везет; Бог дураков любит; дураку везде счастье. Именно глупый да малый всегда говорят правду: «Дурость – это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек. Поэтому-то говорят и видят правду дураки. Они честны, правдивы, смелы. Они правдолюбцы, почти святые» [8, с. 16]. Бесхитрость и простодушие – это, скорее, привлекательные, а не отрицательные черты дурака.

Наивный взгляд на мир спасает глупого человека от «горя от ума»: и от ума сходят с ума; без ума житье – рай; с умом жить – мучиться, без ума жить – тешиться, что также оценивается положительно.

Анализ паремиологических единиц позволяет сделать вывод об амбивалентном характере концепта «глупость» (его негативной и позитивной оценке), получить представление о том, как понимается глупость в народном языковом сознании, как характеризуется и оценивается глупый человек.

Литература

1. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Концептосфера и семантическое пространство // Чествуя филолога. К 75-летию Ф.А.Литвина. Орел, 2002.
2. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника *В. И. Даля*. М., 1987.
3. *Кругликова Л. А.* Синонимический ряд «глупый человек» в истории русского языка // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко. СПб, 2000. с.96–114.
4. *Бусурина Е. В.* Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2004.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.
6. *Harry Walter / Valerij Mokienko.* W (rterbuch russischer Anti-Sprichw(arter. Greifswald, 2002.
7. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
8. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

СОВРЕМЕННОЕ ЭССЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

Н. С. Белякова

Широкому кругу читателей Вирджиния Вулф известна, в первую очередь, как автор экспериментальных романов, яркая представительница модернизма. До недавнего времени роль Вулф как литературного критика недостаточно осознавалась читателями и даже исследователями творчества писательницы.

«Modern Essay» – именно такое название получило одно из эссе Вирджинии Вулф, вошедшее в первую серию сборника «The Common Reader». Как видно из заглавия, основным объектом интереса писательницы стало современное ей эссе, точнее, те новшества, которыми обогатили эту жанровую форму писатели. Эссе самой Вулф вполне подходят под определение «modern», так как они, безусловно, были актуальными для времени своего написания. Однако, несмотря на очевидную связь эссе Вулф с проблемами и реалиями прошлого века, они остаются современными и для читателей начала XXI века.

Именно с жанра эссе начала писательница свою творческую деятельность и продолжала работать в его рамках в течение всей своей жизни. Двухтомный сборник «The Common Reader» и четырехтомное собрание эссе «Collected Essays» свидетельствуют о немалом интересе писательницы к жанровой форме эссе как таковой.

Эдвард Морган Форстер, размышляя о критическом гении писательницы, заключил, что «в своих критических работах В. Вулф романист больше, чем в романах» [1, с. 25]. Нельзя не согласиться с этим более чем справедливым утверждением. Если в романах Вирджиния Вулф стремилась к своего рода «обезличиванию автора», то в жанре эссе полнее ощущается индивидуальность самой писательницы. Слегка игривый, ироничный, свободный тон эссе контрастирует с эмоциональной напряженностью ее художественной прозы.

В первом сборнике эссе «The Common Reader» раскрывается необыкновенно широкий круг интересующих писательницу литературных проблем. Несмотря на глубокое знакомство с литературой прошлых столетий и современности, Вирджинии Вулф в своей литературной критике никогда не уходит в сторону узкого профессионализма. Название сборника эссе «The Common Reader» обнаруживает живой интерес писателя и критика к личности читателя. Причем скромное название сборника вовсе не предполагает ориентацию на запросы среднего читателя, ведь «common reader» не синонимично понятиям «common man» или «common woman». Вероятнее всего, под «common reader» подразумевается образо-

ванный, любознательный читатель, неустанно задающий извечные и вполне традиционные вопросы, на которые Вулф отвечает в своей неповторимой манере. В этой связи интересно обратиться к эссе «How Should One Read a Book?».

В данном эссе писательница рассуждает о сложности процесса чтения и понимания литературного произведения, называя чтение великого романа «a difficult and complex art» [2, с. 236]. Первой строкой эссе Вулф определяет свое видение проблемы: «In the first place, I want to emphasize the note of interrogation at the end of my title» [2, с. 233]. Таким образом, читатель понимает, что и сама писательница задается тем же вопросом, и вряд ли эссе будет содержать свод правил к чтению романа. Причиной появления вопросительного знака в конце заглавия служит убеждение писательницы в том, что «Even if I could answer the question for myself, the answer would apply only to me and not you» [2, с. 233]. Это утверждение полностью соответствует «философии» писательницы, согласно которой не существует единой, абсолютно верной точки зрения. Тем не менее читатель получает от писательницы совет, парадоксальный по своему содержанию: «The only advice, indeed, that one person can give to another about reading is to take no advice, to follow your own instincts, to use your own reason, to come to your own conclusions» [2, с. 234]. Эта идея основана на убеждении в том, что акт чтения крайне индивидуален и что никакой критик или общепризнанный авторитет не может диктовать читателю «how to read, what to read, what value to place upon what we read» [2, с. 234]. Ибо если читатель пойдет на поводу у критика, то неизбежно разрушится «the spirit of freedom», который и составляет уникальность литературного опыта. Если в более раннем программном эссе «Modern fiction» Вирджиния Вулф подчеркивала необходимость абсолютной свободы художника, то в эссе «How Should One Read a Book?» писательница заостряет внимание на неотъемлемом компоненте взаимодействия автора и читателя – на полной свободе второго.

Как опытному читателю, Вирджинии Вулф удастся подробно описать всю сложность процесса чтения, подразделив его на серию следующих друг за другом этапов. После первого этапа «вчувствования» в произведение следует более сложный этап, требующий от читателя самостоятельности взгляда, пронизательности, умения «читать» книгу после того, как она закрыта и отложена в сторону. Конечным и самым сложным шагом является формирование собственного отношения к прочитанному произведению: «...It is still more difficult to press further and to say, “Not only is the book of this sort, but it is of this value: here it fails, here it succeeds; this is bad; that is good”» [2, с. 242].

Если «common reader» сталкивается с такими нелегкими задачами при чтении произведения, то в чем же, по мнению писательницы, обстоит сложность «those rare being who are also critics» [2, с. 244]. Отнюдь не случайно Вирджиния Вулф называет критика необыкновенным существом. С одной стороны, критик должен уяснить «how should one read a book», с другой же – овладеть мастерством написания критического произведения. Попытаемся ответить на вопрос «how should one write an essay», обратившись к эссе «Modern Essay».

Итак, качественным отличием талантливого критика является знание «how to write». Среди всех необходимых умений оно признается основополагающим.

Размышляя о достоинствах и недостатках эссе, написанных в период с 1870 по 1920 годы, Вирджиния Вулф демонстрирует свое понимание этой жанровой формы, мастерства эссеиста; положительной, нейтральной либо отрицательной оценкой подчеркивает близость определенных позиций собственному художественному кредо. Так, например, известное утверждение М. Арнольда о том, что основным назначением критики является «увидеть предмет таким, каков он есть на самом деле» [3, с. 110] однозначно опровергается Вулф. По ее мнению, «дословному правдосказанию» нет места в эссе, цель которого доставить удовольствие.

Своего современника Макса Бирбома Вирджиния Вулф справедливо называет «the prince of his profession», а его эссеистику – «the triumph of style» [4]. Именно этот критик, по мнению Вулф, в совершенстве овладел самым опасным и тонким инструментом эссеиста: «He has brought personality into literature...» [4].

Социальные изменения, быстрый темп жизни, сокращение периодических изданий и многие другие явления современной жизни значительно повлияли на литературу начала XX века, и в частности на жанр эссе, о чем Вулф размышляет в последней части «Modern Essay». По мнению писательницы, в эссеистике Лукаса, Линда, Клаттона Брока и многих других современников исчезает индивидуальность автора и из частного эссе превращается в публичное.

В собственной эссеистике Вирджиния Вулф обращается к творчеству очень многих писателей, представителей различных направлений, национальностей, временных отрезков, что характеризует ее как писателя либеральных взглядов с необыкновенной эрудицией. Особо следует отметить широту литературных интересов и гибкую природу критического подхода Вирджинии Вулф, так как зачастую ее воспринимают как полемика критика, настаивавшего на приоритете модернистского виде-

ния. Такое недопонимание основано на популярности двух программных эссе Вирджинии Вулф «Modern Fiction» и «Mr. Bennett and Mrs. Brown». Бесспорно, прочтение этих эссе вне контекста остальных критических работ писательницы приведет к искаженному пониманию авторской точки зрения.

Каждым своим эссе Вирджиния Вулф подчеркивает неразрывную связь с литературой, критической традицией прошлого и в то же время по-новому рассматривает творчество того или иного писателя, заново открывает его современникам, переосмыслив и придав актуальность его наследию. Так, в художественной манере автора «Тристама Шенди» Вулф привлекает необычность стиля, умение переключить интерес с внешнего на внутреннее, тонкий подход к индивидуальным переживаниям героев. Подробно проанализировав новаторство Стерна, писательница приходит к смелому выводу: «В этом внимании к молчанию, а не речи, Стерн – предшественник современных писателей. Поэтому-то он гораздо ближе нам сегодня, чем его великие современники ричардсоны и филдинги» [5, с. 291].

Противоречие устоявшемуся взгляду никогда не препятствовали Вирджинии Вулф высказывать в своих эссе, статьях, рецензиях собственное мнение. Тонкое сочетание субъективизма с непредвзятым подходом к интерпретации любого автора и произведения составляет большую силу Вулф как критика. Это позволяет писательнице оценить индивидуальные достижения таких романистов как Пруст, Тургенев, Остен, Диккенс, Джойс, какими бы разными они не были. Ведь, как утверждает Вирджиния Вулф, любой метод правилен, и если метод четко выражает мысль писателя, если писателю присущ «truth of insight» – фраза, встречающаяся во многих эссе Вулф – то он обладает всеми шансами для того, чтобы создать значительное произведение.

Литература

1. *Гениева Е.* Остановись мгновение // *Woolf V.* Предисловие к сборнику «Mrs. Dal-loway and Essays». М.: Raduga Publishers. 1984. С. 7–30.
2. *Woolf V.* How Should One Read a Book // *The Virginia Woolf Reader.* NY.: A Harvest Book, 2003. P. 233–245.
3. *Арнольд М.* Назначение критики в наше время // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв. М.: Прогресс, 1981. С. 110–130.
4. *Woolf V.* Modern Essay // *The Common Reader. First Series* (1925). <http://gutenberg.net.au/ebooks03/0300031.txt>.
5. *Вулф В.* Сентиментальное путешествие // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв. М.: Прогресс, 1981. С. 289–294.

ВЫКАРЫСТАННЕ НЕТРАДЫЦЫЙНЫХ ТАБЛІЦ ПРЫ ВЫВУЧЭННІ Ё ШКОЛЕ ТЭМЫ «ПРОСТЫ ЁСКЛАДНЕНЫ СКАЗ»

Ю. А. Буднікава, В. С. Мягчыла

Распрацаваны намі комплекс матэрыялаў па пунктуацыі беларускай мовы складаецца з табліц і тэстаў з ключамі да іх і прызначаны для агульнаадукацыйнай сярэдняй школы. Прапанаваныя табліцы змяшчаюць правілы па тэме «Ускладнены просты сказ».

Адметнасцю нашых табліц і тэстаў з’яўляецца тое, што яны складзены згодна з сучаснымі ведамі ў галіне псіхалогіі [1, с. 3–9]. Пры сістэматызацыі ведаў па пунктуацыі ўлічваліся асаблівасці розных спосабаў успрыняцця. Пунктуацыя лягчэй за ўсё даецца аўдыялам, бо ў вусным маўленні знакі прыпынку чалавек часцей за ўсё пазначае інтанацыяй. А візуалы і кінестэтыкі не могуць улавіць інтанацыйных нюансаў. Пры дапамозе гэтых табліц мы паспрабавалі адаптаваць правілы для іх сістэмы ўспрыняцця.

Па-першае, сама форма табліц, у адрозненне ад суцэльнага тэксту, садзейнічае больш лёгкаму вылучэнню неабходных звестак, іх сістэматызацыі.

Па-другое, засваенню матэрыялаў садзейнічае зрокавае ўспрыняцце (выдзяленне колерам арфаграм у тэстах, пунктаграм у табліцах, тлустым шрыфтам – ключавых слоў, курсівам – прыкладаў).

Па-трэцяе, прыклады, прыведзеныя ў табліцах, уплываюць на запамінанне правіла. Пэўныя вобразы, асацыятыўныя рады дапамагаюць хуткаму засваенню інфармацыі. У якасці такіх вобразаў мы выкарыстоўваем забаўляльныя персанажы, незвычайныя сітуацыі. Кожнае правіла прадстаўляюць пэўныя героі, такім чынам абягчаецца запамінанне асобных выпадкаў, бо яны застаюцца ў памяці не асобнымі часткамі, а цэлым блокам. Забаўляльны характар садзейнічае запамінанню правілаў, бо выклікае пэўную эмацыянальную рэакцыю.

Дадзеныя табліцы і тэсты можна выкарыстоўваць на ўроках па мове пры вывучэнні пэўнай тэмы, забяспечыўшы кожнага вучня матэрыялам. Больш карыснай будзе індывідуальная праца ці заняткі ў малых групках. Хуткаму запамінанню садзейнічае і магчымасць вучняў самастойна прыдумваць цікавыя прыклады, што актывізуе творчае развіццё вучняў.

Важнае значэнне мае схема працы, бо ў працэсе вывучэння можна рухацца не ад правілаў да тэксту, а наадварот, ад тэксту да правілаў. Такім чынам, вучань у табліцах з правіламі знаходзіць пацверджанне сваім меркаванням.

Прыводзім у якасці прыкладу апісаных вышэй тэст і табліцы (табл. 1,

табл. 2).

Табліца 1

**Адасобленыя акалічнасці (дзеепрыслоўныя звароты),
або пра другую маладосць Бабы-Ягі**

Адасабляюцца	Не адасабляюцца
Акалічнасці, выражаныя дзеепрыслоўнымі словазлучэннямі , незалежна ад месца ў сказе і ад таго, развітыя яны ці адзіночныя: <u>Шчасце ў каханні знаўшоўшы</u> , <i>Баба-Яга памаладзела душою і адчувала сябе на ўсе васемнаццаць год.</i>	Адзіночныя дзеепрыслоўі, якія па сваёй ролі набліжаюцца да прыслоўяў спосабу дзеяння: <i>Песні Салаўя-Нягодніка ліліся над вокнамі Бабы-Ягі не сціхаючы.</i>
Акалічнасці са значэннем уступкі , калі яна выражана назоўнікам з прыназоўнікам (нягледзячы на): <u>Нягледзячы на свае немаладыя гады</u> , <i>Баба-Яга цяпер кожную раніцу прыхарошвалася каля люстэрка.</i>	Развітыя акалічнасці, якія па сэнсе цесна звязаны з выказнікам : <i>Баба-Яга сядзела схіліўшыся над сталом і чытала вершы аб каханні, якія прыслаў ёй Салавей-Нягоднік.</i>
	Фразеалагізмы , у складзе якіх ёсць дзеепрыслоўі: <i>Баба-Яга вырашыла быць аптымісткай і жыць не апускаючы рук.</i>
	Адзіночнае дзеепрыслоўе, якое стаіць пасля прыслоўя і звязана з ім пры дапамозе злучніка і : <u>Імкліва і не разбіраючы дарогі</u> , <i>спяшаўся Салавей-Нягоднік на сустрэчу да Бабы-Ягі.</i>

ТЭСТ 1

1. Уважліва прачытайце і перапішыце тэкст, устаўляючы прапушчаныя знакі прыпынку.

Адкуль пайшлі паны на Палессі

Даўно гэта было. Нават старыя людзі падумаўшы таго не ўспом-няць. І расказваюць яны тое, што чулі ад бацькоў і дзядоў.

Ну дык вось. Густымі цёмнымі лясамі Палесся прабіраўся адвячоркам чорт у сваё балота. **Не** нашкодзіўшы за цэлы дзень ні разу людзям ён засмуціўся. Які ж я пасля гэтага чорт?

І раптам бачыць – едзе павольна і **не** спяшаючыся пан з Варшавы. Спераду гайдукі едуць **ззаду** таксама, а пан – пасярэдзіне на мяккіх падушках седзячы. Вусы **ў** бакі тарчаць як у жука караеда шапка з трыма рагамі чобаты чырвоныя. Адным словам на сто сажняў панам пахне!

Перагарадзіў чорт дарогу вылупіў вочы дзівіцца – ніколі на Па-лессі такога пудзіла **не** бачыў.

– Прэч **з** дарогі пся крэў! – закрычаў пан грозна варушачы вусамі.

Чорт стаіць **не** варухаючыся. Заляскалі гайдукі бізунамі і кінуліся да чорта. А той пераскочыўшы цераз іх ухапіў пана за чуб і панёс над лесам выскаляючыся.

Ляціць чорт і лупіць панам аб верхавіны дрэў. Дзе аб дуб рэзнуўся панам – там адразу вырастае новы пан Дэмбіцкі, а за ім – Дубіцкі... Аб бярозу грымнуўся – з’явіўся пан Бжэзінскі, а за ім – Бжэзоўскі, а за Бжэзоўскім – Беразоўскі... Як грыбы растуць паны.

Гойсаў гойсаў чорт з панам ды змарыўшыся прысеў адпачыць. Сам аж спужаўся чорт паглядзеўшы на пана: адны вантробы заста-ліся. «Што з імі рабіць?» – думае чорт – «Не несці ж іх у пекла?»

Узяў ён лішкі пана і паляцеў растрасаючы іх па зямлі. І ад іх пайшлі расці дробныя паны і паўпанкі.

Так развяліся паны на Палессі – сам чорт пасеяў іх на пакуту доб-рым людзям.

2. Колькі дзеепрыслоўных зваротаў і адзіночных дзеепрыслоўяў у тэксте:

А. 6; Б. 8; В. 10; Г. 12; Д. 4; Е. 9.

3. Укажыце, на месцы якіх лічбаў павінны стаяць коскі.

Акторы ўсе на сцэне (1)

Хадзілі (2)

Быццам цені.

І на балконе (3) глядачы (4)

Дрыжалі (5)

Моўчкі гледзячы (6)

Як важна (7)

У партэры

Сядзелі

Дзве пантэры.

(Р. Барадулін. На прэм’еры)

4. Укажыце, якое са сцверджанняў правільнае:

– Прэч **з** дарогі пся крэў! – закрычаў пан грозна варушачы вусамі.

А. Выкарыстаная старая форма пся крэў (сучасная – сабачая кроў).

Б. Выкарыстанае запазычанне з польскай мовы пся крэў (у перакладзе – сабачая кроў).

Табліца 2

**Пабочныя сказы і словазлучэнні,
ці колькі слоў пра жыццё Пятачка і Віні Пуха**

Дужкамі аддзяляюцца	Працяжнік ставіцца
---------------------	--------------------

<p>Пабочныя сказы, што паясняюць асобныя словы: <i>Віні Пух напрасіў <u>Пятачка (гэта быў яго найлепшы сябра)</u> купіць у пчолаў меду.</i></p>	<p>Перад другім працяжнікам ставіцца коска, калі гэтага патрабуе структура другой часткі: <i>Пятачок падумаў – <u>і ен меў рацыю</u>, – што з пчоламі лепш не сварыцца.</i></p>
<p>Пабочныя сказы, што дапаўняюць ці ўдакладняюць змест асноўнага сказа: <i>Пятачок падараваў Іа зялёны <u>шарык (гэта быў яго ўлюбёны колер)</u>, а Віні Пух – пусты гаршчок ад мёду.</i></p>	<p>Перад першым працяжнікам ставіцца коска, калі гэтага патрабуе структура першай часткі: <i>На дзвях Зайцавага дома, куды Пятачок так спяшаўся, <u>– які жэх!</u> – вісеў замок.</i></p>
<p>Пабочныя канструкцыі, якія маюць далучальны характар, хаця і звязаныя сінтаксічна з асноўным сказам: <i>Віні Пух з усіх сваіх знаёмцаў асабліва шанавалі пчол <u>(ён нават казаў, што ў дзяцінстве марыў нарадзіцца пчолай)</u>.</i></p>	<p>І перад першым, і перад другім працяжнікамі ставіцца коска, калі гэтага патрабуюць структуры абедзвюх частак: <i>Пятачок вырашыў наведаць старога мудрага Філіна, які апошнім часам займаўся чытаннем філасофскіх трактатаў, <u>– у асноўным гэта былі працы самага Філіна</u>, – запытацца пра здароўе і заадно пазычыць грошай.</i></p>

Табліцы «Пабочныя словы», «Пабочныя сказы і словазлучэнні» былі падрыхтаваны Ж. В. Капустай, «Адасабленне прыдаткаў», «Знакі прыпынку пры аднародных членах сказа», «Пра аднародныя члены сказа з абагульняльным словам» – Ю. А. Буднікавай, «Працяжнік паміж дзейнікам і выказнікам» – В. У. Гатоўскай, «Адасабленне сінтаксічных канструкцый са злучнікамі як, быццам, чым і г. д.» – Я. А. Лапшыной, «Адасабленне акалічнасцяў і дапаўненняў, якія выражаныя прыназоўнікавымі спалучэннямі», «Адасобленыя акалічнасці (дзепрыслоўныя звароты)» – В. С. Мягчылай, «Адасабленне дапасаваных азначэнняў», «Адасабленне недапасаваных азначэнняў» – Н. У. Каралёвай, «Аднародныя і неаднародныя азначэнні» – С. В. Бабарыкай, «Выклічнікі, часціцы» «Знакі прыпынку ў сказах са словамі, якія паўтараюцца» – А. Я. Мальцавай, «Удакладняльныя члены сказа» – Т. У. Булаўкай.

Літаратура

1. Соколова Л. Л., Соколова М. В. Пунктуация. Лексика. Культура речи. (Таблицы и тесты). СПб., 2003.

**ТВОРЧАСЦЬ ЯНА БАРШЧЭЎСКАГА І МІКАЛАЯ ГОГАЛЯ.
СПРОБА КАМПАРАТЫВІСЦКАГА АНАЛІЗУ
(«ДРАЎЛЯНЫ ДЗЯДОК І КАБЕТА ІНСЕКТА», «ВІЙ»)**

Т. С. Галісаева

30–40-я гг. XIX ст. у Беларусі з’яўляюцца перыядам росквіту рамантызму, які найбольш ярка адлюстравваўся ў творчасці Яна Баршчэўскага. У Расіі на акрэслены час прыпадае станаўленне рэалізму, пачынальнікам якога стаў Мікалай Гоголь. Такога пункту погляду на вызначэнне мастацкага метаду беларускага і рускага пісьменнікаў традыцыйна прытрымліваецца большасць вучоных. Аднак варта ўлічваць і іншыя меркаванні. Напрыклад, Ю. Маханькоў даводзіць, што Я. Баршчэўскі працаваў у галіне «фантастычнага рэалізму» [3, с. 329]. І. Карташова прапануе разглядаць творчасць ранняга М. Гоголя ў рэчышчы рамантызму, побач з Гофманам. Некаторыя даследчыкі нават заўважаюць у творчасці «першага рускага рэаліста» рысы нізкага і высокага барока (лубачны стыль і спецыфіка вобразаў). Як бачым, вучоныя адзначаюць дыфузнасць метадаў рамантызму і рэалізму, характэрную для творчасці абодвух пісьменнікаў. Такая блізкасць абумоўлена наяўнасцю моцнай фальклорнай базы, што спрыяе збліжэнню мастацкіх сістэм аўтараў і дазваляе праводзіць адпаведныя паралелі.

Аспекты судакранання можна вылучыць на структурным узроўні. «Драўляны Дзядок» Яна Баршчэўскага і «Вій» Мікалая Гоголя – творы рамкавай канструкцыі (як і зборнік «Тысяча і адна ноч»). Ян Баршчэўскі ў асобных раздзелах твора змясціў гісторыю пана З. («Што здарылася з Драўляным Дзядком»), апавяданні пана Ротмістра («Кабета Інсекта», «Горды Філософ» і інш.). У «Віі» адпаведныя часткі выдзяляюцца толькі на семантычным узроўні – апавяданні пра Мікіту, пра Шапчыху, тры ночы Хамы Брута. Гэтыя паданні-казкі з’яўляюцца месцам канцэнтрацыі цудоўнага, якое найчасцей мае народна-паэтычную аснову.

Генетычная блізкасць украінскага, рускага, беларускага і польскага фальклору дала падставу для з’яўлення ў творах Я. Баршчэўскага і М. Гоголя роднасных вобразаў нячыстай сілы (крывасмокаў, пярэваратняў і г. д.). У абодвух творах ёсць жаночыя персанажы – Панначка (ў аповесці «Вій») і Кабета Інсекта (ў аповесці «Драўляны Дзядок»). Іх функцыі шмат у чым тоесныя: Панначка прыгнятае людзей, п’е кроў, Кабета Інсекта паводзіць падобным чынам. Гэтыя вобразы не з’яўляюцца статычнымі. Дынаміка развіцця заключаецца ў тых метамарфозах, што адбываюцца з імі на працягу твора: спачатку Кабета Інсекта злосная пані, потым Інсекта, а затым – Плачка. У «Віі» старая вядзьмарка ператвара-

ещца ў Панначку-прыгажуню, а тая становіцца мерцвяком-зомбі.

Аднак ў М. Гоголя ёсць персанажы, якіх няма ў Я. Баршчэўскага, і наадварот. Да ліку такіх стварэнняў можна аднесці Драўлянага Дзядка і Вія. Гэтыя вобразы не з'яўляюцца цалкам індывідуальна-аўтарскімі. Так, вобраз Драўлянага Дзядка мае шэраг літаратурных і міфалагічных адпаведнікаў: Галава ў паэме А. Пушкіна «Руслан і Людміла», лацінаамерыканскі чанчон і іншыя. Сярод персанажаў гогалеўскай аповесці вылучаецца Вій. Па меркаванню некаторых даследчыкаў, гэты персанаж не мае фальклорнага адпаведніка і быў створаны фантазіяй М. Гоголя [4]. Тым не менш, у манаграфіі А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» апісваецца падобная істота, што мае такую ж назву. Ю. Ман заўважае, што, хутчэй за ўсё, крыніцай ўзнікнення гэтага вобраза стаў гогалеўсукі Вій [5]. А. Назарэўскі слухна сцвярджае, што вобраз Вія падобны да Касьяна ва ўкраінскіх народных паданнях, а імя Вій утворана ад украінскага «вія» ('вейка' або 'павекі разам з вейкамі') [4]. Таксама нельга выключыць магчымасці ўплыву на творчасць М. Гоголя вераванняў і паданняў іншых народаў, напрыклад, В. Абаеў у даследаванні «Образ Вия в повести Н. В. Гоголя» праводзіць паралель паміж Віем і інда-іранскім Вау, богам смерці [5].

Пісьменнікі творча скарысталі вобразы гарадскога і студэнцкага фальклору. А таму сярод дзеючых асоб аповесці Я. Баршчэўскага – Горды Філософ, шкаляры Люцыфуга і Севярын, якія з'яўляліся ў свой час навучэнцамі езуіцкай акадэміі і не слухалі добрых парад Дзядка. Асобна вылучаецца постаць аўтара-апавядальніка (чалавека, які васемнаццаць гадоў не быў на Радзіме). Ён адначасова і актыўны ўдзельнік, і пасіўны сведка падзей. Аўтар «Вія», у адрозненне ад апавядальніка аповесці «Драўляны Дзядок», не кантактуе з персанажамі, аднак «часам выглядае з-за спіны» якога-небудзь з герояў. Дзеючымі асобамі гогалеўскай аповесці сталі багаслоў Халява і шкаляр Ціберый Гарбец. Аднак асноўная сюжэтная-кампазіцыйная нагрузка прыпадае на вобраз Хамы Брута. Характарыстыка гэтага персанажа даецца цалкам ў адпаведнасці з устаноўкамі студэнцкага фальклору: «Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал трепака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с философическим равнодушием, – говоря, что чему быть, того не миновать» [2, с. 246]. Некаторыя даследчыкі разглядаюць вобраз Хамы Брута адначасова ў двух вымярэннях – у фантастычным і рэальным, адпаведна і герой выступае ў дзвюх іпастасях – «паэтычнай» і «празаічнай». Напрошваецца паралель з вобразам Драўлянага Дзядка, які адначасова знаходзіцца ў сінхранічным, дыяхранічным і фантастычных пластах аповесці Яна Баршчэўскага. Як бачым, структура галоўных пер-

санажаў абумоўлена наяўнасцю шматузроўневага хранатопу. Найчасцей рэальнае адбываецца удзень, а фантастычнаму адведзены час пасля захаду сонца і да першага спеву пеўня. Менавіта ноч з'яўляецца тым мастком, які дазваляе незвычайнаму ўмешвацца ў рэальны свет. Можна заўважыць, што завязка дзеяння ў аповесцях пачынаецца ноччу. У Я. Баршчэўскага чытаем: «Сонца ўжо схавалася на захадзе...» [1, с. 283]. Параўнайце з тэкстам М. Гогаля: «Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги» [2, с. 246]. Развязка адбываецца раніцай: «Узышло сонца, пагодны ранак, час у падарожжа» [1, с. 316]. У «Віі»: «Раздался петушиный крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы» [2, с. 269]. Такая будова дазваляе пры завяршэнні цыклу стварыць уражанне, што нічога не адбылося, што гэта толькі сон. Дарэчы сон з'яўляецца адной з форм «завуаляванай» (Ю. Ман) фантастыкі. Іншая форма – чуткі. У аповесці Яна Баршчэўскага «Драўляны Дзядок і Кабета Інсекта» можна сустрэць наступныя маўленчыя формулы перадачы іррэальнага: «Раскажу, што ад іншых чуў, а ці гэта праўда, не мой клопат» [1, с. 292]. Адпаведна ў аповесці М. Гогаля «Вій» чытаем: «Люди, знающие науку, говорят...» [2, с. 259].

З аднаго боку, з дапамогай «завуаляванай» фантастыкі аўтар нівеліруе сваю ролю ў стварэнні незвычайнага, такім чынам здымаючы з сябе адказнасць за непраўдзівыя сведчанні. З другога, – такі прыём дазваляе стылізаваць твор мастацкай літаратуры пад фальклорны.

Нягледзечы на значную ролю фантастычнага, асноўнае дзеянне мае даволі трывалую лакалізацыю ў часе і ў прасторы. Так, дзеянне аповесці «Драўляны Дзядок і Кабета Інсекта» адбываецца ў мінулым за сорок вёрст ад Полацка або ў самім Полацку, узгадваюцца ваколіцы Віцебска. Дзеянне гогалеўскага «Вія» прывязана да Кіева і яго ўскраін (за пяцьдзесят вёрст ад Кіева), таксама ў мінулым. Сярод тыповых локусаў можна адзначыць наступныя: шляхецкі дамок, якому адпавядае хутар у М. Гогаля, поле, каплічка, Полацкая езуіцкая акадэмія – Кіеўская семінарыя і, нарэшце, карчма.

Можна вывесці яшчэ адзін узровень судакранання творчасці Яна Баршчэўскага і Мікалая Гогаля – падабенства матываў, сярод якіх можна вылучыць наступныя:

1. Сон-ява («Час той прамінуў як найпрыемнейшы сон» [1, с. 316]; «Наяву ли это или снится?» [2, с. 285]).

2. Пярэваратніцтва («Нарэшце перамянілася ў нейкую дзіўную Інсекту» [1, с. 293]; «Точно ли это старуха?.. Перед ним лежала красавица» [2, с. 286]).

3. Падарожжа («Калі пан верхам аб'язджаў свае палеткі, яна, лётаючы побач, пранізлівым крыкам спудзіла каня, які наўскапыт паляцеў праз равы і пагоркі і скінуў гаспадара» [1, с. 294]; «Он, подпрыгивая, как верховой конь понёс ее на плечах» [2, с. 285]).

4. Крыўда-помста («Пан А. загадаў адчыніць усе вокны, акуруць дымам пакоі, і дарэмна тая, з жахлівым піскам і крыкам кідаючыся ў вочы, страшыла людзей. Пераможаная дымам, яна мусіла ляцець у сад і схвацца між дрэваў» [1, с. 293], «Пры кожным зручным выпадку Інсекта помсціла яму» [1, с. 294]; «Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху» [2, с. 286], «...дочь одного из богатейших сотников... изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение трех дней после смерти читал один из киевских семинаристов: Хома Брут» [2, с. 287]).

5. Маленне («Ксёндз паклаў кабету Інсекту на філосафаву галаву і перад шматлікімі глядачамі чытаў ёй малітвы і гаварыў на духоўныя тэмы» [1, с. 295]; «Она заботилась, голубонька моя, о душе своей и хотела молитвами изгнать всякое дурное помышление» [2, с. 303]).

Такім чынам, нягледзячы на адрознасць мастацкіх метадаў, прааналізаваныя творы Я. Баршчэўскага і М. Гогаля маюць генетычна і тыпалагічна роднасную аснову – славянскі фальклор. Больш таго, не выключана магчымасць непасрэднага ўплыву гогалеўскага «Вія» на творчасць Я. Баршчэўскага.

Літаратура

1. *Баршчэўскі Я.* Выбраныя творы. Мн., 1998.
2. *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1984.
3. *Маханькоў Ю.* Рэальнае і фантастычнае ў прозе Я. Баршчэўскага і М. Гогаля // Матэрыялы IV канферэнцыі. Беларуская-руская-польская супастаўляльная мовазнаўства і літаратуразнаўства. Віцебск, 1997. С. 328–331.
4. Інтэрнэт-адрас: <http://solsand.by.ru/gogol1-viy.html>
5. Інтэрнэт-адрас: magazines.russ.ru/voplit/2002/4/mann.html.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ЮДИТ ХЕРМАНН (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «КРАСНЫЕ КОРАЛЛЫ»)

Е. А. Герасимович

Юдит Херманн является одной из наиболее ярких представительниц современной немецкой литературы. Несмотря на большую популярность ее произведений в немецкоязычных странах, творчество Юдит Херманн на данном этапе малоизученно. В 1998 году Ю. Херманн дебютировала

своим первым сборником рассказов «Летний дом, позже» («Sommerhaus, später»), после чего литературные критики Германии назвали ее «родоначальницей новой эры в литературе, голосом нового поколения» [6]. Ведущий литературный критик Германии Ирис Радиш характеризует творческую манеру Юдит Херманн как «стиль берлинской молодежи» («Berliner Jugendstil» [6]), который удивительным образом сочетает в себе лиризм и молодежную культуру. Для стиля Ю. Херманн характерны простота, лаконизм, нейтральность, встречаются также элементы публицистики и разговорной речи. Излюбленным приемом Ю. Херманн является автология – «стилистическое сочетание нейтральной лексики со словами в их прямых значениях» [1, с. 219].

Обращение к рассказу «Красные кораллы», ставшим основополагающим материалом для исследования, обусловлено в первую очередь его актуальностью для самых широких групп читателей, причем не только в немецкоязычных странах. Данный рассказ представляет собой яркий пример межкультурной коммуникации, поскольку действующие лица являются представителями различных наций (Россия и Германия), и в качестве основной нити рассказа можно назвать межкультурный диалог представителей различных наций, разительно отличающихся своими традициями и особенностями в культурном плане.

Выбор рассказа «Красные кораллы» обусловлен также наличием в нем гендерного компонента. В последнее время в лингвистике активно развиваются новые направления, базирующиеся на антропоцентричном подходе к изучению явлений, зафиксированных в языке. Среди них особое место имеют так называемая феминистская лингвистика («feministische Linguistik») и гендерные исследования, основной тенденцией которых является ориентация на человека и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчине и женщине, поведение индивидов в зависимости от принадлежности к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах. В рассказе «Красные кораллы» наблюдается обилие индивидуальных определений с оценочным компонентом коннотации (beharrlich, fassungslos, gedankenverloren), экспрессивных синонимов (meerblau, nadelspitz, fischgrau, wutrot), диминутивов (Kästchen, Stämmchen), компаративов (tot wie ein Fisch), что характерно для речевого поведения женщин. Имеют место и стереотипные определения (rot, dünn, stumm, stil, schwarz), а также гипонимы (Therapeut – Arzt) и нейтрально окрашенная профессиональная лексика (Rostfeuerung, Fortschaufelungsofen, Hasenclever-Ofen), используемая в основном лицами мужского пола.

Кроме того, творчество Юдит Херманн вызвало большой резонанс также благодаря лингвистическому аспекту ее произведений. Прозу Юдит Херманн отличает своеобразная манера написания, дающая почву для исследований в семантико-стилистическом ракурсе. Рассказ «Красные кораллы» является наиболее ярким примером творчества Юдит Херманн, отражающим все характерные особенности языкового плана выражения ее произведений. В данном рассказе встречается обилие абсолютных, или «равнозначных синонимов с единым предметно-логическим значением» [4, с. 35]. В качестве примера можно назвать следующие пары слов: Hausmädchen – Zimmermädchen, vorsichtig – umsichtig, bucklich – krumm, dunkel – dämmerig. Рассказ «Красные кораллы» представляет собой яркий пример текста, где фигурирует стилистически недифференцированная лексика при отдельных вкраплениях стилистически маркированных лексических единиц (Samowar, Pelmeni, Lokomotiv).

Еще одним аспектом исследования стала специфика словообразования. В данном рассказе наблюдается большое количество так называемых окказиональных композитов (Nußbäumelein, Herzäugelein, Liebherzelein). По мнению одного из авторитетных исследователей в области стилистики М. П. Брандеса, «словосложение – наиболее распространенный и продуктивный для немецкого языка способ словообразования, главной функцией которого является языковая экономия» [2, с. 118]. В исследуемом рассказе наиболее ярко представлена следующая модель образования производных слов: при помощи нейтральных аффиксов -ung, -heit, -keit. Использование абстрактных существительных с данными аффиксами характерно для научного и публицистического стиля «в качестве способа компрессирования мысли до высокой степени абстракции» [3, с. 15]. Наиболее показательными в этом плане являются следующие слова: Beerdigung, Sitzung, Schönheit, Traurigkeit, Müdigkeit. Встречаются также слова с частичной и абсолютной стилистической окраской, имеющие усилительное значение и позитивную оценочную функцию (Grundzüge, Urgroßmutter, Kästchen, Stämmchen).

Еще одним аспектом данного исследования стали образные средства. Они являются основным средством художественного обобщения действительности и создают возможность передать читателю то особое видение мира, которое заключено в тексте и присуще лирическому герою, автору или его персонажу и характеризует их. Тропы являются частным случаем языкового воплощения образности. Словесные образы в данном рассказе выражены различными способами. Отличительная особенность – обилие всевозможных сравнений. Юдит Херманн использует в основ-

ном краткие, окказиональные сравнения, построенные только на базе субъективных чувств и вводимые союзом *wie* и *als*: «Korallen leuchteten rot wie die Wut», «es klang wie ein Schlaflied». Еще одну группу сравнений образуют сравнения, построенные на базе прямого значения, с рациональной, объективно-уточняющей функцией: «das Meer ist so blau wie ein Türkis».

В меньшей мере в рассказе встречаются метафоры, являющиеся основным средством художественной выразительности. Метафора определяется как скрытое сравнение. Основную часть метафор составляют олицетворения-антропоморфизмы: «als sich die Türen schlossen und die Lokomotive ihren letzten Rauch in die Winterluft blies, erschien am fernen Ende des Perrons die bucklige, krumme Gestalt Isaak Baruws». Ю. Херманн использует также такой прием, как «обезличивание», по Ризель Е., «Entpersonifizierung» [5, с. 87]: «meine Urgroßmutter verschmolz mit dem Dämmerlicht zu etwas Traurigem, Schönem, Fremdem». В тексте имеются примеры таких метафор, как синестезии – явления, основанного на общности эмоционально-оценочной реакции (*wässeriges Licht*), гиперболы – заведомого преувеличения, сообщающего высказыванию эмфатичность (*Himmelbetten*), а также нарочитого преуменьшения – литоты (*drei graue Tränen weinen*), и метонимии («und mit ihnen prasselte ganz Petersburg, die große und die kleine Newa...»). С точки зрения структуры в рассказе «Красные кораллы» преобладают простые метафоры: (*fröstelnde Seele, Himmelbetten, glühende Herzen...*). Метафоры, используемые Ю. Херманн не традиционны, а индивидуальны, поэтому они в полной мере заслуживают такой дефиниции, как окказиональные метафоры.

Следует отметить стилистическую функцию названия рассказа «Красные кораллы». Оно имеет многозначную семантику. С одной стороны, оно обозначает предмет и его качество. С другой стороны, является символом многочисленных воспоминаний из прошлого, ярких, как сами кораллы. Каждый коралл воплощает одно конкретное воспоминание. Финал рассказа символичен – воспоминания тускнеют, если они слишком долго хранятся в памяти: «Du weißt, daß die Korallen schwarz werden, wenn sie zu lange auf dem Meeresgrund liegen».

Семантико-стилистические особенности, характерные для творческой манеры Юдит Херманн имеют место не только в рассказе «Красные кораллы», но и в других произведениях этой писательницы.

Невозможно дать краткую характеристику всего творчества Юдит Херманн, в особенности с учетом того, что недавно вышел новый сборник ее рассказов «Nichts als Gespenster», что может стать опорной точкой для дальнейших исследований творчества этой малоизученной представительницы современной немецкой литературы.

Літэратура

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / Просвещение. М., 1990. С. 9–295.
2. Брандес М. П. Стилистика немецкого текста / Высшая школа. М., 1990. С. 6–320.
3. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / Bibliographisches Institut. Leipzig, 1975. С. 6–394.
4. Gluschak T. S. Funktionalstilistik des Deutschen / Wyshejshaja shkola. M., 1981. С. 5–178.
5. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede / Hochschule. M., 1964. С. 7–315.
6. Интернет-адрес: <http://www.javajilm.de/kritiktank/gelesen/gespenster.html>

ПРЭФІКСАЛЬНЫЯ ПРЫМЕТНІКІ СА ЗНАЧЭННЕМ ВЫСОКАЙ СТУПЕНІ ЯКАСЦІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

В. У. Гатоўская

Пытанне аб прэфіксах і прэфіксацыі як спосабе словаўтварэння закралася многім лінгвістамі, пачынаючы з М. В. Ламаносава. Даследчыкі адзначалі, што прэфіксацыя – малапрадуктыўны спосаб утварэння, тут няма абсалютна прадуктыўных і рэгулярных мадэлей, кола вытворных асноў даволі абмежавана, значэнні, якія перадаюцца прэфіксальнымі вытворнымі, вузкія і аднастайныя.

Спецыфіка прэфіксальнага спосабу словаўтварэння заключаецца ў тым, што ў якасці ўтваральнай асновы выкарыстоўваецца гатовае слова. Прэфіксальныя вытворныя заўсёды адносяцца да той жа часціны мовы і да той жа словазменнай парадэгмы, што і матыва-вальнае слова. Таму прэфіксацыю называюць унутраным словаўтварэннем.

У пачатку XIX стагоддзя ў беларускую літаратурную мову сталі пранікаць прыметнікі з прэфіксамі *архі-*, *гіпер-*, *супер-*, *ультра-*, *экстра-*, якія трывала замацаваліся ў лексічнай сістэме сучаснай беларускай мовы. Такія прэфіксальныя прыметнікі выражаюць агульнае дэрывацыйнае значэнне інтэнсіўнасці, высокай ступені праяўлення якасці ці стану.

Прыметнікі з прэфіксам *ультра-* (лац. *ultra*) абазначаюць ‘крайнюю, празмерную ступень праяўлення прыметы, названай матывавальным словам’: *высокі* – *ультравысокі*, *лявацкі* – *ультра-лявацкі*. У «Руска-беларускім слоўніку» (1937) адзначаны толькі прыметнік *ультрафіялеты*. Аднак у «Русско-белорусском словаре» (1953) зафіксавана значна больш такіх слоў: *ультравысокі*, *ультракароткі*, *ультрамікраскапічны*, *ультрамадны*, *ультрачырвоны*, *ультрарадыкальны*. Яшчэ шырэй такога тыпу вытворныя прадстаўлены ў «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» [8]. У ім зафіксавана 8 прыметнікаў: *ультрагукавы*, *ультра-*

кароткі, ультракароткахвалёвы, ультрамікраскапічны, ультрамодны, ультрасучасны, ультраправы, ультрафіялетаваы.

Мадыфікацыйнае значэнне ‘крайняй, найвышэйшай ступені праяўлення прыметы’ выражаецца ў тым выпадку, калі прэфікс *ультра-* далучаецца да якасных прыметнікаў, у тым ліку і такіх, якія ўзніклі на базе адносных. Прыметнікі ў такім выпадку змяшчаюць элемент ацэнкі: *высокі – ультравысокі, кароткі – ультракароткі, модны – ультрамодны.*

Ступень спалучальнасці прыстаўкі *ультра-* у сучаснай беларускай мове не абмежавана. Яна, як паказвае матэрыял, спалучаецца як са спрадвечнымі словамі (*ультралевы, ультраправы, ультрасучасны, ультрачырвоны*), так і з запазычанымі, пераважна французскага і лацінскага паходжання: *ультрамодны* (фр. *mode*), *ультрарэакцыйны* (лац. *reactio*).

Матывавальныя словы дадзенага тыпу розныя па сваёй структуры. Сярод іх вылучаюцца:

1. невытворныя матывавальныя прыметнікі (*левы – ультралевы*);
2. суфіксальныя матывавальныя прыметнікі, якія часцей ужываюцца з суфіксам **-н-** (*модны – ультрамодны*), радзей **-ск-** (*лявацкі – ультралявацкі*), **-ав-** (*гукавы – ультрагукавы*), **-ічн-** (*мікраскапічны – ультрамікраскапічны*), **-іўн-/ыўн-** (*кансерватыўны – ультракансерватыўны*).

Ужыванне прыметнікаў з прэфіксам *ультра-* у сучаснай беларускай мове абмежавана пераважна навуковай тэрміналогіяй і публіцыстыкай. Яны пераважна сустракаюцца ў газетах і часопісах: *Азоны слой атмасферы з’яўляецца своеасаблівым абаронным экранам, які перашкаджае пранікненню ультрафіялетавага выпраменьвання* (Звязда). Радзей яны сустракаюцца ў тэкстах мастацкай літаратуры: *У гэтых людзей гарачыя галовы і ультрарэвалюцыйны запал* (І. Шамякін «Петраград – Брэст»).

Вышэйшай ступенню праяўлення прыметы валодаюць прыметнікі з прэфіксам *архі-*. Слоўнікі беларускай мовы даюць нешматлікія прыклады прыметнікаў з гэтай прыстаўкай. Так, у «Руска-беларускім слоўніку» (1937) яны наогул адсутнічаюць. У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» фіксуюцца такія прыметнікі, як: *архіасцярожны, архіапартуністычны, архімодны*, а ў «Русско-белорусском словаре» (1928) зафіксаваны адзін прыметнік *архірэ-акцыйны*.

Прыметнікі з прыстаўкай *архі-* семантычна суадносяцца з абстрактнымі назоўнікамі як спрадвечна беларускімі па сваім паходжанні (*архіасцярожны, архіразумны*), так і з запазычанымі (*архібанальны* (фр. *banal*), *архімодны* (фр. *mode*)).

Большасць прыметнікаў з разглядаемым прэфіксам матываваны прыметнікамі з суфіксальнымі морфамі **-н-** (*дзіўны – архідзіўны*), **-альн-**

(геніяльны – архігеніяльны), **-ічн-/ычн-** (апартауністычны – архіапартауністычны), **-к-** (цяжкі – архіцяжкі). Магчыма матывацыя і невытворнымі прыметнікамі (мудры – архімудры, смелы – архісмелы).

Паводле выражаемага значэння яны набліжаюцца да прыметнікаў з прыстаўкай *супер-*, *ультра-*. Назіраюцца выпадкі паралельнага ўжывання гэтых прэфіксаў з аднымі і тымі ж утваральнымі словамі: *архімодны* – *супермодны* – *ультрамодны*. Аднак узаемадзеянне такіх вытворных вядзе да іх размежавання, пэўнай лінгвістычнай спецыялізацыі. Напрыклад, прыметнікі з прэфіксам *архі-* шырока выкарыстоўваюцца ў мастацкай мове, практычна не ўжываюцца ў навукова-тэхнічнай тэрміналогіі, у той час як прыметнікі з прэфіксамі *супер-*, *ультра-* ужываюцца як тэрміналагічныя паняцці: *ультрамікраскапічны* (хім.), *ультрагукавы* (фіз.).

У сучаснай беларускай мове словаўтваральную мадэль «прэфікс *архі+*прыметнік» можна лічыць рэгулярнай, паколькі маецца рад слоў, якія ў слоўніках не фіксуюцца, але ўжываюцца ў маўленні, пераважна ў мастацкіх тэкстах: *архіганебны*, *архігеніяльны*, *архісу-часны*.

Нешматлікую групу складаюць прыметнікі з прэфіксам *супер-*. Гэты прэфікс не валодае строгай выбіральнасцю. Ён спалучаецца як з спрадвечнымі, так і з запазычанымі асновамі: параўн: *супервостры*, *суперсучасны*, *суперэлітны* (фр. *elite*), *суперэфектны* (лац. *effectivus*).

У якасці матывавальных для гэтага тыпу выкарыстоўваюцца толькі прыметнікі з суфіксам **-н-** (*супермодны*) і толькі ў адзінкавых выпадках – невытворныя прыметнікі (*востры* – *супервостры*).

Такія прыметнікі выкарыстоўваюцца пераважна ў газетна-публіцыстычнай мове: *супермоднае адзенне*. Нешматлікія прыметнікі тыпу *супер-эластычны*, *суперэлітны* выкарыстоўваюцца як тэрміналагічныя абазначэнні: *суперэластычны матэрыял* (тэхн.), *суперэлітнае насенне* (с.-г.).

У сучасным беларускім маўленні прыметнікі з прыстаўкай *супер-* набываюць прадуктыўнасць, хоць у «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» і ў «Слоўніку беларускай мовы» (1987) адзначаны толькі такія прыметнікі, як *супермодны*, *суперсучасны*, *суперэлітны*; у «Русско-белорусском словаре» (1993): *супервалютный*, а іншыя слоўнікі, у тым ліку і «Русско-белорусский словарь» (1982), іх наогул не фіксуюць.

Прыметнікі з прэфіксам *гіпер-* (ад грэч. *hyper* – ‘над’, ‘сверх’) маюць значэнне ‘перавышэнне мяжы таго, што названа матывавальным словам’: *гіпергеаметрычны*, *гіперкомплексны*. Па характары семантычнай сувязі з матывавальным словам яны складаюць два падтыпы:

1. прыметнікі, якія абазначаюць ‘перавышэнне мяжы таго, што ўказана матывавальным суфіксальным прыметнікам’: *гукавы* – *гіпергукавы*;

2. прыметнікі, якія абазначаюць ‘перавышэнне мяжы таго, што названа словазлучэннем з матывавальным прыметнікам у якасці азначэння’: *гіпербарычны* ‘перавышаючы межы атмасфернага ціску’ (барычны, які адносіцца да атмасфернага ціску).

Сярод матывавальных прыметнікаў найбольш шырока выкарыстоўваюцца прыметнікі з суфіксам *-ічн-/ -ычн-*: *гіперба-рычны*; радзей з *-н-*: *гіперкомплексны*; *-ав-*: *гіпергукавы*. Большасць з іх мае ў сваёй аснове карані іншамоўнага паходжання, напрыклад: *гіпердактылічны* (гр. *daktylos*). Гэта сведчыць, што прыстаўка *гіпер-* спалучаецца пераважна з іншамоўнымі па паходжанню асновамі.

Выкарыстоўваюцца прыметнікі з прыстаўкай *гіпер-* толькі ў навуковай тэрміналогіі, дзе і набываюць сваю прадуктыўнасць.

Прыметнікі з прыстаўкай *экстра-* у сучаснай беларускай мове ўжываюцца рэдка. Гэта звязана з тым, што ў сучаснай беларускай мове, як і ў рускай, дадзена прэфіксальная марфема ператварылася ў самастойнае слова, якое раўназначнае прыметніку: *масла экстра* ‘самы найвышэйшы гатунак масла’. У акадэмічных граматыках беларускай і рускай мовы гэтыя прыметнікі не апісваюцца, што ў пэўнай ступені можа сведчыць аб іх непрадуктыўнасці [1, с. 313; 2, с. 312].

Прыметнікі з прыстаўкай *экстра-* спалучаюцца толькі з асновамі іншамоўнага паходжання: *экстраардынарны* (лац. *ordinarius*), *экстрамодны* (фр. *mode*).

У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» фіксуюцца яшчэ два прыметнікі: *экстраакулярны* ‘такі, якому ўласціва бачыць без дапамогі вачэй’, *экстралінгвістычны* ‘які мае адносіны да экстралінгвістыкі’. У дадзенай семантычнай групе яны не могуць быць разгледжаны, да таго ж прыметнік *экстралінгвістычны* будзе з’яўляцца суфіксальным вытворным, паколькі фармальна і семантычна яно суадносіцца з назоўнікам *экстралінгвістыка*.

Наяўнасць семантычных і стылістычных адценняў ў прыметніках з прэфіксамі іншамоўнага паходжання *архі-*, *гіпер-*, *супер-*, *ультра-*, *экстра-* стварае спецыфіку ў выбары асноў. Патэнцыяльная магчы-масць спалучэння большасці прыставак з аднатыпнымі асновамі вядзе да ўзнікнення паралельных утварэнняў і, разам з тым, да строгай замацаванасці вытворных па моўных стылях.

Літаратура

1. Беларуская граматыка: У 2 т. Мн.: Навука і тэхніка, 1985. Т. 1.
2. Русская грамматика: В 2 т. Редкол. Н. Ю. Шведовой (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

3. Руска-беларускі слоўнік / Пад рэд. А. Александровіча. Мн.: Выд-ва АН БССР, 1937.
4. Русско-белорусский словарь: В 2 т. / Ред. К. К. Атрахович. 2-е изд., доп. и перераб. Мн.: Белорус. Сов. Энцикл., 1982.
5. Русско-белорусский словарь: В 3 т. / АН Беларусі, Ін-т Языкознання Я. Коласа, 4-е изд., испр. и доп. Мн.: БелЭН, 1993.
6. Русско-белорусский словарь / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы. М.: Изд-во иностр. и национ. словарей, 1953.
7. Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Пад. рэд. М. В. Бірылы. Мн.: БелСЭ імя П. Броўкі, 1987.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Пад. рэд. К. К. Атраховіча. Мн.: БелСЭ, 1977–1984.

ІДЭЙНА-МАСТАЦКІЯ ПОШУКІ В. БЫКАВА 90-х гг. (АД АПАВЯДАННЯ ДА ПРЫПАВЕСЦІ)

Р. Ю. Дубашынскі

У сучаснай сусветнай літаратуры цэнтральнае месца займаюць пераважна малыя жанравыя формы. Развіццё літаратурнага працэсу ў кірунку ад вялікіх форм да малых можна назваць заканамерным.

Васіль Быкаў пачынаў свой творчы шлях з апавяданняў. Пераход да аповесці, якая на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў заставалася дамінантным жанрам быкаўскай творчасці, тлумачыцца імкненнем пісьменніка як мага больш дэталізавана раскрыць тую ці іншую га-лоўную тэму і праблему. У 90-я гг. ён зноў аддае перавагу жанру апавядання. Мажліва, таму, што малая форма, у адрозненне ад вялікай, як слушна зазначае М. Чудакова, дазваляе творцу сказаць больш. Ды і схільнасць да філасофскага асэнсавання праблем рэчаіснасці, мінулага, сучаснага і будучага накіроўвае пісьменніка ў накірунку да кананічных форм. В. Быкаў на новым этапе творчасці робіць крок на новую прыступку – пераходзіць на ўзровень філасофскіх універсальных.

Ідэйна-мастацкая эвалюцыя В. Быкава 90-х гг. ад апавядання да прыповесці ажыццяўлялася праз жанр аповесці. Па аб'ёме яго сучасныя аповесці значна меншыя за ранейшыя, што таксама пацвярджае схільнасць пісьменніка да малой формы. У творы «Пакахай мяне, салдацік» у чарговы раз паказана жорсткае аблічча вайны. Гэтай жа тэме прысвечаны апавяданні «Палітрук Каламіец» і «Палкаводзец».

Пра змрочныя часы таталітарызму В. Быкаў пісаў у савецкія часы («Мёртвым не баліць»). Апавяданне «Жоўты пясочак» пра рэпрэсіі 30-х гг. падаецца вышэйшым пунктам у даследаванні творца дзейнасці сістэмы па вышукванні ворагаў народа. Пісьменніка цікавіць сама сутнасць з'явы, якую прынята называць сталінізмам. Да ворагаў залічвалі не толькі людзей кшталту паэта Фелікса Грома ці селяніна Аўтуха, але і

саміх чэкістаў. Сурвіла, які працаваў у след-чым адзеле, усё рабіў згодна з канонамі рэпрэсіўнай сістэмы, не думаў, што можа лёгка апынуцца ў адной яміне з тымі, каго калісьці мардаваў і забіваў. Але перад самай смерцю з вуснаў Сурвілы злітаюць ужо словы пратэсту і праўды.

Праблема замбаванасці паўстае і з апавядання «Зенітчыца». Пры выхадзе з акружэння гераіня твора Ніна Башмакова на просьбу камбата Калашнікава прастрэліць яму руку глядзіць праз прызму савецкага патрыятызму, адмысловага ў сваёй рэалізацыі. Таму яна і забівае камбата, не зважаючы на каханне да яго. Пра франтавое каханне ідзе гаворка і ў апавяданні «Кароткая песня». Сітуацыя вельмі падобная да той, што мы назіралі ў «Зенітчыцы». Камандзір Федзя і санінструктарка Зіна кахаюць адно аднаго. Але іх напаткала бяда: абое трапілі ў палон. Паліцаі везлі іх здаваць немцам. На просьбу Фёдара адпусціць дзяўчыну, галоўны паліцай адказвае, што зробіць тое толькі «за нежны пацалуй». Здарылася «паскуднае і страшнае» – забойства, але забойства не фізічнае, а маральнае. «Нават у д’ябальскіх варунках вайны жыццё ўсё ж даражэй за каханне. Можа, таму, што жыццё на вайне набывае адмысловы кошт. Жыць без кахання магчыма, а мёртваму ўжо не кахаць. А ўвогуле, і так, і так кепска...» [1; с. 22]. У гэтых словах – увесь Быкаў, для якога не існуе пэўна вызначанай «залатой сярэдзіны».

Гаворачы пра ўвасабленне філасофіі экзістэнцыялізму ў творчасці В. Быкава, узнікае пытанне, якога роду гэты экзістэнцыялізм: стыхійны ці свядомы. Асноўныя модусы быцця ў экзістэнцыялізме – закінутасць, страх, трывога, прыгнечанасць, клопат, згрызоты сумлення – у большай ці меншай ступені праяўляюцца абсалютна ва ўсіх творах пісьменніка. Па творчасці апошняга часу можна меркаваць, што экзістэнцыялізм у В. Быкава усё ж не стыхійная з’ява. Гэта і не наследаванне Ж.-П. Сартру і А. Камю, хоць творца, вядома, быў знаёмы з іх тэарэтычнымі распрацоўкамі. У апавяданні «Пагорак» мы сустракаем з такой катэгорыя экзістэнцыялізму, як свабодны выбар. Чалавеку трэба зрабіць выбар, вынік якога яму не дадзена ведаць. Як заўважае Е. Лявонава, «спраўляе баль яго вялікасць выпадак» [2; с. 25]. Капітан Лемеш, атрымаўшы даволі выгоднае накіраванне ў стралковы батальён, спыніўся перад выбарам, якім шляхам паехаць: па лагчыне ці праз пагорак. Выбраў другое, не ведаючы, што там праз імгненне абарвецца яго жыццё. Дарэчы, менавіта пагорак быў месцам гібелі аўтаматчыкаў з апавядання «Кацюша», на пагорку расстрэльваюць вязняў у «Жоўтым пясочку», на пагорку выконваецца прыгавор вайсковага трыбуналу ў «Палкаводцы». Можна сцвярджаць, што гэты вобраз-локус у творчасці пісьменніка набывае сімвалічнае значэнне, становіцца ўвасабленнем бездапаможнасці чалавека перад тварам смерці, трагічнай наканаванасці яго лёсу (таксама адзнака экзістэн-цыялізму).

В. Быкаў звяртаецца і да асэнсавання іншых трагічных старонак нашага мінулага, прычым у рэчышчы экзістэнцыялізму. Неабход-насць рабіць выбар у выключным драматычна-трагічным становішчы назіраем у апавяданні «На чорных лядах». Падзеі ў творы разгортваюцца тады, калі выбар слуцкімі паўстанцамі ўжо зроблены. Памерці дзеля жыцця родных і блізкіх. Памерці не ад варожай кулі, а сваёй уласнай рукою паставіць апошнюю кропку. І «рытуал» самазнішчэння здзяйсняюць усе, акрамя пятнаццацігадовага Валодзькі Сулашчыка. «Камандзір колькі ні думаў, ніяк не мог пагадзіцца з пагібеллю» хлопчыка. «І не ведаў, што можна прыдумаць, як схіт-рыць, каб неяк зберагчы ягонае жыццё» [3; с. 273]. Але хітраваць не давялося. У барабане рэвальвера не хапала аднаго патрона.

Экзістэнцыялізм яскрава характарызуе такая катэгорыя, як абсурд, які праяўляецца ў творы, хоць, можа, і не так выразна. Але калі ёсць абсурд, павінен быць і не-абсурд. Адзіны не-абсурд у экзістэнцыялізме – гэта сумленнасць чалавека перад самім сабой, турботы, клопат пра любога чалавека, што мы і бачым у апавяданнях «На чорных лядах» і «Кароткая песня».

Недзе з другой паловы 90-х гг. В. Быкаў часцей звяртаецца да праблем сучаснасці. Аднак пераход гэты адбываецца са зменай формы адлюстравання ідэйнага боку твораў: яна паступова пачынае набываць алегорыка-сімвалічную абалонку. Апавяданне «Труба» пабудавана на прынцыпах экзістэнцыялізму. Пісьменнік «заганяе» свайго героя ў пастку, які мусіць там «дзеінічаць без надзеі на поспех» [4; с. 506]. Праз асабістыя думкі Валеры Сарокіна (апавяданне літаральна прасякнута няўласна-простай мовай) абмаляваны агульны стан не толькі савецкай рэчаіснасці, але і сучаснай. Свабодны выбар у яго сітуацыі з'яўляецца абсурдным сам па сабе. Але як гэта ні парадаксальна, менавіта ў трубе ён адчуў сябе сапраўды свабодным. Нарэшце, выбар Валера ўсё ж робіць – «нікуды адсюль больш не ісці. Не лезці, не караскацца» [5; с. 28] (як было дагэтуль, калі яго дзеянні адпавядалі эпіграфу сталага экзістэн-цыялізму, сфармуляванаму А. Камю, паводле якога чалавек, калі ён чалавек, павінен шукаць выйсце).

Кніга прыпавесцей В. Быкава «Пахаджане» – рэакцыя пісьменніка на сучаснасць і яе праблемы. У той жа час яго думка скіравана на асэнсаванне пытанняў фундаментальных, што маюць універсальнае гучанне. Пісьменнік аддаў перавагу прыпавесці з яе алегорыямі, сімваламі, за якімі схаваны глыбокі сэнс, крыецца Ісціна.

Галоўнымі складнікамі жанру прыпавесці з'яўляюцца алегарыч-насць і павучальнасць. Часам яна можа суправаджацца мараллю. Гэтым прыпавесць блізкая да байкі. Аднак, у адрозненне ад апошняй, ідэйны

бок у прыпавесці выяўляецца не ў тэксце, а ў падтэксце. У байцы чытач успрымае ідэю пасіўна, у прыпавесці – актыўна.

Важным падаецца разгляд прыпавесцей праз прызму канцэптаў, якія тут варта ўспрымаць як філасофскія універсаліі. Канцэптамі «Радзіма», «Нацыя» прасякнуты ўсе без выключэння творы слыннага майстра слова. У цэнтр прыпавесці, якая дала назву ўсёй кнізе, пакла-дзена канцэптуальная схема «Радзіма» – «Дарога» – «Правадыр». Дарогу адолее той, хто ідзе. З гэтым не выпадае спрачацца. Але варта памятаць, што шлях да высокай мэты ніколі не бывае лёгкім. І галоўная задача – пераадолець усе перашкоды, прайсці праз выпрабаванні. І яшчэ – дзейнічаць у згодзе. Толькі ў згодзе, у непарыўнай лучнасці з прагаю, жаданнем здабываюцца вялікія перамогі.

У прыпавесці «Насарогі ідуць» мы маем справу з канцэптам «Незалежнасць», да якога непасрэдна прымыкае супрацьпастаўленне «Свае»–«Чужыя». Прынцып «Свае»–«Чужыя» падзяляе сем’і – нас і нашых суседзяў, роды і кланы больш архаічных грамадстваў, веравызнанні, расы і г. д. І ўжо цалкам канцэптуальна і канцэптуалізавана ён адрознівае «свой народ» ад «не свайго», «іншага», «чужога».

Такім чынам, В. Быкаў імкнецца, з аднаго боку, да універсальнасці зместу, з другога – да лаканічнасці, выразнай адшліфаванасці малых праявічых форм і вербальнага матэрыялу. Гэта дазволіла пісьменніку тварыць у злітным суладдзі формы і зместу, напаўняючы апавяданні і прыпавесці незвычайнай моцы псіхалагізмам, жывой філасофіяй быцця. Малыя праявічныя формы В. Быкава змяшчаюць філасофскія універсаліі. У пераліку іх – канцэпты «Радзіма», «На-род», «Мова», «Свае–Чужыя», «Змаганне», «Правадыр», «Воля», «Пастка», «Аптымізм–Песімізм» і інш. Гэта «вечныя» тэмы жыцця народаў, тэмы, якія ў кожную эпоху набываюць вырашэнне на новым жыццёвым матэрыяле.

Думаецца, усё вышэй сказанае дазваляе лічыць В. Быкава буйнейшым пісьменнікам-філосафам ХХ ст. у маштабах не толькі Беларусі, але і ўсяго свету.

Літаратура

1. *Быкаў В.* Кароткая песня // *Полымя*. 2002. № 1.
2. *Лявонава Е.* Творчасць Васіля Быкава і Жана Поля Сартра праз прызму традыцыі Дастаеўскага: філасофска-эстэтычныя перасячэнні // *Роднае слова*. 2000. № 2.
3. *Быкаў В.* Збор твораў: У 6 т. Т. 6. Мн.: Маст. літ. 1994.
4. *Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия. 1987.*
5. *Быкаў В.* Труба // *Полымя*. 1998. № 9.

ФОРМЫ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ УКРАЇНСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ПЕРЫЯДЫЧНЫМ ДРУКУ 20-Х ГГ. ХХ СТ. («МАЛАДНЯК», «УЗВЫШША», «ПОЛЫМЯ»)

М. М. Запартыка

20-я гады ХХ стагоддзя – непаўторны, зорны перыяд у гісторыі беларускай культуры. У гэты час з’яўляюцца згуртаванні, а разам і часопісы «Полымя», «Маладняк», «Узвышша», якія занялі значнае месца ў гісторыі літаратуры. Гэтыя перыядычныя выданні былі асяродкам літаратурнага жыцця. Амаль з першых нумароў яны пачалі наладжваць сувязі з літаратурамі іншых рэспублік. Найбольш цесныя кантакты, і найбольш акрэсленыя, узніклі з украінскімі літаратурнымі часопісамі і суполкамі. Тлумачыцца гэта гістарычнымі, палітычнымі, геаграфічнымі ўмовамі, блізкасцю моў і культур. Даследаваннем гэтага перыяду, у той ці іншай ступені, займаліся нашы айчыныя гісторыкі літаратуры. Сярод іх трэба найперш назваць П. Ахрыменку, Я. Ларчанку, К. Хромчанку, У. Навумовіча. Працэс украінска-беларускіх літаратурных сувязей па розных прычынах, у тым ліку і з прычыны ранейшай заідэалагізаванасці, даследаваны не поўнасцю. Сённяшні час дазваляе выкарыстаць но-выя матэрыялы: архіўныя і бібліятэчныя фонды, што доўгі час знаходзіліся ў спецсховах.

Не прэтэндуючы на паўнату даследаванняў літаратурных сувязей, спынімся на іх найбольш важкіх і паказальных праявах. Звяртаючыся да трох вядучых выданняў 20-х гадоў («Маладняк», «Полымя», «Узвышша»), можна вылучыць некалькі формаў рэпрэзентацыі ўкраінскай літаратуры ў беларускім перыядычным друку. Першай і асноўнай формай можна вылучыць хроніку літаратурнага жыцця Украіны.

У часопісах «Полымя» і «Маладняк» рэгулярна змяшчалася інфармацыя аб культурным і літаратурным жыцці братняй рэспублікі. Звесткі падаваліся пад рубрыкай «Хроніка». Стыль хронік, іх інфармацыйная напоўненасць у дадзеных перыядычных выданнях адрознівалася адна ад адной. У «Маладняку» звесткі падаваліся лаканічна, не дэталізуючы падзей, апісвалася толькі іх сутнасць. Рэдка сустракаецца суб’ектыўная ацэнка ці характарыстыка той ці іншай з’явы. Напрыклад: «Згуртаванне пісьменнікаў Заходняй Украіны наладзіла 28 студзеня літвечар, прысвечаны творчасці Васіля Стэфаніка» («Маладняк», 1927, №2, с. 105); «Пісьменік Воруські, які жыве ў Кіеве, піша вялікую аповесць з беларускага жыцця на ўкраінскай мове» («Маладняк», 1925, №8, с. 98).

Зразумела, што большая ўвага надавалася навінам аб стасунках Украіны і Беларусі. Сустрэчы пісьменнікаў апісваліся храналагічна

падрабязна. Так, у «Маладняку» за 1928 год № 6 пад асобным загаловаўкам «Падарожжа на Беларусь Украінскіх пісьменнікаў» распавядаецца аб прыездзе П. Тычыны, С. Піліпэнкі, Ул. Сасюры, М. Сэмэнкі, В. Полішчука, І. Куліка, П. Панча, А. Любчэнкі, А. Паніва. Падрабязна апісваецца ўся культурная праграма, якую падрыхтавалі беларускія пісьменнікі для гасцей. Праз пэўны час («Маладняк», 1928, №8) з'яўляюцца нататкі аб падарожжы на Украіну беларускіх пісьменнікаў пад загаловаўкам «14 дзён на Украіне», дзе у такім жа стылі апісваецца падарожжа В. Каваля, А. Звонака, І. Барашкі, В. Маракова, А. Моркаўкі, А. Салагуба, М. Нікановіча, С. Баркоўскага, Я. Мазуркевіча. У гэтым жа нумары змяшчаецца фотаздымак удзельнікаў сустрэчы. У апісанні такіх падзей, сапраўды значных для культурнага развіцця краін, заўсёды падкрэслівалася шчырасць узаемаадносін Украіны і Беларусі.

Часопіс «Полымя» тую ці іншую з'яву украінскай культуры імкнуўся падаць максімальна падрабязна, нават калі падзея не тычылася сумесных мерапрыемстваў. Тут «Хроніка ўкраінскага культурнага жыцця», у асноўным, друкавалася асобным артыкулам, у адрозненне ад «Маладняка», дзе ў хроніцы не вылучаліся асобнымі раздзеламі літа-ратуры рэспублік СССР. Інфармацыя давала падрабязнае апісанне падзеі, не пакідаючы невысветленых момантаў. Напрыклад, паведамленне аб 15-й гадавіне смерці ўкраінскага пісьменніка М. Кацюбінскага («Полымя», 1928, №3), суправаджаецца паведамленнем аб асноўнай тэматыцы творчасці пісьменніка, аб яго асабістым і літаратурным лёсе, апісваецца культурная праграма, прысвечаная памяці М. Кацюбінскага, якая адбудзецца, распавядаецца пра музей пісьменніка і яго сяброўства з Максімам Горкім. На старонках маладнякоўскай хронікі такая разгорнутая інфармацыя аб падзеях украінскай культуры не сустракаецца. Магчыма, гэта сведчыць аб тым, што пісьменнікі, якія гуртаваліся вакол часопіса «Полымя», мелі з Украінай больш шчыльныя стасункі, добра адпрацаваныя шляхі абмену інфармацыяй аб падзеях у культурным жыцці абедзвюх рэспублік.

У часопісе «Узвышша» інфармацыя пра культурнае жыццё Украіны сустракаецца рэдка, не мае такога сістэмнага характару, як у «Маладняку» і «Полымі», а ў 1928 г. увогуле знікае са старонак часопіса. Тая ж інфармацыя, што яшчэ з'яўлялася ў 1927 годзе, не мела вызначанай тэматыкі. Суполка «Узвышша» імкнулася да еўрапейскай літаратуры, таму ў часопісе часцей сустракаецца хроніка літаратурнага жыцця краін Захаду.

На фоне названых часопісаў «Маладняк» вылучаўся яшчэ і тым, што на яго старонках друкаваліся артыкулы аб украінскай літаратуры даследчага характару. Тут было змешчана некалькі прац прафесара

П. Бузука: «Українская літаратура пасля Кастрычніка» («Маладняк», 1927, №10), «Аб беларуска-ўкраінскім літаратурным пабрацімстве» («Маладняк», 1928, №7), «Некалькі слоў аб літаратурным жыцці Заходняй Украіны» («Маладняк», 1929, №11/12), дзе аўтар дае карціну развіцця ўкраінскай літаратуры, з сапраўдным талентам і прафесіяналізмам аналізуе яе. Даследчык В. Мачульскі ў працы «З сучаснага стану літаратуразнаўства Украіны» («Маладняк», 1929, №3) падае дакладныя навуковыя і факталагічныя матэрыялы па дадзенай праблеме. У гэтым шэрагу можна назваць і артыкулы Л. Быкаўца «Літаратурныя арганізацыі на Украіне» («Маладняк», 1927, №4) і У. Карака «Українская савецкая літаратура» («Маладняк», 1929, №7-8). Такім чынам, можна меркаваць, што часопіс «Маладняк» адрозніваўся ад «Полымя» і «Узвышша» большай відавой разнастайнасцю інфармавання чытача аб украінскай літаратуры.

У рубрыках пад назвай «Кнігапіс» і «Бібліяграфія» часопісы «Полымя», «Маладняк», «Узвышша» змяшчалі крытычныя водгукі на новыя выданні суседніх літаратур. Рэцэнзіі на ўкраінскія творы змяшчаліся ў названых перыёдыках рэгулярна. Даследчыкі імкнуліся як мага хутчэй выказацца пра той ці іншы твор, часопіс, зборнік, каб інфармацыя не страціла актуальнасці. Займалася аглядам украінскіх кніжных навінак пэўнае кола крытыкаў. Так, у часопісе «Маладняк» з водгукамі выступалі М. Аляхновіч, С. Баркоўскі, Х. Шынклер, Б. Мікуліч, М. Каспяровіч; ва «Узвышшы» – Я. Кудзер (Я. Пушча), В. Мачульскі, К. Чорны, Б. Папкоўскі; у «Полымі» – П. Бузук, Л. Акіншэвіч. Гэтыя рэцэнзіі, з пункту гледжання таго часу, былі, у большасці сваёй, аб'ектыўнымі. Крытыкі стараліся не абмінаць хібаў і недахопаў. Варта адзначыць літаратуразнаўчы прафесіяналізм нашых даследчыкаў. Напрыклад, у часопісе «Маладняк» (1929, №3) выйшла рэцэнзія на альманах «Нова Білорусь» пад рэдакцыяй С. Піліпенкі крытыка М. Аляхновіча, які даволі справядліва робіць шматлікія заўвагі аўтару прадмовы М. Байкову і адзначае, што даследчык дапускае шмат памылак храналагічнага і факталагічнага характару. Такія недахопы не маглі не быць заўважанымі.

«Полымя», у адрозненне ад «Маладняка» і «Узвышша», вылучалася тым, што рэцэнзіі на выданні насілі памяркоўны і нават кампліментарны характар, хаця беларускую крытыку таго часу нельга абвінаваціць у павярхоўнасці даследаванняў. Сервільнасці ж пазбегнуць было цяжка ўсім.

Адной з формаў асваення ўкраінскай літаратуры беларускай перыёдыкай 20-х гадоў з'яўляюцца пераклады твораў украінскіх аўтараў на беларускую мову. Пераклады друкавалі «Полымя» і «Маладняк», зусім не друкаваў часопіс «Узвышша».

«Полымя» змясціла шэраг твораў украінскіх пісьменнікаў, сярод якіх паэма В. Палішчука «Адыгейскі пясняр» у перакладзе А. Александровіча (1928, №8) і яго ж нататкі «Эскізы Норвэгіі» (1929, №4, перакладчык не ўказаны). Перакладаў не магло быць многа, відавочна не хапала прафесійных перакладчыкаў. Што датычыцца «Маладняка», то менавіта тут сустракаецца найбольшая колькасць твораў украінскіх пісьменнікаў. У часопісе друкаваўся У. Сасюра, П. Тычына, І. Сенчанка, Т. Масэнка, І. Мікітэнка. Пераклады належылі (цяпер ужо класікам беларускай літаратуры) Я. Пушчу, У. Дубоўку, А. Звонаку і інш. Зразумела, што большасць перакладзеных твораў былі рэвалюцыйнай тэматыкі, ці творы, прысвечаныя Беларусі: вершы У. Сасюры «Беларусь» (1928, №9); Т. Масэнкі «Беларусь» (1928, №4). Такую цікавасць «Маладняка» да мастацкіх твораў суседняй рэспублікі можна патлумачыць, акрамя ўсяго, «Статутам» літаратурнай арганізацыі, дзе ў §7 запісана, што суполка павінна «трымаць зносіны з мэтай адзінага пралетарскага фронту ў літаратуры з аб'яднаннямі пралетарыятаў як СССР, так і Заходняй Эўропы» («Маладняк» 1925, № 7, с. 10). Гэта дае падставу меркаваць, што супрацоўніцтва маладнякоўцаў з украінскімі суполкамі і пісьменнікамі насіла планавы характар. Такая палітыка ўплывала на якасць адбору друкаваных твораў. «Узвышша» займала іншую пазіцыю і ўвогуле пазбягала друкаваць творы небеларускіх аўтараў. Менавіта так «Узвышша» падкрэслівала сваю незалежнасць ад астатніх суполак і арганізацый. У меншай ступені, але падобная тэндэнцыя назіралася і ў «Полымі».

Такім чынам, асноўнымі формамі рэпрэзентацыі ўкраінскай літаратуры ў Беларускім перыядычным друку 20-х гадоў ХХ ст. былі хронікі ўкраінскага літаратурнага жыцця, рэцэнзіі і даследаванні, бібліяграфіі, пераклады твораў на беларускую мову.

Літаратура

1. Маладняк. 1923. № 1; 1924. № 2–4; 1925. № 6–9; 1927. № 1–10; 1928. № 1–10, 12; 1929. № 1–7, 9–12; 1930. № 1–3, 5–9, 12.
2. Полымя. 1925. № 3, 8; 1926. № 6; 1928. № 3, 4, 8, 10; 1929. № 4, 8/9, 10, 11/12.
3. Узвышша. 1927. № 1–6; 1928. № 1–6; 1929. № 1–10.

ЧЫСЦІНЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў АСВЯТЛЕННІ ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ 1945 – 1959 ГАДОЎ

Г. В. Заяц

У пасляваенны перыяд на старонках газет і часопісаў сярод пытанняў культуры мовы найбольш актыўна абмяркоўвалася праблема захавання яе чысціні ў мастацкіх творах і сродках масавай інфармацыі (палі-

тадзельскіх, раённых, абласных газетах і радыё). Артыкулы на гэтую тэму друкаваліся пераважна ў «ЛіМе» і «Звяздзе», але зрэдку сустракаліся і ў «Настаўніцкай газеце», «Мінскай праўдзе», магілёўскай абласной газеце «За Радзіму», «Калгаснай праўдзе» (орган ЦК КП(б) Беларусі), а таксама ў часопісах «Полымя», «Беларусь», «Маладосць». У асвятленні чысціні мовы мастацкай літаратуры галоўная роля належала перш за ўсё пісьменнікам. Так, з артыкуламі ў друку выступілі Я. Колас, П. Глебка, М. Лобан, М. Лужанін, У. Юрэвіч, Я. Скрыган, Б. Сачанка. Павышэнню надзвычай нізкага ўзроўню культуры мовы раённых газет былі прысвечаны рэдакцыйныя артыкулы газеты «Звязда». У грамадскім абмеркаванні моўнай тэматыкі прымалі ўдзел таксама школьныя настаўнікі, супрацоўнікі рэдакцый, студэнты БДУ і Мінскага педагагічнага інстытута. Асвятленне ў друку пытанняў чысціні беларускай мовы было цесна звязана з пошукамі крыніц яе ўзбагачэння. Аўтары артыкулаў выказвалі свае адносіны ў першую чаргу да русізмаў, дыялектызмаў, архаізмаў і канцылярызмаў.

РУСІЗМЫ

Выключнае значэнне ў папаўненні беларускага лексікону запазычанымі словамі надавалася рускай мове, а магчымасць іншых уплываў зусім не разглядалася. На працягу першага пасляваеннага дзесяцігоддзя зыходным тэзісам у друку было тое, што руская мова побач з народнай з'яўляецца галоўнай крыніцай узбагачэння беларускай літаратурнай мовы. Аднак лічылася магчымым запазычваць толькі такія словы, неабходнасць якіх выразна адчувалася ў роднай мове, найперш навуковыя і тэхнічныя тэрміны. Як дазвол на частковае вызваленне ад рускамоўнага ўплыву было ўспрынята выказванне Я. Коласа ў «ЛіМе» ў артыкуле «Развіваць і ўзбагачаць літаратурную мову»: «Перад увядзеннем кожнага новага слова трэба добра абшарыць кішэні свае памяці, перагледзець слоўнікавыя і фальклорныя крыніцы, прыслухацца да жывой гаворкі – а можа і знойдзецца якраз тое, што неабходна, што ўжо ўжывалася і чамусьці забыта, ці ўжываецца і невядома нам» [3]. Акрамя таго, спасылаючыся на мовазнаўчыя працы І. Сталіна і ўхваляючы іх, аўтары артыкулаў дазвалялі сабе больш смела выказвацца за чысціню мовы, не выходзячы за межы вызначанага курсу на збліжэнне беларускай і рускай моў. У мастацкіх творах і публіцыстыцы раілася пазбягаць непатрэбных рускіх слоў, напрыклад, *кацёнак* [3], *сеў*, *памол*, *ліственніца*, *нядзеля*, *абярнуўся* [7], *брацішка*, *капна* [15] і ўжываць замест іх родныя.

Нягледзячы на тое, што ў тагачасных палітычных умовах не магла ісці гаворка пра засмечанасць мовы русізмамі, а, наадварот, толькі пра яе

ўзбагачэнне, з імі вялася барацьба. Аднак аўтары артыкулаў паслядоўна пазбягалі ўжываць тэрмін «русізмы», называючы іх апісальна неўласцівымі беларускай мове выразамі ці недасканалымі, нятворчымі перакладамі з рускай мовы нават у тых матэрыялах, якія пісаліся беларускімі журналістамі без выкарыстання іншамоўных крыніц.

З пачаткам палітычнай «адлігі» адбыліся змены і ў ходзе грамадскага абмеркавання лінгвістычных праблем. У артыкулах больш не згадвалася руская мова як крыніца ўзбагачэння беларускай, а падкрэсліваліся народныя асновы апошняй. Разам з тым арыентацыя на народную мову, якая ўжо зазнала значны ўплыў рускай, не заўсёды іграла станоўчую ролю ў справе захавання чысціні беларускай літаратурнай мовы. Так, Я. Скрыган лічыў неабходным ужываць словы *палучаць, давольны, замысел, трудна, старана* [9], *памагаць, скоранька, неўзамтку* [10]. Ён даводзіў, што яны з'яўляюцца роднымі для нашай мовы, бо шырока ўжываюцца ў народзе. З такім меркаваннем пагадзіўся У. Юрэвіч і працягнуў гэты спіс словамі *чуць* (прысл.), *ждаць, відзець*, таксама вельмі распаўсюджанымі ў народзе [14].

ДЫЯЛЕКТЫЗМЫ І АРХАІЗМЫ

Адносіны ў перыядычным друку да дыялектызмаў вызначаліся ў залежнасці ад таго, маюць яны новыя для літаратурнай мовы значэнні ці адценні значэнняў або паўтараюць ужо наяўныя. У першым выпадку іх ужыванне апраўдвалася, але адносна другога існавалі разыходжанні ў поглядах. Так, М. Лобан сцвярджаў, што яны толькі засмечваюць мову мастацкай літаратуры, якую атаясамліваў з літаратурнай мовай [5; 6]. П. Глебка рабіў выключэнне для дыялектных слоў як сродкаў моўнай характарыстыкі герояў у творы [2]. Яшчэ далей пайшоў М. Лужанін, прапаноўваючы ўжываць у літаратурнай мове дыялектызмы ў якасці варыянтаў да ўжо вядомых слоў [7]. Але адносна вузкіх правінцыялізмаў існавала адзінства ў перакананнях – адзінадушна прызнавалася, што яны засмечваюць мову. Негатыўна ацэньвалася таксама ўжыванне архаізмаў, тым больш непрымальнае, што гэта было ўласціва моўнай практыцы 1920-х гадоў, ад традыцый якіх у БССР адмаўляліся. Аднак і тут вылучалася пазіцыя М. Лужаніна: ён лічыў архаічныя словы неабходнымі для стварэння маляўнічых мастацкіх твораў з ярка выпісанымі вобразамі-персонажамі [7].

Як заўважалася ў друку, нярэдка аўтары крытычных артыкулаў у ацэнцы той ці іншай моўнай з'явы кіраваліся выключна ўласным густам, часам ім проста не хапала лінгвістычных ведаў [7; 13; 14]. Акрамя таго ў беларускім мовазнаўстве не было праведзена выразнай мяжы паміж дыялектызмамі, архаізмамі і нормай.

Пасля 1956 года на старонках перыядычных выданняў неаднаразова падкрэслівалася неабходнасць наблізіць беларускую літаратурную мову да народнай. У сувязі з гэтым Я. Скрыган заахвочваў маладых літаратараў ужываць такія сакавітыя, каларытныя словы, як *цяперся, здоўжыўся, надоечы, паразумеліся* [9]. Прыхільнікам папаўнення сінанімічных радоў за кошт дыялектызмаў выступіў у друку настаўнік Антонаўскай сярэдняй школы Л. Царанкоў, які пахваліў маладога пісьменніка А. Бажко за ўжыванне новых для шырокага чытача, свежых слоў *сенаваў, загайнік, нямоглы, доўжыцца, выступкі, ямнік* [11]. Аднак пільныя ахоўнікі чысціні мовы паранейшаму сачылі, каб пад выглядам сакавітых народных слоў у яе не траплялі дыялектызмы, як, напрыклад, паводле настаўніка М. Кулакоўскага, адбылося з дзеясловам *ставіцца* [4]. Трэба разумець, ён лічыў правільным ужываць слова *адносіцца*, арыентуючыся на рускае *относиться*. Падобныя заўвагі былі магчымымі таму, што не існавала аб'ектыўнага крытэрыю адрознення дыялектызмаў, сакавітых народных слоў і запазычанняў з рускай мовы. Гэтыя найменні набывалі ў газетных артыкулах ацэннае значэнне.

КАНЦЫЛЯРЫЗМЫ

На старонках перыядычных выданняў неаднаразова ўзнімалася праблема засмечанасці мовы канцылярызмамі і штампамі. У першую чаргу гэта тычылася палітаддзельскіх, раённых і абласных газет. Найчасцей крытыкавалася ўжыванне словазлучэнняў, пабудаваных па мадэлі «дзеяслоў+аддзеяслоўны назоўнік», што лічыліся абсалютна неўласцівым народнай мове, напрыклад, *вытвараецца продаж паштовых марак* [8], *закончыць прывядзенне ў парадак сельгасмашын* [1], *праводзяць баранаванне, пачалі праводзіць касьбу* [12] і г. д. Пазіцыя Я. Скрыгана была больш радыкальнай: ён адмаўляў права на існаванне ў літаратурнай мове аддзеяслоўных назоўнікаў, напрыклад, *з'яўленне, разыходжанне, заканчэнне, сведчанне, патрабаванне, прыход, выданне*, патрабуючы паслядоўна замяняць іх на адпаведныя дзеясловы [8]. У гэтым выпадку арыентацыя на народныя гаворкі прывяла да ігнаравання аб'ектыўных законаў развіцця літаратурнай мовы.

Такім чынам, праблема захавання чысціні беларускай мовы была паспраўднаму актуальнай у пасляваенны перыяд. Супрацоўнікі рэдакцый газет, дыктары радыё надзвычай дрэнна валодалі роднай мовай, не вызначаліся майстэрствам і маладыя пісьменнікі. Дзяржава не клапацілася пра падрыхтоўку кваліфікаваных спецыялістаў: выкладанне ў вышэйшых навучальных установах вялося па-руску. Адказнасць за павышэнне культуры беларускай мовы ўсклала на сябе грамадскасць, у першую чаргу пісьменнікі і літаратурныя крытыкі. Аднак большасць выказванняў у

друку насіла даволі суб'ектыўны характар. Аўтары артыкулаў кіраваліся часцей за ўсё ўласным густам і не прыводзілі навуковага абгрунтавання сваіх поглядаў. Часам гэта апраўдвалася адсутнасцю аўтарытэтных даведнікаў і слоўнікаў, акрамя «Руска-беларускага слоўніка», выдадзенага ў 1953 годзе. Характар прапаноў па вырашэнні праблем чысціні мовы ў той ці іншы перыяд залежаў ад асэнсавання суадносін беларускай мовы з рускай і з народнай, стаўленне да якіх дыктавалася ўмовамі грамадска-палі-тычнага жыцця краіны.

Літаратура

1. Аб адказнасці рэдактара перад чытачом // Звязда. 1957. 26 крас. С. 3.
2. Глебка П. Нататкі пра беларускую літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1950. 1 крас. С. 3.
3. Колас Я. Развіваць і ўзбагачаць літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1950. 1 крас. С. 1.
4. Кулакоўскі М. Не засмечваць літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1957. 10 крас. С. 2.
5. Лобан М. Некаторыя заўвагі аб мове // Польшыя. 1951. № 3. С. 135–140.
6. Лобан М. Пісьменнік і мова // Літ. і мастацтва. 1950. 7 кастр. С. 3.
7. Лужанін М. Пісьменнік і мова // Польшыя. 1951. № 6. С. 128–134.
8. Скрыган Я. Думкі аб мове // Літ. і мастацтва. 1957. 20 лют. С. 2–3.
9. Скрыган Я. Думкі аб мове (заканчэнне) // Літ. і мастацтва. 1957. 23 лют. С. 2–3.
10. Скрыган Я. Слова да малодшых // Маладосць. 1957. № 10. С. 137–145.
11. Царанкоў Л. Мясцовая лексіка ў літаратурным творы // Літ. і мастацтва. 1957. 23 ліст. С. 3.
12. Ці такой мовай трэба гаварыць з чытачом? // Звязда. 1958. 8 ліп. С. 2.
13. Юрэвіч У. Без павагі да слова // Літ. і мастацтва. 1954. 14 жн. С. 2.
14. Юрэвіч У. Дбаць пра народнасць мову // Літ. і мастацтва. 1957. 27 крас. С. 3–4.
15. Янкоўскі Ф. Абыякавасць да роднага слова // Літ. і мастацтва. 1957. 11 мая. С. 2.

УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЧАСТНЫХ ГРАМОТКАХ XVII ВЕКА

О. В. Зуева

Как современная, так и древняя культура находит свое отражение в языке. В структуре, семантике употребленного слова, в реализации грамматических и синтаксических категорий стихийно выражается восприятие человеком самого себя. Определенное место в познании внутреннего мира человека справедливо отводит анализу его речевой деятельности, так как именно в ней ярко «проявляется языковая личность, принадлежащая данному времени, стране, региону, социальной группе» [12, с. 28]. Правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам

коммуникантов и характеру их взаимодействия, регулируются традициями речевого этикета [13, с. 5]. Значение имеет изучение этикета не только современности, но и прошлых эпох. Материалом для такой работы служат частные грамотки XVII в. – тексты бытовой письменности, отражающие межличностные отношения собеседников (представлены в изданиях, [2; 5; 6; 7]) и обладающие своими видовыми признаками, своим формуляром. Относительной общностью грамоток отличаются зачин и концовка, «легко вычленимые из всей ткани письма» [9, с. 136]. В структуре вступления и заключения иногда дословно повторяются отдельные словоформы, словосочетания, предложения, использование которых предполагала культура ведения переписки. Такие конструкции являются устойчивыми формулами – сочетаниями слов, отличающимися относительным постоянством лексического состава и синтаксической структуры, выполняющими определенную коммуникативную функцию. Изучению устойчивых формул языка и речи в историческом аспекте посвящены работы С. С. Волкова [1], В. Я. Дерягина [3; 4], Н. П. Панкратовой [8; 9], Н. И. Тарабасовой [10], О. В. Творогова [11] и др. Задачей нашего исследования является выделение и описание отдельных формул в соответствующих речевых ситуациях; характеристика их грамматической и синтаксической структуры, лексической и коммуникативной семантики. В данной работе мы ограничимся некоторыми формулами вступления, содержащими конструкции адресата в форме Дательного падежа.

Содержательная структура зачина

Зачин письма соответствует речевой ситуации вступления в общение. В композиции вступления можно выделить пять смысловых блоков (Н. П. Панкратова называет эти фрагменты «тематическими отрезками» [7, с. 138]):

- Называние адресата. На уровне предложения такие конструкции были представлены в двух видах: И. п., – собственно обращение, формально не связанное с другими словоформами: *Федор Василевич гсдрь* [2; с. 25], и Д. п. объекта, косвенное дополнение: *Гсдрю моему дядюшке Андрею Иличю* [7, с. 91].
- Представление адресантом самого себя: *Василеи Брехов челом бью* [2, с. 17].
- Выражение добрых пожеланий адресату: *буди ... покровен десницею вышняго бга и здрав на многие лета* [2, с. 67]; *здравствуи о Христе* [2, с. 63].

- Выражение желания поддерживать контакт с адресатом: *да прикажи ко мне писат про свое здорове* [7, с. 91].

- Сообщение адресанта о себе: *и я дал бгъ здоровъ* [7, с. 91].

Между понятиями «смысловой блок» и «устойчивая формула» нельзя ставить знак равенства. Смысловой блок – это элемент композиции. В сознании пишущего были закреплены этапы оформления вступления, а вот средством их выражения служили устойчивые формулы.

Характеристика формул с Дательным падежом адресата

В данную группу объединены разнообразные по своему строению устойчивые формулы. Заметим, что конструкции, собственно называющие адресата внутри устойчивой формулы, также создавались по определенным стандартам и обычно представляли собой последовательность приложения (называющего родственные отношения, социальную принадлежность адресата; содержащие его экспрессивные характеристики: *жене, сыну; боярыне, князю; доброприятелю, государю*), этикетного определения (*моему, милостивому*) и имени собственного адресата. В нашей работе мы обозначим их как неделимый элемент формулы «Д. п. адресата».

В устойчивых формулах бытовых текстов присутствуют фрагменты, восходящие к формулам делового стиля. Наиболее распространены в грамотках конструкции, соответствующие простому полному двусоставному предложению, подлежащее в котором – И. п. адресанта, сказуемое – уже в ту пору фразеологизированное сочетание «челом бьет» с глаголом в форме 3-го лица, а Д. п. адресата выполняет функцию косвенного дополнения: *Гсдрю моему кнзю Василью Василевичю Алешка Хитрово челом бьет* [2, с. 150]. Сравним с устойчивой формулой из челобитной: *Гсдарыне царице ... Евдакее Лукояновне биет челом раба твоя Катка Соколова* [6, с. 46]. Формулы юридических и бытовых текстов различаются порядком расположения элементов и общей семантикой. Так, в челобитных сказуемое с прямым порядком следования компонентов находится в препозиции относительно подлежащего; значение его – «жаловаться, предъявлять иск». В грамотках же сказуемое стоит в постпозиции, порядок следования его компонентов обратный и значение – «обращение с уважением, почтением».

Следующая формула отличается тем, что сказуемое-челобитье стоит в ней в форме 1-го лица: *Доброприятелю моему ... Василеи Брехов челом бью* [2, с. 17]. Отсутствие согласованности между существительным и глаголом можно объяснить предположением о том, что перед нами – неполное предложение с опущенным местоимением «я» в функции подлежащего, а имя собственное адресанта – приложение, уточняющее лицо. Наличие такой формулы говорит о проникновении элементов разговорной речи в нормы письменного этикета.

В формулах приветствия адресант, как правило, занимал постпозицию по отношению к адресату; так пишущий выражал свое глубокое почтение к последнему. Однако нам известны тексты, содержащие следующие формулы: *От Петра Василева жене моеи ... поклон* [2, с. 230] (I); *От Матрены Семеновны сну моему Петру Фомичю* [2, с. 63] (II); *Василеи Иванович сьну моему Федору Василевичу* [2, с. 106] (III). В приведенных формулах пишущим является отец, мать, муж – лицо с более высоким статусом независимо от речевой роли, и, возможно, в назидание адресату адресант сознательно упоминает сначала о себе. С современной точки зрения формула I соответствует эллиптическому предложению с Д. п. – лицом назначения (Ср.: *Сну моему Ивану поклон* [5, с. 83] – *Миру мир*). Формула II также генетически восходит к эллипсису, а вот устойчивая формула III, предполагаем, могла сложиться на основе такого зачина (пока что единожды встреченного в текстах): *пишут Никифор да Радивон... к брату своему Борису Григореву* [2, с. 39].

Употребление таких формул свидетельствует о тенденции пишущим к экономии языковых средств. Предельную возможность сокращения иллюстрирует устойчивая формула, состоящая из одного Д. п. адресата, самостоятельного, без последующих и предшествующих управляющих или зависимых конструкций: *Благодетелю моему Анфиму Ивановичю* [2, с. 109]; *Сыну моему Степану* [2, с. 43].

Таким образом, наблюдая в текстах XVII в. картину «кристаллизации» устойчивых формул общения, мы можем сделать следующие выводы. Один фрагмент письма выражался различными по строению, но синонимичными по семантике формулами. На их состав влияли, с одной стороны, вербальные средства ведения деловой документации, а с другой – разговорная речь. Достаточно широкая вариативность устойчивых формул свидетельствует о том, что письменный речевой этикет, при всей заданности своих традиций, все же оставлял за пишущим относительную свободу в распоряжении коммуникативными средствами языка.

Литература

1. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 164 с.
2. Грамотки XVII–нач. XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969. 415 с.
3. Дерягин В. Я. Варьирования в формулах русской деловой речи XV–XVII в.в. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М.: Наука, 1985. С. 243–249.
4. Дерягин В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актов текстов // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 97–107.
5. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–н.XVIII в. М.: Наука, 1964. 312 с.
6. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М.: Наука, 1968. 338 с.

7. Памятники русского народно-разговорного языка XVII ст. М.: Наука, 1965. 162 с.
8. Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 127–156.
9. Панкратова Н. П. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М.: Наука, 1963. С.134–144.
10. Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 157–173.
11. Творогов О. В. Задачи исследования устойчивых литературных формул // Ин-т рус. лит. ТООДРЛ. М.-Л.: Наука, 1964. Вып.20. С.29–41.
12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. школа, 1989. 156 с.
13. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. яз., 1984. 193с.

АНТЫЧНАЯ ТОПКА ПАЭМЫ Г. ПЕЛЬГРЫМОЎСКАГА «PHILOPATRIS AD SENATUM POPULUMQUE LITUANUM»

Г. А. Карповіч

У нашым даследаванні мы прапануем прасачыць выкарыстанне антычных матываў у паэме Гальяша Пельгрымоўскага «Патрыёт Айчыны – Сенату і народу літоўскаму».

Паэма «Philopatri ad Senatam populumque Lituani» / «Milośnik Ojczyzny do Senatu i Rzeczypospolitej Litewskiej» – адзін з надзвычай цікавых літаратурных помнікаў Вялікага княства Літоўскага канца XVI стагоддзя. Асабліва прываблівае даследчыкаў факт двухмоўя твора. На першых адзінаццаці старонках выдання чытаецца лацінскі тэкст, а з 13 па 24 старонкі, з той жа паслядоўнасцю раздзелаў, – польскі. Паміж тэкстамі няма стопрацэнтнай адпаведнасці, аднак ёсць агульныя месцы, якія дазваляюць выявіць, як аформлены ў найлепшых лаціністычных традыцыях тэкст паўплываў на польскі, і зрабіць вывад, якім чынам ліцвінская свядомасць аўтара перастварыла гэтыя традыцыі на роднай глебе.

Мастацкая сітуацыя ў дэкламацыі Г. Пельгрымоўскага нагадвае пасяджэнне сената, у якім бяруць удзел Патрыёт Айчыны, Маці Літва і яе шматлікія дзеці: розныя землі Вялікага княства Літоўскага, колішнія ўладанні літоўскіх князеў, і нават сумежныя тэрыторыі. Тэма выступлення Патрыёта і ўсяго «паседжання сената» – заняпад некалі магутнай дзяржавы, абыякавасць грамадзян да лёсу Бацькаўшчыны – традыцыйная не толькі для лацінамоўнай і польскамоўнай паэзіі Беларусі эпохі Рэнесансу, але і для літаратуры ўсіх часоў і народаў увагуле. Тут мы і знаходзім першае «агульнае месца» альбо *topos*, як сказаў бы старажытны рытар. Матыў «у свеце нешта не тое робіцца», які так выразна чытаецца ў выступленні Патрыёта Айчыны і звароце Маці Літвы

да злачынных сыноў, каранямі сыходзіць да старажытнага топасу «свет перавернуты наадварот» [2, с.103]. Вось што кажа Патрыёт Айчыны пра ранейшы стан роднай дзяржавы: «Шматуладны народ літоўскі праз гады славіўся багаццем дабрачыннасцяў і золатам... Широка дзяржавы сваей распасцёр межы... Не абцяжарваў свае вочы лянівым сном... Любіў добрую зброю, а чужаземныя строі ды звычаі адкідаў, бо свае былі добрыя...» [3]. А вось што дзеецца ў яго краіне зараз: «Зараз усё іначай: Божая помста мкне за намі нязначнымі... Па тое, што дома мелі, зараз у чужы край едзем... Няма каму думаці пра дабрабыт Рэчы Паспалітай, усе імкнуцца да ўласнай карысці і кожны сабе болей, чым Айчызне аддаў...» [3].

Аснову гэтага топасу складае кантраст паміж «раней» і «зараз», а яго першапачатковай асновай, антычнай па паходжанні, было нагрувашчванне непраўдападобных рэчаў.

Топас «свет наадварот» мае шмат адгалінаванняў: камічнае (так званая «травестацыя топасу» – там звычайна звяры мяняюцца ролямі ці выконваюць разнастайныя камічныя дзеянні: асёл грае на лютні, вол танчыць, заяц палохае льва, як у Арыстафана [2, с. 103]), трагічнае (узнікла ў XII стагоддзі, калі следам за Вергіліем у вядучых універсітэтах Еўропы пачалі вывучаць рымскіх сатырыкаў і аўтары рашыліся на татальную крытыку сучаснасці па іншай шкале: ад выраджэння Царквы, да ўмоў жыцця сялян, як у Героніма, Аўгусціна [2, с. 104]), жахлівае («перавернуты свет» выражае тады пагрозу, як у Тэафіля дэ Віе: «Скала сцякае жывою крывёю, полымя бушуе ў халодным лёдзе, чарнее боскі твар сонца» [2, с. 106]).

З трагічнай інтэрпрэтацыі топасу вынікае матыў змагання паміж пакаленнямі («*Carmina burana*») і матыў змагання паміж «прыхільнікамі старога» і «прыхільнікамі новага» (яны не абавязкова прадстаўнікі розных пакаленняў і розных сацыяльных груп, проста нехта з іх змагаецца на баку святла, а нехта паддаўся цемры). Апошні матыў, перапрацаваны і не як аздоблены аксюмаранам і антытэзай, відавочна чутны ў выступленні Патрыэта Айчыны, які ганіць ліцвінаў-пярэваратняў, што забыліся на славу роднага краю і звяртаецца да «цнатлівага Ліцвіна», якому належыць «сцерці сон з вачэй», успомніць пра ранейшую славу і абараніць дабро.

Топас жахлівага «перавернутага свету» можна знайсці ў вершы «*Litvania fui*» ці ў яго аналагу ў польскім тэксце «*Litwa lamentuje*»: «Сёння ж гонар у майго каралеўства аднялі, сёння скарбы мае і славу маю адабралі... Упекат трупы ляжаць сыноў без літасці забітых, а ўся зямля бялее ад костак...» [3]. Безумоўна, тут хаваецца алегорыя Лівонскай вайны, але дамінантай мы лічым ненармальны пагрозлівы стан прасторы ў вершы – элементы «перавернутага свету».

Побач з адчуваннем ненатуральнасці падзей прыцягвае ўвагу спасылка на «залаты век»: пастаяннае згадванне наўсцяж усяго твора ранейшых ідэальных варыянтаў існавання ліцвінскага краю. Топас «залаты век» выводзіцца з паэтычнай топікі «прыгажосць прыроды» (маецца на ўвазе кананічны вобраз ідэальнага пейзажу з усімі яго неабходнымі дэталямі). З ідэальнага пейзажу выводзіцца «краіна мараў» і «ідэальныя эпохі»: Элізій (уладанне вечнай вясны), Зямны Рай, Залаты век [2, с. 89]. Сярэднявечнаму аўтару дастаткова было толькі згадаць пра залаты век, як у чытача ўзнікаў выпрацаваны са школы набор асацыяцый – вечная вясна, кветкі, птушкі, адсутнасць хвароб і нягод. Гэта і ёсць *locus amoenus* (альбо «раскашовае месца») [2, с. 202], якое ўслаўлялі Вергілій, Стацый, Тэакрыт, Тыберый, і якое філасофская эпіка хрысціянізавала, развіўшы ў розныя пастаці зямнога раю. У Пельгрымоўскага гэты топас набывае спрадвечна-беларускую афарбоўку. Яго «залаты век» – гэта *locus patrius* («родны кут») у часы найбольшага квітнення. Напрыклад, верш «*Dukatus Vitebensis*» / «*Księstwo Witepskie, Orsza*»: «Могучы Бог змілуецца, яшчэ не канец света, Яшчэ можам вярнуць залатыя твае гады...» і верш «*Braslavia et Vinnica*» / «*Brasław i Winnica*»: «Сапраўды, залаты быў век, калі мы вялікаму падпарадкоўваліся княству Літоўскаму...» [3].

Канечне, топас «ідэальная эпоха» (або «краіна мараў») узнік не ў творчасці Вергілія і Тэакрыта, а нашмат раней: залаты век згадваецца ў міфах старажытных грэкаў, шумераў, індзейцаў майя. Гэта адзін з самых архаічных топасаў, паходжанне якога патрабуе асобнага даследавання. Але ў еўрапейскую старажытную свецкую літаратуру ён прыйшоў менавіта праз лацінскую свецкую паэзію, зведаўшы адпаведныя эпосе свайго бытавання трансфармацыі.

Звяртае на сябе ўвагу і наяўнасць у тэксце элементаў топасу «ідэальны пейзаж» [2, с. 191]. Канонам для лацінскіх паэтаў у стварэнні пейзажу быў Гамер, які першым з вядомых нам паэтаў адкінуў хтанічныя жахі прыроды і звярнуўся да яе «мілых уласцівасцяў». Ад «вялікага сляпога» наступныя пакаленні перанялі: цудоўнае месца вечнай вясны, прывабны мініяцюрны ландшафт, дзе ёсць дрэва, крыніца і трава, лес з рознымі пародамі дрэў, дываны кветак на лузе, абавязковую плоднасць / урадлівасць наваколля [2, с. 194]. Пазнейшыя паэты дадалі да гэтага і духмяныя павевы ветрыку. Асабліва важнай для паўднёвых і спякотных краёў Грэцыі і Рыма была наяўнасць крыніцы ці струмяністага ручая з празрыстай вадою, дзе б паэт мог асвяжыцца падчас складання верша. У багатых вадою паўночных краінах гэты складнік пейзажу страціў сваю надзённасць, але па традыцыі паэты лічылі за абавязак згадаць усе водныя артэрыі свайго краю ці хаця б прыпамінаць некаторыя з іх.

Напрыклад, верш «Palatinatus Brestensis» / «Woiewodztwo Brzeskie, Pińsk, Kobryn»: «...празрыстыя воды Буга...»; верш «Palatinatus Minscensis» / «Woiewodztwo Pińskie, Rzeczyca, Mozyr»: «...над берагам глыбокага Дняпра (Borysthenis)...»; верш «Horda Praescopensis» / «Orda Przekopska»: «...І там месца сабе ўжо навечна абралі, дзе Вака поўным берагам цэдзіць свае струмяні...» [3].

Апроч згадвання Буга, Дняпра і Вакі, Г.Пельгрымоўскі лічыць за абавязак узгадаць і плоднасць свайго краю – «Eadem ad Filios Degeneres» / «Zaż do synow wygodnych»: «матка плодная»[3]. Гэта больш высокі ўзровень абстрагавання антычнага топасу ўрадлівасці (міфалагічная выспа Феакаў у Гамера, дзе дрэвы давалі ўраджай цэлы год, дзе панавала вечная вясна і веяў заходні вецер), бо ўдакладненне атрыбутаў плоднасці больш не патрэбнае – дастаткова толькі яе канстатацыі.

На выспе Феакаў веяў заходні вецер. Ён заўсёды прыносіў з Атлантыкі дождж, і таму лічыўся добрым. Хтанічны ж пейзаж поўніўся «вогненнымі» сухімі вятрамі, якія неслі засуху і спёку. Такі злы вецер і пануе ў «перавернутым свеце» твора: верш «Livonia Soror Litvanie» / «Inflantska zemia»: «...вятры, якія прыносяць нягоды...» [3]. Але праз абяцанне, што веюць такія вятры не заўсёды, аўтар усё ж такі дае чытачу надзею на «залаты век», лагодны вецер і нармалізацыю свету.

Такім чынам, прааналізаваўшы супадзенні лацінскага і польскага тэкстаў паэмы Г. Пельгрымоўскага «Philopatris ad Senatum populumque Lituanum» / «Milośnik Ojczyzny do Senatu i Rzeczypospolitej Litewskiej», мы выявілі ў ёй наяўнасць элементаў антычных топасаў «ідэальнага пейзажу», «перавернутага свету» і топасу locus amoenus, які на нацыянальнай глебе трансфармаваўся ў locus patrius («родны кут»). На матэрыяле гэтай невялікай паэмы, аўтар якой не меў мэты спецыяльна наследаваць антычныя традыцыі, а скарыстоўваў іх міжволі, нам удалося паказаць, што сярэднявечная і рэнэсансавая літаратура «выкарыстоўвала акрэслены і сталы канон тэмаў, матываў, сімвалаў..., за межы якіх пісьменнікі выходзілі рэдка» [1, с. 313]. Даследаванне гэтых абагульненых матываў і тэмаў у далейшым дасць большыя магчымасці разумення вытокаў нацыянальнай літаратуры і дазволіць уводзіць старажытную літаратурную спадчыну нашых продкаў у сусветны літаратурны кантэкст.

Літаратура

1. *Bieńkowski T.*, Antyk – Biblia – Literatura // Problemy literatury staropolskiej. Seria pierwsza; Pod. red. I. Pelca. Wrocław, 1972. С. 307–354.
2. *Curtius E. R.* Literatura Europejska i łacińskie średniowiecze / Przekł z niem. Andrzej Borowski. Kraków, 1997.
3. *Philopatris ad Senatum populumque Lituanum.* Anno Domini 1597.

ПАЛАНІЗМЫ Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ ТВОРАХ ЯНА ЧАЧОТА

В. А. Карзюк

Вядома, што ў сваім гістарычным развіцці літаратурная беларуская мова фарміравалася, галоўным чынам, на аснове ўласных (пераважна сярэднебеларускіх) дыялектаў. Важным фактарам яе фарміравання – у залежнасці ад розных грамадска-палітычных умоў – было таксама ўзаемадзеянне з рускай і польскай мовамі.

Польская і беларуская мовы звыш за 300 гадоў суіснавалі на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, а потым – на тэрыторыі так званых паўночна-ўсходніх «крэсаў» Рэчы Паспалітай. Значная частка беларускай шляхты і інтэлігенцыі пасля раздзелу Польшчы да самага канца 19 ст. у штодзённым побыце карысталася абедзвюма мовамі.

У першай палове 19 ст. на беларускай мове пісаў вершы вядомы паэт, вучоны ліберальнага напрамку Я. Чачот.

Пісаць вершы на беларускай мове Чачот пачаў, калі быў студэнтам Віленскага універсітэта, г. зн. у 20-х гадах 19 ст. Гэта былі невялікія ўстаўкі ў яго вершах, напісаных па-польску, а таксама асобныя творы. Некаторыя з іх зніклі апублікаваны, некалькі беларускіх вершаў таго часу Я. Чачота толькі праз сто гадоў убачылі свет. Гэта тры вершы 1819 г.: драматычная сцэнка з песнямі, напісаная да імянін таварыша па гуртку «філаматаў», а таксама два віншаванні. Выкарыстанне паланізмаў або некаторых элементаў, характэрных для польскай мовы, тлумачыцца імкненнем аўтара дасягнуць пэўнага стылістычнага эфекту. Моладзь, у асяроддзі якой знаходзіўся Я. Чачот, у большасці сваёй паходзіла з апалячанай беларускай шляхты. Паэт імкнуўся прыцягнуць увагу сяброў да беларускай мовы, якая, па-сутнасці, з'яўлялася іх роднай мовай. І, нібы для параўнання, Чачот прыводзіць прыгожую і чыстую мову беларускіх сялян (іх мова амаль не ўтрымлівае паланізмаў) і макаранічную мову Дзесятніка, які такім чынам імкнецца даказаць сваю прыналежнасць да польскай шляхты.

Дзесятнік:

А цо? Як жэ сен здае пану Язэпові?

Чы адмовіш пахвалы нашэму спевові?

Хаця ж мы не шукаем жаднэй стонд пахвалы;

Адкрыць нашэ Васпану сэрцэ, замяр, цалы [3, с. 35].

У вершы, напісаным на прыезд Адама Міцкевіча, паланізмы амаль адсутнічаюць. У прыватнасці, тут толькі аднойчы сустракаецца польскамоўны выраз:

Да як сен табе дзее?

Бел.: Ды як табе живеца?

Аднак тут сустракаецца даволі шмат русізмаў: прымайце малотца, радасці ішчам напрасна.

Увогуле, дзякуючы аналізу твораў Яна Чачота, напісаных па-беларуску, мы выявілі шматлікія польскія элементы. Шырока прадстаўлены польскія лексічныя запазычанні, напрыклад:

За што мы ся не дзівім, што вашы чумакі,
Шукаючы ў нас зыску (мы больш маем грошы),
Смалою аблеплены, лезуць як слімакі,
Над валацугу большай няма ім раскошы [3, с. 29].

Польск. *zysk*, бел. прыбытак.

Да мы чулі вельмі брыдка

Аб вашэці гутарылі:

У ксёнжках заслеплен вшытка,
Да паннаў се не пшымілі [3, с. 32].

Польск. *książka*, бел. кніга.

Сустракаюцца і словы, якія амаль супадаюць у гучанні і напісанні, маюць аднолькавы гукалітарны склад, хаця іншы раз знаходзяцца некаторыя нязначныя разыходжанні, звязаныя з артыкуляцыйна-вымаўленчымі і графічнымі асаблівасцямі. Аднак гэтыя словы маюць рознае лексічнае значэнне:

Чулі мы гэта, што есць вашэць украінец
І контэнт, што ўрадзіўся у жызнай краіне,
Як абачыў, што у нас невелькі дзядзінец,
Сказаў: Як бжыдка мешкаюць ліцвіне [3, с. 29].

Польск. *miezkać* – жыць; бел. марудзіць.

А вы, людзі, людзі, няхай вам дасць бог,
Паправіць ваш брыдкі, паганы налог [3, с. 49].

Польск. *pałog* – кепская звычка, бел. падатак.

Як то добра, калі мужык

Трэзвы, гаспадарны!

Для такога ў цэлым року
Жадын час не марны [3, с. 38].

Польск. *rok* – год, бел. лёс.

Даволі распаўсюджаныя марфалагічныя ўтварэнні, якія узніклі пад уплывам польскай мовы. Так, напрыклад, вельмі шмат зваротных дзеясловаў, утвораных шляхам спалучэння незваротнага дзеяслова з займеннікам (на польскі манер):

За што ж мы ся не дзівім, што вашы чумакі,
Шукаючы ў нас зыску (мы больш маем грошы),

Смалою аблеплены, лезуць як слімакі,
Над валацугу большай няма ім раскошы [3, с. 39].
Згода. Але с^ягoдн^я мы с^я дaвeдaлi,
Штo вaшy iм^янiнy, с^вятoгa Язэпa [3, с. 29].
Назiрaеццa i выпaдaк, кaлi ў рaзрaд звaрoтн^ых дзeяслoвaў пeрaхoдзiць дзeяслoў, якi ў бeлaрyскaй мoвe з'яўлeццa нeзвaрoтн^ым:

Язык сiлy aднiмaе,
Пoцiццa, xтo дoўгa бaе [3, с. 29].

Пoльск. рoсić сię, бeл. пaцeць.

Мoжнa зaўвaжыць ўпл^ыў пoльскaй мoвы i ў гaлiнe слoвaўтвaрэнн^я. У Чaчoтa ёсць выпaдaк утвaрэнн^я вышэйшaй ступeнi пaрaўнaнн^я пa пoльскaй мaдэлі: aснoвa пpымeтнiкa + сyфiкc -sz- aбo -ejsz-. Сyфiкc -sz- дaлyчaeццa ў выпaдкy, кaлi aснoвa зaкaнчвaeццa нa aдзiнoчн^ы зычн^ы: biały – bielszy.

У Чaчoтa:

Алe нaшaя пaнeнкa

Яснeйшaя ёсць i бeльшaя [3, с. 32].

У твoрaх aдлюстpaвaлaс^я спpобa пeрaдaчы Чaчoтaм нaсaв^ых зычн^ых, улacцiв^ых пoльскaй мoвe i нe хaрaктэрн^ых дл^я бeлaрyскaй:

Ой, ч^ыe тo лyдзi пiён i гyлeён?

Пaнa Хрэптaвiчa, бo ён пeнeндз^ы мaeн [3, с. 39].

Назiрaюццa тaкcаmа дaвoлi рaзнacтaйн^ыя змeн^ы ў гaлiнe слoвaзмянeнн^я, якiя ў пэўнaй ступeнi нaблiжaюць бeлaрyскyю мoвy дa пoльскaй. Тaк, нaпpыклaд, фoрмa вiнaвaльнaгa cклoнy нeaдyшaўлeн^ых нaзoўнiкaў бyдyеццa пa мaдэлі aдyшaўлeнaгa:

Тaм вoйт, штo yca кpуцiць, чaлaвeк бывaл^ы,

Быў y Гдaн^ьскy, y Кpалeўцa плaвaў нa ycцiнe [3, с. 30].

Назoўнiк y фoрмe вiнaвaльнaгa cклoнy мнoжнaгa лiкy мae кaнчaтaк, якi cупaдae з кaнчaткaм нeacaбoвa-мyжчынcкiх нaзoўнiкaў y фoрмe вiнaвaльнaгa cклoнy мнoжнaгa лiкy. У пoльскaй мoвe гэтa кaнчaтaк –i: gości.

У вepшax Чaчoтa нeaднaрaзoвa cуcтpaкaeццa пaдoбнaя з'явa:

Ты aдзiн мiлeн^ькi

Ўсe ў кapчмe пpaпiў;

Жoнкy i дзeтaчкi.

I хaтy зaб^ыў [3, с. 34].

Дл^я бeлaрyскaй мoвы бyлa б хaрaктэрнa фoрмa «дзeтaчaк».

Як вядoмa, дл^я пoльскaй мoвы хaрaктэрнa пacтaйннaе ўжывaннe ў cкaзax дзeяслoвa. Тaмy Чaчoт бyдyе мнoгiя cинтaкcичн^ыя кaнcтpукцii з ўжывaннeм дзeяслoвa-зв^{яз}кi ёсць:

Я ёсць цівун з двара,

Гэта сельскі дзесятнік, ён лысіну гладзіць [3, с. 30].

Хоць для Яна Чачота праца ў галіне беларускай літаратуры не была пастаяннай і сур'ёзнай справай, хоць сам ён, пішучы вершы на беларускай мове, часам выказваў сумненне, ці стане яна калі-небудзь літаратурнай, яго дзейнасць на ніве беларускай паэзіі мела немалаважнае значэнне. У тую пару, калі беларуская мова толькі пачынала заваёўваць права на існаванне і прызнанне грамадскасцю, Чачот уласным прыкладам пабуджаў да творчасці на ёй.

Літаратура

1. Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1980.
2. Кіклевіч А., Пацехіна А. «Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (па матэрыялах сучаснага беларускага друку)». *Slavia Orientalis* № 1. 2000. С.93–105.
3. Чачот Я. Наваградскі замак: Творы / Уклад., пер. польскамоўн. твораў, прадм., камент. К. Цвіркі. Мінск, 1989.

АДАПТАЦІЯ ПЕРВОКУРСНИКА К УЧЕБНОМУ ПРОЦЕССУ В ВУЗЕ

Т. С. Кухаренко

Повышение качества подготовки специалистов возможно лишь при условии непрерывного совершенствования основ учебновоспитательного процесса, значительного повышения его организационного, научного и методического уровней. Выполнение этой задачи ставит перед работниками вузов сложные комплексные проблемы, среди которых первой является приспособление и привыкание молодежи к вузу, или, как принято именовать ее в научной литературе, проблема адаптации студентов. Об актуальности этой проблемы говорит то, что именно первый курс дает наибольший процент отсева и низкой успеваемости. Не случайно практические работники и исследователи проблем высшей школы в один голос говорят о сложности и специфичности проведения воспитательной работы на младших курсах высших учебных заведений.

Поступление в высшее учебное заведение, процесс «акклиматизации» в новых условиях, приспособление к новому коллективу группы, института – все это сложный психологический акт. Студенту, как правило, приходится отказываться от некоторых своих привычек и установок, строить отношения с людьми на новой основе. Он должен не только привыкнуть к новым людям, установить с ними разносторонние контакты, но и воспринять, как свои собственные, цели и задачи группы, вуза. Этот процесс очень сложен и требует от первокурсника больших усилий.

Помочь ему обязан вуз. Прежде всего должна быть создана благоприятная психологическая обстановка при приеме в коллектив нового человека. Студент-новичок должен чувствовать благоприятное отношение к себе со стороны всего вузовского коллектива, всех учащихся, имеющих отношение к его учебной деятельности, и прежде всего со стороны тех, кто тесно связан с его первыми шагами в вузе – работниками деканатов, преподавателей, работников библиотеки и т. д.

Рассмотрение социальных аспектов адаптации студентов первого курса к определенным условиям невозможно без определения понятий социально-психологическая адаптация и социализация. Ученые рассматривают эти процессы как близкие, взаимозависимые, взаимообусловленные, но не тождественные. Социализация личности – это формирование и становление личности через овладение социальным опытом. Социальная адаптация выступает одним из ведущих и определяющих механизмов социализации личности.

Процесс социальной адаптации студентов первого курса имеет различные направления в зависимости от групп студентов (иностранцы, минчане, иностранцы и т. д.). На нее влияют внешние факторы: семья, личные интересы, сформированные ранее целостные ориентации, специфика факультета, социальный статус.

Проблема адаптации студентов связана с тем, что с поступлением в вуз юноши и девушки попадают в новые, непривычные для них условия, в результате чего происходит ломка годами выработанного стереотипа и формирование новых установок, навыков и привычек. Социокультурные и экономические условия различных регионов Республики Беларусь, откуда приехали студенты, неоднородны, поэтому сам институт социализации (в данном случае – университет), осуществляя свое воздействие на личность, сталкивается с системой воздействия со стороны значительной социальной группы, каждый представитель которой является носителем определенных привычек, традиций, обычаев, образа жизни.

В зависимости от индивидуальных особенностей студентов, от того, насколько они подготовлены школой, жизнью к такому переходу, адаптация к вузовским условиям у каждого из них происходит по-разному. Вместе с тем имеется ряд объективных причин, тормозящих протекание этого процесса. Одной из таких причин является необходимость приспособления организма учащегося к условиям учебного труда, в том числе к умственным нагрузкам на организм, связанным с переработкой большого потока информации, к новому режиму жизни и т. д. Но есть еще одна сторона адаптации, связанная с освоением и принятием первокурсником тех ценностей, традиций, норм поведения, которые признаны и поддерживаются в данном вузовском коллективе. Однако для того, чтобы разо-

браться в них, ему необходимо прежде «влииться» в него, приспособиться к нему, стать его полноправным членом, а это требует значительного времени.

Пределы непосредственного социального окружения, где происходит становление личности студента, включает в себя факультет, курс и академическую группу. Особенности адаптации студента к студенческой группе связаны с тем, что процесс адаптации происходит одновременно с формированием первичного коллектива. При формировании студенческих коллективов групповые ожидания норм и ценностей коллективов поначалу представляются их новым членам неясными. Межличностные контакты студентов в академической группе часто односторонни и ограничиваются, в основном, контактами в учебной и официальной сферах. Стремление студентов видеть свою группу коллективом в большинстве случаев остается нереализованным, что вызывает неудовлетворенность уровнем внутригрупповых взаимоотношений, отчужденность отдельных членов от коллектива группы. Ясно, что пока складывается коллектив, отсутствие должной стабильности в межличностных отношениях отрицательно сказывается на учебе.

Одним из путей улучшения взаимоотношений в группе может быть увеличение роли общественного мнения группы как фактора социального контроля. Ведь большинство студентов считают мнение группы решающим фактором при выборе образца поведения. Хотя некоторая часть студентов поступает только в соответствии со своим мнением, не считаясь с мнением группы. Обычно это студенты, недостаточно адаптированные к своей группе.

Важный аспект социальной адаптации – принятие индивидом социальной роли. Каждый член группы в соответствии со своими деловыми и личностными качествами, своим статусом, престижем имеет определенное место в системе групповой организации. Такое место определяет социальная роль индивида. Социальная роль – это модель, включающая некоторые права и обязанности, которые ожидаются от индивида, которым его обучают и поощряют выполнять в данной социальной ситуации. Именно то, насколько деятельность индивида соответствует ожиданиям группы, служит критерием оценки выполнения им данной социальной роли. В своих проявлениях: поведении, действиях, высказываниях, – индивид стремится соответствовать социальной роли.

Проблема адаптации студентов первого курса связана также с переходом на новые формы обучения. Трудности студента-первокурсника обуславливаются следующим несоответствием: сложностью вузовских требований и недостаточной готовностью к ним студентов первого курса. У

них появляются новые обязанности: ежедневно посещать учебные лекции, активно участвовать в семинарских занятиях, находить время для самоподготовки, участвовать в общественной жизни, повышать свой культурный уровень, разумно использовать часы досуга. Трудности адаптации у первокурсников в первом периоде связаны с тем, что у них пока еще доминируют те представления о вузе и вузовских отношениях, которые они получили в школе. Первокурсники еще не рассматривают вуз как условие подготовки к будущей профессии.

Различия средней общеобразовательной и высшей школы значительны, они обуславливаются разными целями обучения и выражаются в своеобразии форм и режима учебных занятий. В вузе вместо урочной школьной системы применяются различные виды учебных занятий – лекции, лабораторные работы, семинары, коллоквиумы, – которые характеризуются обилием учебной информации. Здесь невозможно простое заучивание или запоминание учебного материала, а необходимо осмысливать и обобщать знания, применять их на основе изучения общих взаимосвязей и закономерностей.

Овладение вузовской учебной программой требует от студента умения самостоятельно работать. Особо важное значение при этом имеет самообучение. Умение самостоятельно работать (учить себя учиться) – думать, осмысливать учебный материал, воспринимать новое, усваивать его и уметь применять свои знания – должно стать основной задачей каждого студента с первого дня его обучения в вузе.

Первокурсника необходимо научить учиться – это неоспоримая истина. Но преподаватели вузов нередко предъявляют к студентам младших курсов такие же требования, как и к старшекурсникам, которые уже прошли нелегкую для большинства из них адаптацию к условиям вуза. Работа с первокурсниками должна существенно отличаться от работы со студентами старших курсов: тут необходимо учить учиться, проводить регулярные проверки и оценку знаний, постепенно повышать требовательность к ним.

Процесс адаптации студентов первого курса совпадает с процессом социализации, происходящей в юношеском возрасте. Данный этап социализации предполагает переход от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости. А достижение социальной зрелости определяется выработкой новых, более стабильных моделей поведения и формированием определенного мировоззрения. Поэтому очень важно помочь юному человеку правильно организовать свой жизненный путь.

Литература

1. *Березовин Н.* Адаптация студентов и НОТ. Мн.: Университетское, 1990.

2. Березовин Н., Сманцер А. Воспитание у школьников интереса к учению. Мн.: Нар. Асвета, 1987.
3. Брудный В. Профессиональная и социально-психологическая адаптация студентов и молодых специалистов. М., 1976.

ПАРЭМІІ З АНАМАСТЫЧНЫМІ КАМΠΑНЕНТАМІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ «СБОРНИКА БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ» І. НАСОВІЧА, 1874 г.)

Т. С. Кухарэнка

Прыказкі і прымаўкі з'яўляюцца разнавіднасцю фальклорна-мастацкіх твораў, у якіх у выглядзе сціслага выказвання сканцэнтраваны вопыт і жыццёвыя назіранні мінулых пакаленняў у той ці іншай сферы чалавечай дзейнасці. У іх складзе даволі часта адзначаюцца анамастычныя элементы, якія выступаюць не проста як кампанент выслоўя, а як яго сэнсавае ядро.

У прааналізаваным зборніку І. Насовіча такія парэміі складаюць вялікі працэнт. Найбольш рэгулярна і разнастайна прадстаўлены онімны тып у парэміях – гэта антрапонімы (жаночыя і мужчынскія імёны, а таксама прозвішчы), на аналізе якіх і была засяроджана асноўная ўвага ў даследаванні.

Імёны – найбольш часты кампанент прыказак і прымавак у прааналізаваным «Сборнике белорусских пословиц». Яны могуць называць рэальных, гістарычных асоб або біблейскіх персанажаў.

а) Імёны святых найчасцей выступаюць у прыказках, якія перадаюць якую-небудзь народную прымету. Яны ўвайшлі ў свет і побыт беларусаў з новым значэннем: народ пачаў звязваць дні, прысвечаныя таму ці іншаму святому, з пэўнымі падзеямі ў гаспадарчым жыцці, з'явамі прыроды, асаблівасцямі ў развіцці раслін, дрэў і г. д.

- *До Юрья корми и дурня, а после Юрья и самъ прокормицца.*
- *До Илли хоць однимъ зубомъ землю порни.*
- *Сій пшеницу на Сымона Зилота, будзець якъ злото.*
- *На Лхкшя щука хвостом ледь пробиваець.*

Цікава, што ў прыказках і прымаўках у гэтых выпадках пераважаючымі з'яўляюцца народныя іменалагічныя формы: *Микола (Миколай), Юрья, Сымон, Змицер*.

б) У парэміях сустракаюцца і імёны сапраўды існуючых гістарычных асоб, у якіх менавіта дзякуючы другаснай семантыцы імя, звязанай з асабістымі якасцямі канкрэтнага гістарычнага дзеяча, даецца станоўчая ці адмоўная ацэнка рэчаіснасці. Імя уласнае, ўзятае з літаратурных тво-

раў, легенд, паданняў, гістарычных помнікаў, ужываецца ўжо хутчэй як агульнае, хаця сувязь з рэальнымі падзеямі і асобамі яшчэ дастаткова празрыстая:

- *Борисе, Борисе, самъ боронися. Отвѣтъ на угрозы. Пословица напоминает что-то историческое, и полагасть можно, указывает на св. Бориса или на Бориса Годунова, при нашествіи Гришки Отрепьева.*

- *Мстиславъ не одного счиснувъ. Пословица безъ сомненія историческая, напоминающая о Мстиславе Храбромъ, обратившаяся въ настоящее общественное мнѣніе о характерѣ коренныхъ мстиславскихъ жителей, съ которыми трудно ужиться пришельцу безъ неудовольствій.*

1. Менш рэгулярным кампанентам у парэміях з'яўляюцца прозвішчы.

а) Звычайна гэта тыповыя для беларусаў прозвішчы, утвораныя ад імёнаў па бацьку і мянушак:

- *Старшій пан Козловскій, якъ Барановскій.*

- *Просивъ панъ Далецкій на кулешъ грецкій, на овсяные блины, штобъ ласковы были.*

б) Сустракаюцца таксама прозвішчы, у аснове якіх ляжаць тапонімы:

- *Хомка Лобовскій. Значитъ дуракъ, простофиля. Лобы есть село Оршанского уезда.*

- *Шляхциць ты Кобылянскій, одна нога в чоботѣ, а другая в шапѣ. Кобыляны есть околица Оршанского уезда.*

2. Антрапонімы ў зборніку падзяляюцца таксама паводле адсутнасці/наяўнасці матываванасці іх ўжывання ў складзе парэмій і ступені празрыстасці гэтай матываванасці.

а) У адных выпадках уласнае імя можа выступаць фактычна ў ролі займенніка ці набліжацца да агульных назоўнікаў:

- *Богатъ Цимошка, собака да кошка.*

- *Коли не шанцуецъ, и Юрка не танцуецъ.*

- *На грѣшного Макара и шишки валюцца.*

Ужытыя ў гэтых парэміях антрапонімы ў пэўным сэнсе выпадковыя і ў прынцыпе могуць быць заменены іншымі адзінкамі. Некаторыя з іх уключаны ў прыказкі і прымаўкі згодна з патрабаваннямі рыфмы ці алітэрацыі [1, с. 125]. Але мы можам гаварыць пра гэта толькі тады, калі мы не ведаем паходжанне прыказкі.

Напрыклад:

- *Богатъ Авдзей, повна хата дзецей.*

- *Пусцився Микита на волокиту.*

Вельмі часта такая рыфма засноўваецца на алітэрацыі:

- *Перед паном Хведором расходзился ходором.*

- *Нашему Атроху насыпали гороху.*

б) Многія прыказкі характарызуюцца тым, што ў цэнтры іх стаіць імя,

якое стала крыніцай агульных паняццяў, дзякуючы сваёй эмацыянальнасці. Імёны ў прыказках і прымаўках такіх тыпаў носяць абагульнены характар і іх уключэнне ў парэмію заснавана на тым, што імя звязваецца з пэўнымі чалавечымі якасцямі і традыцыйна ўласцівасцямі, заўважанымі за чалавекам у якой-небудзь гісторыі і замацаванымі ў прыказцы [1, с. 124]. Так, напрыклад, імя *Макар* у прыказках асацыіруецца з агульным паняццем «прастак, няшчасны, забіты чалавек»:

- *На грхінога Макара и шишки валюцца.*

З імем Васіль звязана ўяўленне пра лянiвага чалавека, які больш есць, чым працуе:

- *Нашъ Василь на работу не силь, а якъ клецки въ молоце за чецверыхъ волоче.*

Няўмекай, лайдаком, які не паважае працу, паўстае Саўка:

- *Атавка – снну прибавка, да неўмевъ скосиць Савка.*

в) З'яўленне парэміялагічных адзінак яшчэ аднаго тыпу звязана з канкрэтным чалавекам, смешным або павучальным выпадкам. З часам гэтая сувязь можа забывацца і страчвацца. Так, ужо ў XIX ст. толькі гіпатэтычна з рэальнымі падзеямі суадносіліся такія прыказкі і прымаўкі, як :

- *Правда Сидорова.*
- *Выйгравъ, якъ Шлема на арендзѣ.*
- *Не правда, што у Кузьмы грошы, хіба хто ему подкинувь.*

Тут імёны ўжо не ўспрымаюцца як найменні ўдзельніка якой-небудзь гісторыі і ўжываюцца па традыцыі. Магчыма, гэтым прыказкам папярэднічалі прытчы ці казкі, вобразамі якіх былі людзі, што насілі гэта імя [2, с. 158].

У асобных жа парэміях антрапонім яшчэ захоўвае сувязь з рэальным прататыпам. Сэнс такіх прыказак і прымавак разгорнута тлумачыцца І.Насовічам. Напрыклад:

- *На вѣку всего наживешь, и Кузьму татою назовешь. Говорятъ полушутливо. Когда обстоятельства заставляютъ поклониться тому, кому не хотѣлось бы. Пословица произошла отъ слѣдующаго разсказа. Одинъ пасынокъ, привыкши съ малолѣтства называть отчима своего по имени Кузьмою и, подросши, не оставяль своей привычки. Но одинъ разъ, везя съ отчимомъ по возу пшеницы сноповой, как-то взѣхаль на косогоръ и попался подъ оборотившійся на него возъ. Пасынокъ, крича, сталь звать на помощь своего Кузьму, ххавшаго впереди, но Кузьма, не откликаясь, продолжалъ ххать. Пасынокъ, видя невнимательность отчима, началъ кричать: Тата, тата! Поможи мнѣ вылѣзть! Отчимъ немедленно остановился и освободилъ пасынка; но онъ, прѣхавши домой, при разсказѣ о такомъ случаѣ, сказалъ: на вѣку усего наживешь и Кузьму татою назовешь.*

Найбольш часта матывацыя прасочваецца ў парэміях, у склад якіх

уваходзяць прозвішчы:

- *Легенькій Еська. Легенький есть фамилия еврейская. Этою пословицею означается такой человек, который языком все делает, но не на длл, или который трудное для других считает легкимъ.*

- *Идзи к Мархотке въ штаны. Говорятъ шуточно вмѣсто: убирайся къ чорту. Мархотка есть фамилия дворянская, а штаны название фольварка.*

- *Подаруй на Луполовѣ безъ штановъ бегаецъ. Говорятъ вмѣсто отказа просящему подарить что-либо цѣнное. Подаруй была фамилия одного мѣщанскаго дома. Одинъ изъ этой фамилии горькій пьяница въ оборванномъ до наготы платьѣ таскался по Луполовѣ. Луполовѣ есть вся заднѣпровская часть Могилева.*

У асобных парэміях крыніцай матывацыі паслужыла тыповая імена-лагічная форма:

- *Кепско въ Минску, пыни Коржаневскій. Пословица напоминает что-то историческое, особенно поражение поляковъ въ Минске. Нынѣ употребляется въ шуточномъ смыслѣ при неудачахъ или при полученіи наказанія.*

Тут прозвішча *Коржаневскій* з фармантам *-ск*, які лічыцца найбольш характэрным для польскай мовы, указвае на польскую этнічную прыналежнасць персанажа парэміі.

Увогуле, як паказаў прааналізаваны матэрыял, онімы ў складзе парэмій садзейнічаюць перадачы рэалізма выслоўяў, дапамагаюць выражэнню асаблівасцяў сітуацыі, прадстаўленай у прыказцы ці прымаўцы, і раскрыццю яе пазітыўнага, негатыўнага, сатырычнага або іранічнага зместу.

Літаратура

1. *Кондратьева Т. Н.* Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX–XX вв. // «Памяти В. А. Богородицкого». Казань: Казанск. ун-т, 1961.
2. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань: Казанск. ун-т, 1967.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

Н. Н. Куцан

Пространство и время для любого художественного произведения играет огромную роль. Некоторые тексты построены строго хронологически в одном и том же месте, но роман «Чапаев и пустота» не входит в их число. Роман весьма сложен и противоречив, и необходимо разобраться в том, где и когда развивается действие романа [1]. При поверхностном рассмотрении можно выделить два временных пласта: послереволюци-

онная Москва и Москва наших дней, но если заглянуть глубже, то видно, что некоторые эпизоды развиваются вне времени (например, посещение Петькой Валгаллы – загробного мира для воинов), впрочем, есть эпизоды, которые развиваются и вне какого-либо места.

В основном, речь идет о Москве. И события после революции и наших дней развиваются в этом городе. Но очень часто упоминается Петербург. Да и мы сами понимаем, что для героев романа он гораздо важнее и ближе.

Этот город для русской культуры, а литературы в частности, очень важен и значим. Если заглянуть немного в историю, то само появление этого города было весьма неожиданным. Петербург очень молод по сравнению с другими городами. Есть в России города, которые древнее Петербурга, но Питер занимает свое особое место. Он не похож на всех остальных, он особенный [4, с. 267–274].

Сама история его создания до сих пор вызывает много загадок и слухов. До 1918 года Петербург был даже столицей. Немало трудностей выпало на его долю. Петербург стал эпицентром революции, да и знаменитая голодная блокада во Вторую Мировую войну тоже была там. Немало и названий поменялось: Петербург, Петроград, Ленинград и, наконец, Санкт-Петербург. Но есть и неофициальное, ласковое – Питер. Люди, живущие здесь, всегда отличались от жителей других городов России, той же Москвы. Даже язык тут особенный, какой-то *«по-петербургски интеллигентный»* [3, с. 71].

В романе Виктора Пелевина встречаются все типы и пласты русской жизни: москвичи, петербуржцы, провинциалы, столичная и провинциальная жизни, иностранцы, бандиты, интеллигенты. Таким образом, прослеживаются довольно четкие параллели.

ГОРОДА

На мой взгляд, уместно составить фасеты концептов городов и провинции. Далее следуют таблицы, в которых сопоставляются их сходства и различия (см. таблицы 1, 2, 3).

Из таблицы видно, что практически ничего не изменилось, Москва осталась той же (см. графу «Тверской бульвар. После революции. Наши дни»). Но все же изменения есть – Москва стала безликой. *«Уже начинало темнеть, и на крышах знакомых домов (их было довольно много вокруг) зажигались огромные электрические надписи на каком-то диком волапюке – “SAMSUNG”, “ОСАКО А”, “OLBI”. В этом городе мне совершенно некуда было идти; я чувствовал себя персом, по непонятной причине прибежавшим из Марафона в Афины»* [3, с. 348].

Таблица 1

	Москва	Петербург	Провинция
--	--------	-----------	-----------

Персонажи	Колян – типичный московский лохотрон [3, с. 267].	Шурик – элитный тип петерского бандита [3, с. 267].	Офицер Овечкин – ощущалась такая концентрация провинциального демонизма, что я ощутил раздражение [3, с. 135].
Рестораны	Место [литературное кафе «Музыкальная табакерка»] напоминало обычный, с претензией на шик, ресторан средней руки [3, с. 26].		Если здесь есть какая-нибудь ресторация, знаете, как это обычно бывает в провинции, с чахлой пальмой в кадке и теплым хересом в графинах? И чтобы подавали кофе [3, с. 133].

Табл. 2

	Москва	Провинция
Иностранцы	Впрочем Сердюк давно знал, что большинство иностранцев на самом деле никакие не иностранцы, а так, мелкая шантрапа, укравшая немного денег и отоварившаяся а магазине «Калинка-Стокманн». Настоящие иностранцы, которых в Москве развелось невероятное множество, уже давно в целях безопасности одевались так, чтобы ничем не отличаться от обыкновенных прохожих [3, с. 187].	В потертой куртке с капюшоном и резиновых сапогах Кавабата полностью потерял сходство с японцем. Теперь он стал похож на человека, приехавшего из Ростова-Дону. Так что, несмотря на сходство Кавабаты с приезжим из Ростова – а точнее, благодаря этому сходству, и особенно тому, что он не особенно походил на японца, сразу же делалось ясно, что это чистокровный японец вышел на минутку из своего офиса в московский сумрак [3, с. 188].

Табл. 3

	После революции	Наши дни
Тверской бульвар	Бронзовый Пушкин казался чуть печальней, чем обычно, – оттого, наверное, что на груди у него висел красный фартук с надписью: «Да здравствует первая годовщина революции». Уже начинало темнеть. Страстной монастырь был еле виден за снежной мглой [3, с. 10].	Бронзовый Пушкин исчез, но зияние пустоты, которая образовалась в месте, где он стоял, странным образом казалось лучшим из всех возможных памятников. Там, где раньше был Страстной монастырь, теперь тоже была пустота, чуть прикрытая чахлыми деревьями и безвкусными фонарями [3, с. 354].

В Петербурге ситуация немного иная. Он более интеллигентен: сам Петр Пустота – поэт из Петербурга. В провинцию после революции «набежали странные личности из Петербурга» [3, с. 133], и из контекста мы понимаем, что это именно интеллигенты, которые бегут туда, где по-

тише, потому как все спекулянты, наоборот, стремились в крупные города. *«Склонившийся надо мной господин напоминал одного из тех торгующих чем попало спекулянтов, которые в изобилии появились в Москве сразу же после начала войны»* [3, с. 100]. В Петербург, как средоточение культуры стремились провинциалы. *«Как правило, это были выходцы из Малороссии, которых отличали две основные черты – чудовищное количество жизненной силы и интерес к последним оккультным веяниям в столице»* [3, с. 100].

Надо отметить, что концептуализация того или иного города невозможна в отрыве от хронотопа – главного героя. Москва и Петербург находятся в постоянной оппозиции и взаимной дистрибуции, они как бы дополняют друг друга. Они очень коннотативны. В наборе определенных лексем (о них было сказано выше – см. таблицы), Пелевин остро чувствует разницу между этими городами и всячески нам ее подчеркивает.

Кроме этого в романе встречаются главы и эпизоды, где действие разворачивается как бы вне какого-либо места, по крайней мере, места, которое можно найти на карте. Например, посещение Петькой вместе с «Черным бароном» фон Юнгерном загробного мира для воинов – Валгаллы. Налицо мифологический сюжет и мотив, но Пелевин описывает это максимально правдоподобно, вводит реалистичные детали и персонажей, с которыми читатель встречается и дальше. К этому же можно отнести и описание реки Урал. *«То, что я увидел, было подобием светящегося всеми цветами радуги потока, неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность»* [3, с. 332].

Также и та же мистическая Внутренняя Монголия. *«Сначала сквозь него [глазок] было видны только синие точки фонарей, но мы ехали все быстрее – скоро, скоро вокруг уже шуришали водопады милой моему сердцу Внутренней Монголии»* [3, с. 360]. На этом роман заканчивается.

ВРЕМЯ

Основное действие романа протекает в двух временных пластах: послереволюционная Россия и Россия наших дней. Они смешиваются и взаимодействуют, две реальности Петра Пустоты причудливым способом переплетаются, герои и персонажи, которых мы встречаем в том или ином временном пласте, как правило, встречаются нам и в другом. Сам Петр Пустота перемещается из одного времени в другое с удивительной легкостью и необыкновенно органично и быстро сразу вписывается в то время, в котором очутился. Довольно интересно и то, что в каком бы времени он не проснулся (а переход из одного временного пласта в другой

происходит у героя именно во сне), много событий остается как бы за кадром. Он не помнит, например, боя на станции Лозовой или того, как он жил уже в наше время до того, как попал в психбольницу, некоторые подробности он узнает только тогда, когда тайком пробирается в кабинет главврача Тимура Тимуровича и находит свою историю болезни. Но зато в деталях помнит свою петербургскую жизнь до революции. *«Какой недостижимо прекрасной показалась мне в этот миг прежняя петербургская жизнь!»* [1, с. 92]

Таким образом, проанализировав эту тему, можно сделать вывод, что пространство и время у В. Пелевина решены весьма нестандартно. Через описания, развитие действия в различных городах, автор концептуализирует центр – Москву, и Петербург – сосредоточение европейскости, имперскости [1].

Литература

1. Кузнецов С. В. Пелевин. Тот, кто управляет миром // Огонек. 1996. № 35. С. 5–15.
2. Немзер А. Как бы типа по жизни // Литературная газета. 2000. № 27.
3. Пелевин В. Чапаев и пустота. М., Вагриус. 2001.
4. Топоров В. Петербург // Записки Татрского ун-та. 1967. С. 201–289.

ДЫЯГНОСТЫКА УМЕННЯЎ СТАРШАКЛАСНІКАЎ ПА ІНТАНАЦЫЙНЫМ АФАРМЛЕННІ ВЫКАЗВАННЯЎ

А. П. Літвінава

Сёння ва ўмовах пашырэння дзелавых, прафесійных зносін, калі ўзраслі магчымасці самавызначэння асобы, узмацнілася патрэба ў навучанні рыторыцы – дзелавой і рамантычнай навуцы адначасова. Уменне лагічна і выразна перадаваць змест і значэнне выказвання, здольнасць самастойна прадуючыраваць тэкст звычайна не даюцца ад прыроды, інтуітыўна. Яны могуць выпрацоўвацца ў школе, дзякуючы мэтанакіраванай настаўніцкай дзейнасці ва ўзаемасувязі з выхаваннем моўнага густу, з фарміраваннем маўленчага этыкету вучняў.

Пры сучасным хуткаплынным нарастанні інфармацыі ўзрастаюць патрабаванні да гукавой афарбоўкі маўлення, для забеспячэння якаснай перадачы звестак адрасату. Менавіта сэнсавая рэльефнасць, рытмічнасць, эмацыянальнае багацце інтанавання сведчаць аб культурным развіцці асобы, спрыяюць яе паспяховай адаптацыі ў грамадстве. А гэта значыць, што асаблівую актуальнасць у школе набывае праблема развіцця вуснай мовы школьнікаў. Таму вяртанне рыторыкі ў школу, асвятленне асобных рытарычных пытанняў і палажэнняў на занятках па беларускай мове заканамернае.

Праграмамі па беларускай мове ў старшых класах агульнаадукацыйнай школы прадугледжаны абагульненне і сістэматызацыя ведаў аб інтанацыйных сродках маўлення разам з удасканаленнем уменняў па прасадыхным афармленні выказвання (спецыяльна гэта ажыццяўляецца пры засваенні тэм «Стылістычныя сродкі фанетыкі» ў 10 кл. і «Інтанацыйныя сродкі вуснай мовы» – у 11 кл.).

Абагульненне звестак аб такіх інтанацыйных сродках, як мелодыка, націскі і паўзы, тон і тэмп маўлення, накіравана на аптымізацыю прасадыхнай абалонкі выказванняў школьнікаў. Інтэграцыя атрыманых уяўленняў пра розныя кампаненты інтанавання павінна адбывацца падчас складання «выканальніцкай партытуры» – графічнай размёткі тэксту. З улікам гэтых задач намі былі падрыхтаваны матэрыялы для правядзення канстатуючага зрэзу, які прадугледжваў аналіз:

1. характару асобных вучнёўскіх уяўленняў пра рытміка-меладыхную арганізацыю маўлення;
2. узроўню практычнага валодання сродкамі інтанацыі для перадачы як рацыянальна-лагічных, так і эмацыянальна-валюнтатыўных асаблівасцей выказвання;
3. ступені сфарміраванасці ўменняў па складанні партытуры тэксту і ўзроўню падрыхтаванасці вучняў да самастойнага агучвання тэксту ў адпаведнасці з яго папярэднім інтанацыйным падзелам.

Канстатуючая дыягностыка праводзілася сярод 89 навучэнцаў СШ № 4 і 138 г. Мінска. Вырашэнню пастаўленых задач спрыяла, у прыватнасці, наступная работа: вучням 11 класа было прапанавана агучыць паведамленне па матэрыялу падручніка, зрабіўшы пры гэтым графічную размётку тэксту на аснове ўсіх законаў і правіл інтанацыйнага падзелу.

Пераходзячы да аналізу атрыманых вынікаў, адзначым, што асноўная функцыя навуковага паведамлення, вядома, – у перадачы інфармацыі. Таму падкрэсленая лагічнасць выступае як вызначальная стылістычная і выканальніцкая рыса навуковых прамоў. Тэкст навуковага стылю дазваляе выявіць перш за ўсё узровень сфарміраванасці ўменняў па карыстанні такімі рытміка-інтанацыйнымі сродкамі, як паўзацыя і акцэнтацыя, пры сэнсава-лагічным упарадкаванні маўленчага матэрыялу.

Матэрыял канстатуючага зрэзу засведчыў, што найвялікшую долю зафіксаваных недахопаў у інтанаванні навуковых тэкстаў складаюць акцэнтаванне з парушэннем правіл лагічнага цэнтравання і неаптымальны паўзацыйны падзел сказаў на сэнсава адзіныя часткі (сінтагмы).

Названыя парушэнні ў выкарыстанні інтанацыйна-лагічных сродкаў выразнасці ў першую чаргу закранаюць акцэнтныя вылучэнні, якія часцей за ўсё носяць аўтаматызаваны характар: паводле асаблівасцей

рытмічнага ладу славянскіх моў, пад лагічны націск трапляе звычайна канчатковае слова сінтагмы і фразы. Выканальнікамі падчас вымаўлення ігнаруюцца лагічна больш значныя лексемы. Яны, наадварот, прамаўляюцца хутка і ціха. Гэта ілюструе і графічны падзел тэкстаў, напрыклад: *Ва ўступнай частцы/ з дапамогай фактаў,/ аргументаў раскрываецца сутнасць тэмы.*// (пажаданым было б праакцэнтаваць словы *ўступнай, фактаў, аргументаў, сутнасць*). Падобныя адхіленні ад лагічна матываванага інтанавання неаднаразова фіксуюцца ў 84,3 % прааналізаваных прац.

За межы сэнсавага вылучэння могуць выносіцца словы, якія патрабуюць абавязковага акцэнтавання ў фразях з супастаўленнем: *Прамова павінна даваць адказ на пытанні:/ што трэба зрабіць?/ чаму гэта неабходна зрабіць?* (прыблізна ў пятай частцы выканальніцкіх партытур, складзеных вучнямі, нематывавана не вылучаліся пыталныя словы *што* і *чаму*).

Распаўсюджаным аказалася «інтанацыйнае нівеліраванне» тых атрыбутыўных кампанентаў у тэрміналагічных словазлучэннях, якія маюць найбольшую сэнсавую вагу (*публічная прамова, інфармацыйная прамова, у асноўнай частцы*).

Нізкая ступень валодання ўменнем вылучаць істотнае, перадаваць дакладна змест выказвання праяўляецца ў парушэннях падзелу фраз на сінтагмы. Сустрэкаюцца неапраўданыя паўзы, што супярэчаць законам сінтаксічнай сувязі ў фразе і камунікатыўна абумоўленаму члянню выказвання: *Поспех публічнага выступлення ў многім/ залежыць ад таго, наколькі/ добра прамоўца ведае прадмет гаворкі,/ наколькі дасканалы прамова/ падрыхтавана і прадумана* (Пар. з больш удалым варыянтам: *Поспех публічнага выступлення/ ў многім залежыць ад таго,/ наколькі добра/ прамоўца ведае прадмет гаворкі,/ наколькі дасканалы прамова падрыхтавана/ і прадумана*). Не зусім асэнсаванае стаўленне вучняў да ўжывання рытміка-інтанацыйных сродкаў праяўляецца часам у празмернай, часам у недастатковай паўзацы, што прыводзіць да хібаў у лагічным цэнтраванні фраз.

Мастацкае маўленне дае магчымасць асэнсаваць ступень удаласці больш тонкага, нюансаванага, эмацыянальна афарбаванага ужывання інтанацыйных сродкаў. У сувязі з гэтым вучням прапаноўваліся фрагменты, якія вызначаліся варыятыўнасцю пажаданага інтанацыйнага афармлення сказаў.

У значнай колькасці даследаваных выпадкаў сустрэкаюцца таксама адхіленні ад лагічна матываванага інтанавання, якія з'яўляюцца аналагавымі адзначым у навуковым маўленні. Напрыклад: *І перад навальніцаю ўсё на зямлі бытта паменшыла,/ і нават вёска здавалася маленькай,*

нібы глядзіш на яе з вышыні,/ з гэтага магутнага,/ чорнага, навальнічнага крыла. Так, пажадана было б акцэнтаваць словы *усё, паменшыла, вёска, маленькай, вышыні*, дадаць паўзу пасля аднароднага элемента – прыметніка *чорнага*.

Адлюстраванне эмацыянальнай афарбоўкі ўрыўкаў, настрой якіх змяняецца на працягу апісання прыроднай з’явы, у прыватнасці навальніцы, характарызувалася недастатковай разнастайнасцю сваіх рэсурсаў. Частка школьнікаў не дасягала паслядоўнасці і выразнасці ў дынамічным размеркаванні сілы голасу і належным выкарыстанні тэмпу маўлення для перадачы адпаведнага стану і настраёвага фону. Гэта праяўлялася ў неадэкватным апісанай сітуацыі агучванні матэрыялу. Напрыклад, наступны урывак: *А адтуль/ чорным крылом/ разгортвалася навальніца.// І перад ёй усё заціхала,/ неяк паспешна, быццам захопленая знянацку,// нават паменшалі хвалі на тугаватай роўнядзі калосся. І нідзе/ ні душы.* У большасці выпадкаў (65,2 % прачытанняў) выконваўся гучна, што не адпавядае зместу і эмацыянальнай афарбоўцы дадзенага кантэксту.

Аналіз матэрыялаў эксперыменту вымушае прызнаць неабходнасць дадатковага ўдасканалення працы над партытурным аналізам гукавога боку выказванняў і дае магчымасць канкрэтызаваць склад тых уменняў, да развіцця якіх павінна павялічвацца ўвага пры навучанні школьнікаў выразнай інтанацыі. Важна пры гэтым браць пад увагу, што працу над інтанаваннем мэтазгодна арганізоўваць на ўсіх этапах і ступенях навучальнага працэсу, а інтанацыю разглядаць як комплексны феномен ва ўсёй разнастайнасці яе кампанентаў. Не менш значна спалучаць развіццё эмацыянальнай выразнасці маўлення з выхаваннем моўнага густу, фарміраваннем пачуццёвага патэнцыялу школьнікаў.

ВОБРАЗ БРАТЧЫКА-ХРЫСТА Ў РАМАНЕ У. КАРАТКЕВІЧА «ХРЫСТОС ПРЫЗЯМЛІЎСЯ Ў ГАРОДНІ»

І. В. Макарэвіч

Па асэнсаванні біблейскага матэрыялу раман У. Караткевіча «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» займае асаблівае і значнае месца ў беларускай літаратуры. Мастацкая сістэма рамана насычана цытатамі і эпиграфамі, аллюзіямі і рэмінінісцэнцыямі, якія, як адзначае Е. Лявонава, «адсылаюць да твораў розных эпох і народаў і, павышаючы агульны філасофска-этычны і эстэтычны патэнцыял кнігі, вымагаюць ад чытача інтэнсіфікацыі яго асацыятыўных здольнасцей» [3, с. 44]. Дабро і зло, каханне і нянавіць, пачварлівае і ўзвышанае, жыццё і смерць не проста

суіснуюць на старонках рамана, але і актыўна ўзаемадзейнічаюць, утвараючы універсальны кантэкст індывідуальнага і агульначалавечага светапогляду. Падобная інтэрпрэтацыя Бібліі ў сучасным кантэксце прапанавана ў раманах Э. Рэнана «Жыццё Ісуса», Г. Гаўптмана «Юроду Хрысце Эмануіль Квінт», Г. Панаса «Евангелле ад Іуды». Такім чынам, раман У. Караткевіча «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» арганічна ўвайшоў у кантэкст сусветнай літаратуры.

«Быў ён не такі ўжо і малады, год трыццаць пяць, але дужа моцны і на галаву вышэй за ўсіх. Твар нейкі не такі і, як тыя людзі мне казалі, смешнаваты, бровы густыя і доўгія, зубы надзіва белыя. Ля пояса ў яго вісеў корд у бліскучых піхвах. Бліскучых, але танных, бо гэта не было срэбра» [1; 6, с. 12]. Гэта першая сустрэча чытача з Юрасём Братчыкам. Ужо з першых радкоў аўтар надзяляе свайго героя знешняй выключнасцю (залатыя валасы і на дзіва вялікія, з нечалавечай самотай вочы), адначасова падкрэслівае і яго зямную сутнасць. Але ў той жа час вылучае яго сярод іншых людзей нейкай прытоенай у ім існасцю. Аўтар не тлумачыць што гэта за чалавек і адкуль ён ўзяўся, пасланнік ён Д'ябла ці Бога, ён не мае нават імя. Усё гэта аўтар робіць для таго, каб заінтрыгаваць чытача, даць яму магчымасць самому разважаць і рабіць пэўныя высновы. А таксама, каб надаць пэўную сакральнасць падзеям, якія разгортваюцца на старонках рамана. Далей аўтар уключае Братчыка ў групу вандроўных акцёраў. «Ішоў, калі разабрацца, самы сапраўдны зброд: аматары выпіць, пад'есці, пераначаваць у чужой адрыве, калі гаспадара няма дома. Ішлі камедыянты, махляры, круцялі, лабятрасы, дагоднікі свайму чэраву, гарэзнікі, насмешнікі. На тварах іхніх былі посныя, добрапрыстойныя, набожныя міны – і гэта было недарэчна і смешна... а перад імі ішоў чалавек.

З цяжкім вянцом на лбе» [1; 6, с. 66]. На фоне гэткай кампаніі галоўны герой узвышаецца і вылучаецца з натоўпу. Каб падкрэсліць выключнасць і трагічнасць Юрася Братчыка, аўтар надзяляе яго галоўным атрыбутам пакутніцкага шляху Хрыста – цяжкім вянцом. Чытач з самага пачатку ведае, што за Хрыста, па збегу абставін, прынялі вандроўнага акцёра, недавучанага студэнта, таму ён успрымае гэты вобраз без усялякай сакральнасці.

У аснове рамана У. Караткевіча, як і ў творах шматлікіх еўрапейскіх інтэрпрэтатараў Бібліі, знаходзіцца гісторыя Хрыста і дванаццаці яго апосталаў, вакол яе сцягнуты ўсе сюжэтныя перыпетыі твора. Братчык-Хрыстос і ягоныя апосталы пэўным чынам паўтараюць біблейскія падзеі: Братчык збірае вучняў, корміць галодных «пяццю хлябамі» і «дзвюма рыбамі» (раздаў людзям запасы з крамаў хлебніка і рыбніка), абуджае ў

душах людзей надзею, абараняе грэшніцу Марыю Магдаліну, ідзе на сваю Галгофу. Аднак усе ягоныя дзеянні вельмі прыземленыя, у іх не назіраецца ніякага цуду і тым больш сакральнасці. Калі, напрыклад, Г. Гаўптман напрыканцы свайго рамана «Юрод у Хрысце Эмануіль Квінт» імкнецца забытаць чытача і не дае прамога адказу на пытанне, хто перад намі, Юрод Эмануіль Квінт ці сапраўдны Хрыстос, які прыняў ягонае аблічча, то У. Караткевіч ледзь не кожным радком падкрэслівае зямную, чалавечую сутнасць свайго героя: «Не было цудаў. І былі цуды. І не быў ён Бог, а быў чалавек» [1; 6, с. 6]. Беларускі пісьменнік не імкнецца надаць свайму герою звышчалавечыя рысы, нават пасля ўзыходжання яго на Галгофу. У канву біблейскіх падзей У. Караткевіч уплятае прыгодніцкія моманты, сітуацыі, падзеі, якія ўласцівыя для твораў А. Дзюма і Г. Сянкевіча. У рамане ёсць таксама любоўны трохкутнік (Марыя Крывіц-Братчык-Анея), гераічная барацьба з татарамі і перамога над імі. Як адзначае В. Супа, Братчык «шмат разоў пазбягае смерці, і, нарэшце, як героі «Кандыда» Вальтэра знаходзіць выратаванне на маленькім хутары, а сэнс жыцця ў працы і сямейным шчасці» [5, с. 166].

А. Нямцу падкрэсліў, што «версія беларускага пісьменніка не з'яўляецца чарговым «прыземненым» пераказам Новага завету, ідэі і вобразы якога фармальна збліжаюцца з духоўнымі запытамі іншай сацыякультурнай эпохі; героі рамана нібы «перапісваюць» агульнавядомы лёс евангельскіх персанажаў, напаўняюць іх кананізаваныя характарыстыкі зразумелымі і блізкімі простаму народу чалавечым сэнсам, пакутамі, надзеямі і расчараваннямі. Найбольш ёміста і шматпланавы гэты прасочваецца на гісторыі «абагаўлення» галоўнага персанажа і яго сяброў» [4, с. 174].

Караткевічаўскі Хрыстос нараджаецца не з кананічнага тэксту і нават не з апакрыфічнага, а з прыдуманнага аўтарам «Евангелля ад Іуды». Апавядальнік разам з Іудам, адным з апосталаў лжэ-Хрыста, які «будучы на схіле дзён, рыхтуючыся да агульнай чашы чалавечай» [1; 6, с. 5], вырашылі расказаць гісторыю пра Юрася Братчыка.

Хрыстос ідзе па беларускай зямлі. Ён дапамагае людзям у цяжкім зямным жыцці. Дае ім надзею на лепшую будучыню і веру ў тое, што не ўсе навокал ворагі, не ўсе імкнуцца іх прынізіць і зняважыць. Юрась Братчык стаў сапраўдным заступнікам народа, змагаром за яго шчасце. Паступова ён пачынае ўсведамляць неабходнасць сваёй ролі. Імкнучыся зразумець сутнасць свабоды і пазнаць ісціну, ён ставіць перад сабой шматлікія пытанні, на якія хоча знайсці адказы ў Святых Кнігах. Аднак ён не знаходзіць адказы на гэтыя пытанні ў Святым Пісанні. Знайсці іх можна толькі ў сваёй галаве. Пасля доўгіх разважанняў Братчык пачынае

адчуваць непарыўную еднасць з народамі. У гэты момант ён зразумеў, што будзе рабіць далей, і тады спакой і ўпэўненасць апанавалі ягоную душу.

Хрыстос У. Караткевіча, як адзначае В. Супа, «гэта грамадскі дзеяч, рэвалюцыянер, абаронца простага народа, змагар за волю, справядлівасць і роўнасць, які карае багатых» [5, с. 168]. Менавіта такі вобраз быў створаны на старонках многіх раманаў сусветнай літаратуры. Беларускі Хрыстос вельмі арганічна ўпісваецца ў кантэкст гэтых вобразаў. Далучэнне да Бібліі і да сусветнай літаратуры ў гэтым выпадку прывяло да стварэння арыгінальнага твора, які вызначаецца глыбокім зместам і глыбокім падтэкстам.

Юрась Братчык – выключная асоба. Ён шмат пабачыў у жыцці, шмат зразумеў, сустрэкаліся на ягоным жыццёвым шляху голад і холад. Ягоны розум, духоўны патэнцыял, міласэрнасць, маральная адказнасць і першапачаткова, яшчэ не зразумелая ім, прытоеная, але сапраўдная любоў да свайго народа дапамагаюць яму ў складаных жыццёвых перыпетых знаходзіць адзіна правільны кірунак.

Дамінантай эстэтычнага пошуку пісьменніка, на думку В. Локун, з’яўляецца «высокая маральнасць, вера ў адраджэнне душы чалавечай» [2, с. 102]. І калі аўтар, кіруючыся гэтай мэтай, ператварае былога шкаляра, які быў выгнаны з Мірскага калегіума «за памяркоўнасць, спагаду і сумненні ў веры» [1; 6, с. 32], валацугу-акцёра ў Хрыста, то ён «не мае на мэце з Чалавека зрабіць Святога, а наадварот – ачалавечыць рэлігію, зрабіць Бога даступным народу, ператварыць яго ў заступніка народнага» [2, с. 102].

Паступова светапогляд Юрася Братчыка мяняецца. Яго душу пачынае кранаць тое, да чаго ён раней ставіўся абыякава. Пасля душэўнага яднання Хрыста з народамі пісьменнік імкнецца наблізіць Братчыка да евангельскага Хрыста. Гэта пачынаецца з вывучэння Братчыкам Новага завету: «І ў тую ноч сеў ён вывучаць святыя кнігі... Цяпер яму трэба было ведаць гэта. Ён быў – Хрыстос. І адсюль ён павінен быў чэрпаць нормы сваіх паводзін» [1; 6, с. 168–169]. Так нарадзіўся «сялянскі Хрыстос», якога з даўняга часу чакала не адно пакаленне людзей. Такім чынам, як адзначае В. Локун пісьменнік «прыходзіць да вызначэння ісціны біблейскай, хрысціянскай як ісціны народнай» [2, с. 104]. Хрыстос можна ідзе на смерць, ідзе як пакутнік, як герой, як Хрыстос-Чалавек, проста як Чалавек, дадаючы да мук людскіх і свае мукі, і сваё жыццё.

Па сваёй прыродзе Братчык філосаф і аптыміст. Нягледзячы на ўсе выпрабаванні лёсу, ён застаецца, верным сваёй справе і сваёй надзеі на чалавечнае ў чалавеку. Ён упэўнены, што «і ў самых цёмных душах неўсвядомлена жыве справядлівасць» [1; 6, с. 100].

Братчык на працягу ўсяго царністага шляху робіць выбар, адпаведны менавіта Боскай задуме. Ідзе шляхам евангельскага Хрыста, але праходзіць уласным пакутніцкім шляхам. Братчык – Хрыстос гэта прадстаўнік менавіта беларускай зямлі і беларускага народа, які за шчасце свайго народа згодны не толькі аддаць сваё жыццё, але і здрадзіць небу.

Сёння да біблейскіх вобразаў, да пераасэнсавання Евангелля звяртаюцца многія беларускія пісьменнікі. Яны развіваюць традыцыі У. Караткевіча, бо, як правіла, «надаюць біблейскім матывам адценне надзённасці, акцэнтуюць актуальнасць Кнігі Кніг для сённяшняга чалавека і для чалавека наогул» [3, с. 71].

Літаратура

1. *Караткевіч У.* Зб. Тв.: У 8 т. Т. 6. Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. 494 с.
2. *Локун В.* Маральна-філасофскія пошукі бел. ваеннай і гістарычнай прозы 50–60-я гг. Мн.: Навука і тэхніка, 1995. 109 с.
3. *Лявонава Е.* Беларуская літ. XX ст. і еўрапейскі літаратурны вопыт: Дапаможнік для студэнтаў філал. фак. Мн.: БДУ, 2002. 130 с.
4. *Нямцу А.* Новый Завет и мировая литература. Черновцы: Черновицкий госуниверситет, 1993. 243 с.
5. *Суна В.* Роман В. Короткевича «Христос приземлился в Городне» в контексте мировой лит. // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: Матэрыялы V Міжнароднай навук. канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю БДУ (Мінск 16–18 кастр. 2001 г.): У 3 ч. Ч. 1: Мн.: БДУ, 2001. С. 166–170.

ХАЙКУ КАК МАРГИНАЛЬНЫЙ ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

М. А. Мартысевич

В отечественных литературных энциклопедиях хайку (хокку) определяется как основная форма японской поэзии, жанр, имеющий строгий канон, разработанный в XVII веке поэтом Мацуо Басе. Однако, несмотря на ярко выраженную национальную специфику, в XX веке жанр хайку вышел за границы японской литературы, став поистине мировым. В России классическое японское хайку стало известно в эпоху модерна, на рубеже XIX и XX веков, когда Европа заново «открыла» для себя восточную культуру. Сейчас, на новом рубеже веков, в России вновь возник небывалый интерес к поэзии хайкай. Мы считаем, что целесообразно рассматривать данный жанр как маргинальное явление современной русской поэзии, развивающееся на стыке двух разных культур.

Перечислим национальные особенности японской литературы, делающие аутентичные хайку практически несовместимыми с русской поэтической традицией:

1. Силлабическое стихосложение, которое в русской традиции всегда воспринималось как чужое, ненатуральное.

2. Отсутствие в классическом японском хайку метафоры – основополагающего тропа европейской поэзии. Японцы более склонны к абстрактному мышлению: Продают // Мохнатого краба – рот// Снегом забит (Амари Оки, пер. Т. Соколовой-Делюсиной) [1, с. 328].

3. Синкретизм японского искусства, практически недостижимый европейской традицией. Японское хайку – это единство поэзии, каллиграфии, изобразительного искусства и музыки.

4. Существенное различие между картинами мира восточного и западного человека.

В этой связи проникновение жанра хайку в русскую культуру осуществляется в XX веке следующими путями, описанными исследователем восточной литературы Н. Конрадом: перевод, национальная адаптация, воспроизведение жанра по строгим канонам [см. 2]. Причем во всех трех случаях происходит приспособление восточного стихотворного жанра к западному типу мышления.

Важную роль в адаптации жанра хайку к русской поэтической традиции сыграла Вера Маркова, выдающаяся переводчица японской поэзии. В ее работе над хайку Басе и его последователей переводчица впервые использовала такие приемы, как отказ от формального принципа 5-7-5 во имя содержания и использование ритмического стиха в качестве эквивалента японской силлабики. В. Маркова разработала особую ритмику стиха, по которой русскоязычный читатель узнает хокку: Пьет свой утренний чай // Настоятель в спокойствии важном. // Хризантемы в саду (Басе, пер. В. Марковой) [3, с. 108]. Важной переводческой стратегией, разработанной В. Марковой, является адаптация восточной поэтики к картине мира западного человека. Так, например, основополагающим в каноне, выработанном Басе является принцип саби, согласно которому хайку призвано передать «печаль одиночества». Чтобы сделать философию классика японской поэзии более доступной русскому читателю, переводчица часто вводит в трехстишия слова со значением «тишина», «одиночество»: На голой ветке // Ворон сидит одиноко. // Осенний вечер; Старый пруд. // Прыгнула в воду лягушка. // Всплеск в тишине (Басе, пер. В. Марковой) [3, с. 51; с. 70].

Переводы В. Марковой замечательно репрезентируют жанр хайку в русской культуре, давая читателю так называемое «ощущение дистан-

ции», которое необходимо при знакомстве с иноязычной литературой. В то же время у русскоязычного читателя сформировался упрощенный стереотип японской поэзии. Российские «хайкологи» видят в этом причину, по которой под хайку в массовом сознании стал пониматься любой поэтический текст, содержащий три строки.

В современной русской традиции хайку принято делить на регулярные и нерегулярные (можно также встретить термины «классические» и «вольные»). Некоторые теоретики оперируют терминами «хайку» (где принцип 5-7-5 соблюдается) и «трехстишия».

Русские авторы хайку, во многом под влиянием переводов В. Марковой, в своем большинстве отдают предпочтение нерегулярным хайку, считая канон 5-7-5 излишне пуристическим, интерпретируя 17-слоговую форму как искусственные рамки, не дающие проявиться широте русской души. В среде теоретиков хайку можно отметить два различных подхода к жанру, условно названные нами консервативным и либеральным.

Консервативным, в нашем понимании, является подход редколлегии первого российского альманаха поэзии хайку «Тритон»: «Под обложкой «Тритона» найдется место разным концепциям русского хайку, разным поэтикам, так или иначе сохраняющим *ориентацию на первоисточник* (курсив наш – М. М.) – бессмертные творения Басе и Иссы» [4, с. 3]. Теоретик хайку Алексей Андреев считает, что в русских хайку можно пренебречь принципом 5-7-5, усматривая суть поэзии хайкай в тонкостях содержания. По сути, А. Андреев переносит на русскую почву классический японский канон, несколько модернизировав принципы саби, каруми, (легкость), «принцип недостроенного моста», «принцип отсутствия метафоры» [см. 5]. Концепция А. Андреева – характерное проявление национальной адаптации жанра, но, по мнению представителя либеральной школы хайку Дмитрия Кудри [см. 6], разрабатываемый А. Андреевым канон несколько искусственен и противоречит естественному ходу литературного процесса, поскольку основная особенность лучших образцов русских хайку – это сочетание японского канона (принцип 5-7-5, сезонное слово) и европейской поэтики метафоры: Крыжовником день // колосся и, проходя, // задевал воздух (А. Пестрикова) [4, с. 50]. Для “либералов” хайку интересны, например, в случаях смешения чужой, японской эстетики и привычной, постсоветской: Как разлилась река! // Из воды едва торчит // Экскаватор башенный (М. Бару) [4, с. 23]. (Ср.: Как разлилась река // Цапля бредет на коротких ножках // По колено в воде (Басе, пер. В. Марковой) [3, с. 102].)

Свидетельством маргинального положения хайку в системе русской строфики является, на наш взгляд, наличие среди них большого количества пародийных, иронических текстов. Типологически русские сатирические хайку соотносятся с сэнрю – японским жанром сатирических хайку. Однако в большинстве случаев имеет место пародия на саму традицию хайку – игра с образами, связанными в обыденном сознании с Японией: Фудзияма, кимоно, самурай, ветка сакуры, камикадзе и др. Второй распространенный сатирический прием – смешение двух контрастных стихий: японской и русской классической литературы:

ТЮТЧЕВ

Нет, не понятна

Эта Россия умом.

Где же аршин мой?

(Великие русские хокку) [7].

В СМИ хайку давно воспринимается как разновидность литературной игры, околотитературная забава: «Журнал «Амазонки» приглашает вас написать свое хокку. Это не конкурс – мы не будем выбирать лучшее, просто поиграем в Японию». [8]. Таким образом, в русском литературном процессе жанр хайку является маргинальным не только по отношению к стержневым формам русского стихосложения, но и, в некоторых своих проявлениях, по отношению к высокой, элитарной литературе.

Проанализировав богатейший материал современной русской поэзии хайкай, мы можем отметить следующие тенденции развития жанра в современной русской литературе:

1. Русское хайку на протяжении всей истории своего существования сопряжено с японской традицией, оно не только происходит от этой традиции, но и постоянно питается ею. В то же время в рамках этого жанра ярко проявляется синтез двух культур – японской и русской, синтез двух типов мышления – восточного и постсоветского;

2. Несмотря на безусловную популярность жанра хайку, в современном русском литературном процессе жанр этот осознается как чуждый, даже несколько оппозиционный русскому стихосложению. Причем со временем такое отношение не сглаживается, а наоборот, усиливается;

3. Несмотря на большое количество русскоязычных хайку (например, в 1998 году на Всероссийский конкурс хайку было прислано 12 000 трехстиший), в России этот жанр до сих пор остается на периферии литературного процесса.

Литература

1. Странный ветер. Современная японская поэзия. Пер. с яп. М.: Иностранка, 2003. 476 с.

2. Конрад Н. И. К вопросу о литературных связях // Интернациональное и национальное в литературах Востока. Сб. статей. М., 1972. С. 5–19.
3. Мацуо Басе. Великое в малом. Изд. 2-е. СПб.: Кристалл. 2000. 544 с.
4. Тритон: Российский альманах поэзии хайку. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, Вып. 1. 2000. 116 с.
5. Андреев А. От цветка к саду // Новое литературное обозрение. 1999. С. 329–351.
6. Кудря Д. Хайку plus, или Несколько слов о «русских хайку» // Арион. 2001. №1. С. 74–79.
7. Интернет-адрес: <http://samizdat.msk.ru/issues/010/40.html>.
8. Дайн Р. Мы пишем хокку // Амазонки. 2004г. 3 февраля (№ 28). С. 14–15.

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ РОМАНА ЭМИЛИ БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»

Е. В. Повзун

В историю литературы Эмили Бронте вошла как автор сборника стихов, написанного ею вместе с сестрами, Шарлоттой и Энн, под псевдонимом «братьев» Белл («Стихотворения Куррер, Эллис и Эктон Белл») и одного единственного романа «Грозовой перевал» (*Bronte E. Wuthering Heights, 1847*), который во многом предопределил дальнейшее движение английского романа.

При всей легкости, непринужденности повествования, при всей естественной многосложности родственных связей между героями, «Грозовой перевал» – искусно построенная книга, в которой самым тщательным образом продумана композиция. Целью работы является анализ элементов и приемов композиционной организации романа Э. Бронте «Грозовой перевал». Учитывая множество подходов к определению композиции, мы остановились на следующем: «Композиция (от лат. *compositio* – составление, соединение), расположение и соотношенность компонентов художественной формы, т. е. построение произведения, обусловленное его содержанием и жанром» [3, с. 164].

В «Грозовом перевале» довольно сложное сочетание временных пластов. Примечательно, что роман начинается с точной даты – 1801 – когда мистер Локвуд впервые переступает порог Грозового Перевала. К этому времени история, начавшаяся много лет назад, уже близится к развязке. Рассказ Нелли Дин возвращает читателя к событиям тридцатилетней давности и постепенно приближает к настоящему времени. Рассказывая о прошлых событиях, Нелли Дин не ведет точный, погодичный рассказ, она сознательно выбрасывает несколько лет жизни, которые не имеют важного значения для понимания сути ее рассказа.

Соединение различных временных пластов достигается с помощью монтажа. Э. Бронте прибегает к этому приему для того, чтобы сделать

повествование более динамичным, акцентировать внимание на ключевых, концептуально важных моментах, несущих наибольшую смысловую нагрузку и через которые раскрываются основные темы и идеи романа.

Кроме сложного сочетания временных пластов, произведению Э. Бронте характерна двунаправленность действия во времени, т. е. движение действия из настоящего не только в прошлое, но и в будущее. Двунаправленность действия служит способом репрезентации решений, затронутых в романе проблем, и выявляет авторское отношение к этим проблемам.

Э. Бронте использует прием сюжетного обрамления, т. е. помещает рассказ в рассказ: старая служанка Нелли Дин, работавшая в домах Эрншо и Линтонов, посвящает в их тайны заезжего джентльмена, мистера Локвуда, от лица которого начинается повествование. Таким образом, мы узнаем историю Хитклифа, Эрншо и Линтонов в пересказе Локвуда.

Выбор двух персонажей, от лица которых ведется повествование – мистер Локвуд и Нелли Дин – не случаен. Функция этих двух героев, самых обычных, «нормальных» людей, в книге заключается в том, чтобы придавать повествованию реалистичный, житейски достоверный характер, комментировать происходящее с точки зрения здравого смысла и тем самым демонстрировать известную несостоятельность подхода к описываемым событиям с позиций житейской логики.

В романе Э. Бронте достаточно сложная группировка героев. Героев можно разделить на две группы: жители Грозового Перевала – семья Эрншо и жители Мызы Скворцов – семья Линтонов. В ходе действия романа группировка героев меняется, герои из первой группы перемещаются во вторую и наоборот. Такая «расстановка» персонажей позволяет Э. Бронте показать одних и тех же героев в двух мирах, которые автор противопоставляет в романе – в мире бушующих страстей, где царствуют идеи свободы, верности самому себе и вечным законам человеческого братства, который символизирует Грозовой Перевал и в рациональном, цивилизованном мире, где живут, повинуюсь условностям и сковывающей морали своего времени и круга, символизируемый Мызой Скворцов.

Основными способами «поддачи» образов являются сопоставление и противопоставление, которыми автор пользуется для создания образа героя и раскрытия его внутреннего мира. Через сопоставление героев Э. Бронте раскрывает два разных характера: Хиндли – раба чувств, и Эдгар – служитель разума. Принцип сопоставления используется также при создании образа Кэти младшей. В отличие то матери, от которой она

унаследовала способность к сильным чувствам, Кэти умела быть мягкой и кроткой, как голубка. «Никогда ее гнев не был яростен, а любовь неистова – любовь ее была глубокой и нежной» [2, XVIII, с. 161] («...her anger was never furious; her love never fierce: it was deep and tender» [1]).

Через образы героев – Хиндли и Эдгара, Кэтрин и ее дочери – автор выражает мысль о том, что отсутствие гармоничного сочетания в человеке чувства и разума приводит к душевному конфликту с самим собой.

Создавая образы Кэти и Гэртона, Э. Бронте использует систему «зеркальных» образов. Взаимоотношения Кэти и Гэртона строятся по аналогии с взаимоотношениями Кэтрин и Хитклифа, но в отличие от последних, их ждет счастливый финал. Следовательно, тема любви в романе Э. Бронте раскрывается в двух тональностях – история трагической любви Кэтрин и Хитклифа и история счастливой любви Кэти и Гэртона.

Содержательными композиционными элементами в романе Э. Бронте выступают сон, интерьер и пейзаж. Кэтрин видит сон о рае, являющимся ее домом, но в котором она глубоко несчастна. Сон выполняет функцию предсказания: Кэтрин, выйдя замуж за Эдгара, и поселившись в его уютном, напоминающем земной рай доме, буден лишена подлинного счастья. Таким образом, сон подготавливает читателя к восприятию последующих событий романа.

В целях показать различия между героями – жителями Грозового Перевала, людьми грубоватыми, негостеприимными и утонченными, воспитанными жителями Мызы Скворцов, Э. Бронте использует интерьер. Обстановка в комнате Кэтрин на Грозовом Перевале самая простая: стул, комод и небольшой дубовый ларец. В доме же Линтонов, Кэтрин и Хитклиф были поражены роскошным убранством комнаты.

Пейзажные зарисовки у Э. Бронте лаконичны и кратки, поскольку состояние природы создает атмосферу для предстоящих событий, и оно либо соответствует, либо контрастно им. Описание природы создает гнетущую, тревожную атмосферу для появления призрака на Грозовом Перевале во время пребывания там Локвуда: «dark night coming down prematurely, and sky and hills mingled in one bitter whirl of wind and suffocating snow» [1] («темная ночь наступила до времени, смешав небо и холмы в ожесточенном кружении ветра и снега» [2, II, с. 30]). Таким образом, Э. Бронте использует пейзаж в целях эмоционального воздействия на читателя.

«Грозовой перевал» начинается с момента, когда действие уже движется к развязке. В результате, нарушается традиционная логическая последовательность основных элементов композиции (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка). Прием сюжетно-компо-

зиционной инверсии Э. Бронте пользуется с целью захватить внимание читателя уже с первых страниц книги.

В романе действует принцип композиционного кольца, поскольку начинается он сценой посещения Локвудом Грозового Перевала и заканчивается роман аналогичной сценой. Прием композиционного кольца дает возможность Э. Бронте вернуть читателя к началу романа и подвести черту под изложенной в нем историей, сделав его завершенным и косвенно выразив свое авторские отношение к затронутой в романе проблеме.

Особенностью романа является использование автором приема умолчания без дальнейшего прояснения или прямого обнаружения до того скрытого от героев и читателя. Остается неизвестным происхождение Хитклифа, как он разбогател и превратился в настоящего джентльмена после трехлетнего отсутствия на Грозовом Перевале. Тайной покрыта и смерть Хиндли: повинен в ней Хитклиф или нет. На все эти вопросы Э. Бронте не дает ответы, внося в роман, таким образом, романтический дух таинственности и загадочности.

Таким приемом как смена точек зрения Э. Бронте пользуется в «Грозовом перевале» в масштабе всего произведения. В романе присутствует разноречие или многоголосье, т. е. нет традиционного для викторианского романа автора, который, по выражению У. Теккерея, «знает все». Э. Бронте запечатлевает в книге различные манеры говорения и сказывающиеся в них типы сознания, через которые выявляется мировоззрение того или иного героя. Со страниц романа читатель слышит голоса Кэтрин, Хитклифа, Нелли Дин, Локвуда, Изабеллы.

Из вышесказанного видно, что основными композиционными приемами, которыми пользуется Э. Бронте в «Грозовом перевале» являются сюжетно-композиционная инверсия, композиционное кольцо, сюжетное обрамление, умолчание, монтаж, смена точек зрения.

Таким образом, композицию романа «Грозовой перевал» Э. Бронте можно определить как кольцевую, т.е. начало и конец романа как бы смыкаются, образуя кольцо, а также как сложную или комплексную с элементами ретроспекции.

Литература

1. *Bronte E.* Wuthering Heights. <http://lang.nagoya-u.ac.jp/matsuoka/Bronte.html>.
2. *Бронте Э.* Грозовой перевал // Бронте Э. Грозовой перевал. Стихотворения. М., 1990.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА НЕЛЛИ ЗАКС

Е. В. Скорая

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
Муза и глохла и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

А. Ахматова.

Нелли Закс является крупнейшей немецкой писательницей, лауреатом Нобелевской премии по литературе, однако она до сих пор остается не сказать, что абсолютно позабытой, но неизвестной, можно выразиться не услышанной для большинства читателей. Ее поэтический мир богат и разнообразен, поэтому хотелось бы обратить внимание на самые важные моменты ее жизни и творчества.

Отец Н. Закс был евреем по происхождению, но ее домом всегда была Германия, и она всегда считала себя немкой. Начиная с 1933 го да, ей будет отказано в родине, и в возрасте сорока двух лет Нелли Закс обретет себя в качестве еврейки. Вернее, путь этот будет долгим. Сначала она обретет имя Сара Закс. Затем они с престарелой матерью лишатся всех средств к существованию, пройдут через каждодневные оскорбления и страх смерти и только чудом будут спасены от фашистской расправы: шведская писательница Сельма Лагерлеф, близкий друг Н. Закс, и еще несколько друзей добьются разрешения у шведских властей на въезд в страну этих двух беспомощных, беззащитных, уже немолодых женщин.

Но и это еще не конец испытаний. В 1950 году умирает мать на руках у Нелли Закс, и престарелая писательница остается одна в чужом городе без родных и без родины, где в мае 1970 года она встретит свою смерть и будет похоронена на еврейском кладбище.

«Но словно взамен всего утраченного ее поэтический голос приобрел неожиданную силу» [1, с. 440]. 12 июля 1966 года в письме к Гизеле Дишнер, исследовательнице ее творчества, сама поэтесса откровенно признается: «Страшные переживания, которые привели меня как человека на край смерти и сумасшествия, выучили меня писать. Если бы я не умела писать, я не выжила бы. Писать меня учила смерть» [1, с. 439]. Если проследить за логикой этого высказывания, то можно подвести горь-

кий и страшный итог: как много было смертей, которые научили так писать Н. Закс, что ее творчество было увенчано вручением Нобелевской премии 10 декабря 1966 года.

Действительно, все сборники и произведения писательницы, опубликованные после войны, – среди них: сборник стихов «В жилищах смерти» («In der Wohnungen des Todes», 1947), сборники «Звездное затмение» («Sternverdunkelung», 1949), «И никто не знает дальше» («Und niemand weiss weiter», 1957), «Бегство и преображение» («Flucht und Verwandlung», 1959) и другие произведения, – образуют как бы единый реквием по убитым и замученным в лагерях смерти. Эта поэзия – свидетельство чудовищных преступлений, поэзия-предупреждение.

Центральными образами в творчестве Н. Закс являются образы «палача» и «жертвы», что кажется закономерным и естественным для человека, пережившего и испытавшего столько страданий в жизни. Можно сказать, эти образы – выстраданы ею в жизни и осмысленные в ее творчестве. А между этими полюсами располагается весь поэтический мир писательницы.

Чтобы получить более наглядное представление, обратимся хотя бы к одному стихотворению Н. Закс, например: «Auf dass die Verfolgten nicht Verfolger werden» («Пусть гонимые не станут гонителями»):

Schritte –

In welchen Grotten der Echos
Seid ihr bewahrt,
Die ihr den Ohren einst weissaget
Kommenden Tod? [3, с. 71].

В переводе С. С. Аверинцева:

Шаги –

В каких пещерах созвучий
Вы таитесь до срока,
Чтоб однажды ушам возвестить
Подступившую смерть? [1, с. 446].

Шаги, возвещающие смерть, – это образ, символизирующий собой палачество, приближение чего-то страшного и безысходного.

Что касается этого стихотворения, хотелось бы отметить следующий факт из жизни Н. Закс. Однажды накануне войны в квартиру поэтессы, где она жила с матерью, ворвались несколько нацистов, и на глазах у двух напуганных женщин начался наглый грабеж. После этого случая Н. Закс потеряла дар речи, и ей понадобилось 5 дней, чтобы снова начать разговаривать. Много позже в своем произведении «Жизнь под угрозой»

(«Leben unter Bedrohung», 1956) она так объяснила этот случай: «Пришли шаги. Громкие шаги... Шаги натолкнулись на дверь. «Сейчас, – сказали они, – время принадлежит нам»... Мой голос бежал к рыбам. Спасся бегством, не заботясь об остальных частях тела, которые обратились в соль ужаса» [2, с. 104].

В то время как безвинный человек превращается в соляной столп от ужаса и испуга, теряет возможность говорить, «громкие шаги», а не человеческий разум, силой заявляют свое право распоряжаться жизнью и смертью.

Шаги –

Древнее действие об убийце и жертве,

О ловце и ловитве,

О гонителе и гонимом [1, с. 446].

На какое «древнее действие» ссылается поэтесса? По мнению С. С. Аверинцева, Н. Закс имеет в виду не что иное, как человеческое жертвоприношение. Ради служения культу какого-то божества в жертву бессмысленно приносились невинные люди в древности. «Шаги»/«Schritte» у Нелли Закс – как предвестник этого обряда, но совершаемого в современности писательницы в угоду человеку-убийце Гитлеру.

К сожалению, невозможно в данной статье рассмотреть многие другие стихотворения Н. Закс, достойных самого пристального внимания и изучения. Пожалуй, можно только кратко перечислить, что, например, образ «жертвы» в поэзии Нелли Закс выражен следующими необычными и сильными метафорами: «крылья бабочки», «горло соловья», «башмаки из телячьей кожи» или «ночные рубашки, рвущиеся вверх над волосами» как образ детской души, покидающей тельце убитого ребенка. «Палач» у Н. Закс – это «шаги», «пальцы», «руки», «созерцающие» или «кукольник», дергающий за ниточки и управляющий жизнью и смертью других людей. Но чтобы понять их, надо знать биографию Н. Закс, надо буквально «въестся» в каждую строчку ее стихотворений, потому что за каждой строчкой, за каждым образом спрятан как собственный жизненный опыт писательницы, так и напряженная работа мысли, пытающейся найти ответы на извечные вопросы о смысле жизни, но, прежде всего, на вопрос Иова: почему страдают невинные?

Литература

1. Аверинцев С. С. Нелли Закс // История литературы ФРГ. М., 1980. С. 439–447.
2. Dinesen R. Nelly Sachs. Eine Biographie. Frankfurt a. M., 1992. 391 S.
3. Sachs N. Gedichte. 8. Aufl. Frankfurt a. M., 1993. 138 S.

АГУЛЬНЫЯ НАЗВЫ РОДНАСЦІ І СВАЯЦТВА Ў БЕЛАРУСКАЙ І ПОЛЬСКАЙ МОВАХ: ПАРАЎНАЛЬНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АСПЕКТ

А. Р. Старадым

Сярод шматлікіх напрамкаў сучаснага мовазнаўства асобае месца займае супастаўленне слоўнікавага складу роднасных славянскіх моў. Вывучэнне беларуска-польскіх моўных сувязей мае даўнюю і багатую гісторыю. У выніку кантакту і агульнага паходжання абедзвюх моў склаўся даволі вялікі пласт слоў, якія маюць шмат агульнага – як у польскай, так і ў беларускай мовах. Адна з тэматычных груп гэтага пласта – тэрміналогія роднасці і сваяцтва.

Прадметам нашага даследавання было абрана лексікаграфічнае адлюстраванне тэрміналогіі роднасці і сваяцтва ў Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы [1] (у далейшым выкарыстоўваецца абрэвіатура ТСБЛМ) і *Innym słowniku języka polskiego* [2] (у далейшым выкарыстоўваецца абрэвіатура *Inny słownik*).

Мэта работы – прааналізаваць спецыфічныя для кожнай мовы (беларускай і польскай) магчымасці адлюстравання адных і тых жа фактаў рэчаіснасці – адносінаў роднасці і сваяцтва; вызначыць семантычныя асаблівасці тэрмінаў роднасці і сваяцтва ў беларускай і польскай мовах; параўнаць паміж сабой агульныя тэрміны роднасці і сваяцтва з аднолькавым значэннем; выявіць амалексічныя, гетэралексічныя, паралексічныя пары, міжмоўныя амонімы, лексічныя лакуны ў мовах.

Агульныя тэрміны роднасці і сваяцтва ў польскай і беларускай мовах у сваёй большасці ўтвораны ад каранёвых марфем *-rod-(-pad-)/-rod*. У беларускай мове такіх тэрмінаў, па дадзеных ТСБЛМ, 22; у польскай, па дадзеных *Innego słownika*, – 16. Абедзве мовы, несумненна, маюць лексемы *rod/ród*, якія з’явіліся асновай для ўтварэння іншых лексем. Лексемы *rod/ród* складаюць т. зв. амалексічную пару, у якую ўваходзяць словы, што маюць падобны гукавы склад і аднолькавае значэнне. Прывядзем яшчэ прыклады амалексічных пар, элементы якіх утварыліся ад каранёвай марфемы *-rod-/-rod-*: *подавы – rodowy, родны – rodzony, продак – przodek, радавіты – rodowity, радаслоўе – rodowód, радзіна – rodzina*. Пры параўнальна-супастаўляльным беларуска-польскім аналізе, безумоўна, не прымаліся пад увагу і не ўлічваліся ўсе рэгулярныя фанетычныя адпаведнасці (польскае *o* не пад націскам – беларускае *a*, польскія насавыя галосныя *a, e* – беларускае *у*, польскае *c* – беларускае *ч*, непаўнагалоссе ў польскай мове – паўнагалоссе ў беларускай мове і шэраг іншых адпаведнасцей у пэўных умовах).

Значная частка тэрміналогіі роднасці і сваяцтва, утвораных ад каранёвых марфем *-rod-/-rod-*, абедзвюх моў можа быць умоўна аднесена да гетэралекс, г. зн. слоў, якія адрозніваюцца сваім гукавым складам, але маюць аднолькавае значэнне. Так, беларуская лексема *роднасць* са значэннем ‘адносіны паміж людзьмі, якія маюць агульных продкаў’ не мае аднакаранёвага адпаведніка ў польскай мове, а мае гетэралексічную пару – *pokrewieństwo*, значэнне якой цалкам ідэнтычна беларускай лексеме. Да гетэралекс дадзенай лексіка-семантычнай групы адносяцца, акрамя вышэй названай, наступныя пары лексем: *роднасны* – *pokrewny*, *родзіч* – *krewniak*, *радня* – *krewniacy*, *радніцца* – *spokrewniać się*.

У вышэй пералічаных гетэралексічных парах беларуская лексема была ўтворана пры дапамозе каранёвай марфемы *-rod-*, а яе пара – пры дапамозе іншай каранёвай марфемы. Такая ж з’ява назіраецца і з боку польскай мовы, калі польская лексема ўтворана пры дапамозе караня *-rod-*, а беларуская – пры дапамозе іншых каранёў: *rodzice* – *бацькі*, *rodziciel* – *бацька*, *rodzicielka* – *маці*, *rodak* – *зямляк*, *rodzinny* – *сямейны*, *rodzimy* – *бацькоўскі*.

Такім чынам, гетэралексічныя пары, адной з частак якіх з’яўляецца беларуская ці польская лексема, утвораная ад каранёвай марфемы *-rod-/-rod-*, з’яўляюцца той асновай, што вызначае спецыфіку кожнай з моў – гэта ўласна беларускія і ўласна польскія словы.

Пры тыпалагічным супастаўленні лексічных сістэм роднасці і сваяцтва польскай і беларускай моў даволі лёгка вызначаюцца такія пары, дзе польскаму слову ў беларускай мове адпавядае неаднаслоўны выраз: *rodzeństwo* – *браты і сёстры*, *rodzic* – *адзін з бацькоў*. Такія ж лексічныя лакуны назіраюцца і пры адваротным супастаўленні, калі аднаму беларускаму слову з каранем *-rod-* адпавядае ў польскай мове неаднаслоўны выраз: *роданачальнік* – *założyciel rodu*. Такім чынам, параўнаўшы паміж сабой лексемы роднасці і сваяцтва, утвораныя пры дапамозе каранёвай марфемы *-rod-/-rod-* і іх значэнні, мы выявілі 7 амалексічных пар, 11 гетэра-лексічных, 2 безэквівалентныя ў польскай мове, 2 безэквівалентныя ў беларускай мове.

Агульныя тэрміны роднасці і сваяцтва, утвораныя ад каранёвай марфемы *-кроў-(-крэў-)/-krew-* адносяцца да другой лексікасемантычнай групы. Амалексаў у гэтай групе вельмі мала – толькі адна пара – *кроў/krew*. Шырэй прадстаўлены гетэралексічныя пары, пры разглядзе якіх назіралася вельмі цікавая з’ява: лексема *кроўны* са значэннем ‘родны па крыві, які паходзіць ад адных продкаў’ мае сваю гетэралексічную пару з польскай мовы *rodzony*, а беларуская лексема *родзіч* са значэннем ‘сваяк, чалавек, блізкі па паходжанню’ мае сваю гетэралексічную пару *krewniak*. Такім чынам, бачым, што беларуская лексема, утвораная ад

каранёвай марфемы *-кроў-* (*кроўны*), з'яўляецца гетэралексам да польскай лексемы, уворанай ад каранёвай марфемы *-rod-* (*rodzony*), а беларуская лексема, утвораная ад каранёвай марфемы *-rod-* (*rodzić*), з'яўляецца гетэралексам да польскай лексемы, утворанай ад караня *-krew-* (*krewniak*).

Такая ж з'ява назіраецца ў лексемах *радніца – spokrewniać się*. Абодва слова маюць тоеснае лексічнае значэнне, а ўтвораны пры дапамозе такіх марфем, якія, здаецца, маглі б замяшчаць адна адну, раз яны прысутнічаюць у іншых лексемах той і другой мовы. Чаму беларуская лексема ўтварылася менавіта ад караня *-рад-*, а не *-крэў-* і гучыць *радніца*, а не *краўніца* або як-небудзь па-іншаму? Чаму палякі гавораць *spokrewniać się*, а не *zrodnić się*? Таму, відаць, што гэтыя славянскія мовы атрымалі ў спадчыну ад праславянскай мовы лексемы *кроў* і *род* і карысталіся імі парознаму, г. зн. у кожнай з моў утварыліся лексемы аднолькавай сямантыкі ад адной з вышэй названых лексем. Таму мы і маем гетэралексічныя пары *родныя – krewny*, *роднасць – pokrewieństwo*, *радзя – krewniacy*.

Агульныя тэрміны *роднасці* і *сваяцтва*, утвораныя ад старажытнага індаеўрапейскага караня **sue-* не саступаюць ужывальнасцю тэрмінам, утвораным пры дапамозе каранёў *-rod-* (*-рад-*)/*-rod-* і *-кроў-* (*-крэў-*)/*-krew-*. Сярод іх можна знайсці наступныя амалексічныя пары: *сват – swat*, *сватаць – swatać*, *свае – swój*, *сваты – swaty*; гетэралексічныя пары *сваяцтва – powinowactwo (pokrewieństwo)*, *сваяк – krewniak*, *сваячка – krewniczka*, *сваяцкі – powinowaty*. У дадзенай групе тэрмінаў назіраецца т. зв. міжмоўная аманімія, калі словы маюць падобны гукавы склад, але розныя значэнні. Так, лексема *сваяк* у беларускай мове абазначае 'той, хто знаходзіцца ў сваяцтве з кім-небудзь', польская ж лексема *swojak* мае значэнне 'хтосьці, каго ведаем і паважаем як аднаго з нас, напрыклад, чалавек з нашай мясцовасці або прадстаўнік той самай этнічнай групы'. Так, беларускае слова *свойскі* азначае 'не дзікі, выгадаваны чалавекам (пра жывёл); пра чалавека, які спагадліва адносіцца да людзей (разм.)', а польская лексема *swojski* мае значэнне 'характэрны для нашага краю і роду'.

Такім чынам, у гэтай групе лексікі можна вылучыць словы, якія варта адносіць да міжмоўных гетэралекс, амалекс, амонімаў; групы польскіх слоў, якім нальга знайсці аднаслоўных адпаведнікаў у беларускай мове, а таксама групы беларускіх слоў, якім не будуць адпавядаць аднаслоўныя эквіваленты ў польскай мове (т. зв. лексічныя лакуны ў той ці іншай мове).

Прааналізаваўшы лексічныя пары з беларускай і польскай моў, зрабіўшы пэўныя падлікі, прыходзім да высновы, што амалексічных і гетэралексічных беларуска-польскіх пар прыкладна аднолькавая колькасць (25

і 23 адпаведна). На прыкладзе вышэй даследаванай тэрміналогіі можна меркаваць аб роднасці беларускай і польскай моў. Максімальная колькасць амалексаў у параўнанні з іншымі лексічнымі парамі дазваляе гаварыць аб адным паходжанні абедзвюх моў. На падставе гэтага неабходна заўважыць: нават беглы агляд агульнай тэрміналогіі роднасці і сваяцтва пераконвае ў тым, што старажытныя беларуская і польская мовы захавалі ўсе асноўныя тэрміны роднасці і сваяцтва, характэрныя для агульнаславянскага перыяду.

Гэтэралексічныя пары, якія займаюць другое месца па сваёй колькасці, адрозніваюць беларускую і польскую мовы, надаюць кожнай з моў уласную прыгажосць і ўласны нацыянальны каларыт, робяць кожную мову непаўторнай і арыгінальнай. Такую ж функцыю выконваюць і лексічныя лакуны кожнай з моў.

Аднак, разгледзеўшы спецыфіку агульнай сістэмы роднасці ў беларускай і польскай літаратурных мовах, нельга не заўважыць, што арыгінальнасць і нацыянальны каларыт тэрміналогіі кожнай з моў не саступае генеалагічнай роднасці моў і суседству, што, як вядома, адбілася на спецыфіцы тэрмінаў. Таму асаблівасці сістэмы роднасці ў кожнай славянскай мове нельга разглядаць асобна ад іншых, роднасных ёй славянскіх моў; толькі пры параўнанні адпаведнай тэрміналогіі ў некалькіх славянскіх мовах і можа вызначыцца спецыфіка той ці іншай мовы.

Літаратура

1. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мн., 1996.
2. Inny słownik języka polskiego. – Wydawnictwo naukowe PWN. Warszawa, 2000.

ПРАБЛЕМА ЗБЫТКОЎНАСЦІ СЕРБСКІХ ПАРАДЫГМ

М. В. Супрунчук

Назоўнікі, безумоўна, асаблівыя словы: і часцінамоўнае значэнне ў іх самае неакрэсленае (М. В. Паноў) ды ўсеабдымнае, і ў сказе яны самыя поліфункцыянальныя, і ў тэксце самыя частыя, і ў слоўніку іх больш за ўсіх. Аднак справа не толькі ў назоўніку, але і ў спецыфіцы пэўнай мовы. Даследаванні Б. Унбегаўна, пражцаў, Д. Брозавіча, М. І. Талстога [2] паказалі, што славянскія мовы падзяляюцца на тры групы паводле сваёй стандартнасці, унармаванасці. І беларуская з сербскахарвацкай належаць якраз да адной – да слабанармаваных.

Варыянтнасць сербскахарвацкай мовы даследуецца вельмі актыўна. У асноўным вывучаюцца адрозненні паміж бялградскім і заграбскім стандартам. Хоць поўнай яснасці яшчэ няма, вядома ўжо шмат. (Гл., напр.,

дыферэнцыяльны слоўнік [5] і інш.; сціслы і змястоўны агляд змешчаны ў артыкуле [1], тамсама прыведзена багатая літаратура пра рэгіянальныя варыянты ў Сербіі, Чарнагорыі, Харватыі ды Босніі.) Ваганні ж унутры аднаго стандарту даследуюцца значна менш. І гэта зразумела: сербскі і харвацкі стандарт штучна разводзяць па палітычных прычынах, робячы выгляд непрабівальнага муру паміж гэтымі ідыялектамі, ствараючы ўяўленне іх далёкасці і непадобнасці. А значыць, патрэбна акцэнтаваць іх унутраную, адасобленую еднасць, адзінства, не дапускаючы ніякіх унутраных варыянтаў. Бо варыянты гэтыя – агульныя, насамрэч, для сербаў і харватаў. Увогуле, усе паўднёваславянскія мовы – гэта адзін кантынуум без рэзкіх меж і пераходаў ад Славеніі да Балгарыі і з адрозненнямі толькі ў крайніх пунктах, а не ў суседніх. Праблема аманіміі і збытکوўнасці парадыгм увага амаль не надаецца

Мэта нашага артыкула – разгледзець некаторыя праблемы варыянтнасці і збытکوўнасці сербскіх назоўнікаў.

1-е скланенне.

Клічная форма адз. л.: канкурэнцыя форм на *-e*, на *-y* і тоесных намінатыву: *писар* 'пісар' – *писаре!/писару!*, *лекар* 'урач' – *лекаре!/лекару!*, *Милош* – *Милош!/Милоше!/Милошу!*. Навукоўцы адзначаюць у гэтай форме найбольшыя ваганні з ўсёй назоўнікавай парадыгмы ўвогуле [4, с. 98].

Т. скл. адз. л.: ужыванне канчаткаў *-ом/-ем* канчаткова не кадыфікавана: *писар* 'пісар' – *писаром/писарем*, *падеж* 'склон' – *падежом/падежем*, *стриц* 'бацькаў брат, дзядзька' – *стрицом/стрицем*, *Копитар* – *Копитаром/Копитарем*. У старасербскай мове канчатак *-ем* ужываўся пасля мяккіх, да якіх адносіліся *р, ж, ш, ч, ц*. Зараз яны цвёрдыя, але канчатак нярэдка захоўваецца традыцыйны. Аднак экспансія канчатка *-ом* становіцца ўсё большай і ён, відаць, паступова замацуецца як адзіны.

Усе склоны мн. ліку: факультатыўны пашыральнік асновы *-ов- / -ев-*. Складанасць тут падвоеная: выбраць варыянт з пашыральнікам ці без, а калі з ім, то з якім іменна: *вук* 'воўк' – *вуци/вукови*, *брк* 'вус' – *брци/бркови*, *голуб* 'голуб' – *голуби/голубови*, *знак* 'знак' – *знаци/знакови*; *мраз* 'мароз' – *мрази/мразови/мразеви*. Пры гэтым ёсць некалькі выпадкаў, дзе пашырэнне асновы паказвае на семантыку: *сат* 'гадзіна; гадзіннік' – *сати* 'гадзіны' /*сатови* 'гадзіннікі'.

Р. скл. мн. лік: дамінаванне канчатка *-а* пры абмежаваных *-и, -ију*: *сат* – *сата/сати/сатова*, *хват* 'сажань' – *хвати/хватова*, *месец* 'ме-сяц' – *месеци/месеца*, *гост* 'госць' – *гости/гостију*, *прст* 'палец' – *прсти/прстију*.

2-е скланенне.

Д.-М. скл. адз. л.: факультатыўнае чаргаванне заднепаднябенных *г, к*,

x // з, ц, с: нога 'нага' – нози, рука 'рука' – руци, кћерка 'дачка' – кћерки/кћерци, слуга 'слуга' – слуги/слузи, мачка 'кошка' – мачки, бака 'бабуля' – баки.

Клічная форма адз. л.: магчыма ўжыванне спецыяльных форм на *-о*, на *-е* і захаванне форм назоўнага склону: *тата 'тата' – тата!/тата!*, *майка 'маці' – майка!/майко!*, *Перица – Перица!/Перице!*, *Радојица – Радојица!/Радојице!*, *пијаница 'п'яница' – пијанице!/пијаницо!*, *кукавица 'баязліўца' – кукавице!/кукавица!*

Р. скл. мн. л.: канкурэнцыя канчаткаў *-и/-а/-у*, якую часам дадаткова ўскладняе ўстаўное *-а-*: *бројка 'лічба' – бројки/бројака/бројка, палачинка 'аладка' – палачинки/палачинака, псовка 'лаянкавае слова, выраз' – псовка/псовки, рука 'рука' – рука/руку, слуга 'слуга' – слуга/слугу і інш.*

3-е скланенне.

Т. скл. адз. лік: канкурэнцыя канчаткаў *-и/-ју*: *крв 'кроў' – крви/крвљу, помоћ 'дапамога' – помоћи/помоћу, реч 'слова' – речи/речју.*

Звернемся да колькаснага боку праблемы (гл. таксама [3]). Парадыгма назоўніка ў беларускай мове традыцыйная будзеца на трох апазіцыях: па ліку (два лікі), склону (шэсць склонаў) і адушаўлёнасці/неадушаўлёнасці. Значыць, усяго ў тыповага – на зычную літару – назоўніка мужчынскага роду патэнцыяльна магчыма $6 \times 2 = 12$ форм, як у прыкладзе ніжэй.

Н. <i>лыжнік</i>	В. <i>лыжніка</i>	Н. <i>лыжнікі</i>	В. <i>лыжнікаў</i>
Р. <i>лыжніка</i>	Т. <i>лыжнікам</i>	Р. <i>лыжнікаў</i>	Т. <i>лыжнікамі</i>
Д. <i>лыжніку</i>	М. <i>лыжніку</i>	Д. <i>лыжнікам</i>	М. <i>лыжніках</i>

Як бачым, не кожная з дванаццаці грамам мае ўласны план выражэння: аманімічныя формы роднага і вінавальнага склону адзіночнага ліку, давальнага і меснага склону адзіночнага ліку, роднага і вінавальнага склону множнага ліку, творнага склону адзіночнага ліку і давальнага склону множнага ліку. Розных форм тут дзесяць. Безумоўна, ёсць назоўнікі тыпу *маці*, дзе ўсю такую таблічку можна запоўніць адной формай.

Такая ж сітуацыя і ў сербскай мове, і ва ўсіх іншых славянскіх мовах: няма ніводнага назоўніка, у парадыгме якога кожнаму склону адпавядала б асобная, аманімія ёсць абавязкова. Праілюструем гэта прыкладам *врабац 'верабей'*.

Н. <i>врабац</i>	В. <i>враца</i>	Н. <i>врати</i>	В. <i>вратице</i>
Р. <i>вратица</i>	Т. <i>вратицем</i>	Р. <i>вратица</i>	Т. <i>вратицима</i>
Д. <i>вратицу</i>	М. <i>вратицу</i>	Д. <i>вратицима</i>	М. <i>вратицима</i>
Клічная форма <i>вратице</i>		Клічная форма <i>вратици</i>	

Рэальная парадыгма тыповага сербскага назоўніка мужчынскага роду (г. зн. на зычны) налічвае нябольш за дзевяць розных форм з магчымых

чатырнаццаці. Як мы бачылі, варыянтнасць назіраецца ў шасці выпадках (два ў адзіночным ліку і чатыры ў множным). У жаночым родзе патэнцыяльная парадыгма таксама складаецца з чатырнаццаці форм, але розных максімальна налічваецца восем (у назоўнікаў на *-a*). Варыятыўнымі аказваюцца тры. З чатырнаццаці патэнцыяльных форм ніякага роду неаманімічныя пяць. Варыянтнасць у іх перыферыйная, індывідуальная, таму можна лічыць, што цяжкіх выпадкаў, у адрозненні ад мужчынскага ці жаночага роду, няма. Такім чынам, з сарака дзвюх віртуальных форм для ўсіх трох родаў існуе дваццаць дзве. Пры гэтым варыянтнасць назіраецца ў дзевяці з іх (каля 40%).

Паза межамі агляду засталіся тыя факты, адносна якіх адзінства няма: ці лічыць іх рэгіянальнымі, ці нелітаратурнымі, ці выпадковымі, ці няма-савымі. Прыведзеныя назіранні закранаюць толькі бяспрэчныя, прызнаныя ўсімі даследчыкамі «пункты напружання» сербскага скланення. І нават гэтага дастаткова, каб паказаць цяжкасць сербскахарвацкай мовы для вывучэння і кадыфікацыі. Такая стрататасць сведчыць і пра пільную неабходнасць масавага статыстычнага вывучэння сербскахарвацкай мовы. Яно дапаможа выявіць сапраўдныя дамінанты, тэндэнцыі, правесці абгрунтаваную, адпаведную рэальнасці кадыфікацыю. Тым болей што наспела патрэба ў новых слоўніках і ў апісальных граматыках.

Літаратура

1. *Невекловский Г.* Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка // *Славяноведение*. 2001. № 1. С. 39–58.
2. *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 186–194.
3. *Цивьян Т.В.* Имя существительное в балканских языках. М., 1965.
4. *Језички приручник / Ивић П. и др.* Београд, 1991.
5. *Ćirilov J.* Srpsko-hrvatski rečnik varijanti. = Hrvatsko-srpski rječnik inačica. Beograd, 1989.

РИМЕЙК Г. ГОРИНА «КОРОЛЕВСКИЕ ИГРЫ»

Е. Г. Таразевич

Пьеса Г. Горина «Королевские игры» вызвала интерес не только у театралов, но и у литературоведов. Необычность ее в том, что автор по-новому интерпретирует известный сюжет о короле Англии Генрихе VIII и его жене Анне Болейн, трансформируя трагедию М. Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» в трагикомедию и основательно переделывая ее как на уровне содержания, так и на уровне формы.

Замысел пьесы возник неслучайно. В 1997 году М. Захаров задумал на основе пьесы М. Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» спектакль в

жанре «оперы для драматического театра», однако стихотворная форма не вполне устраивала режиссера. Театр обратился к Г. Горину с просьбой сделать новую редакцию пьесы.

В результате кропотливой работы появился римейк Г. Горина «Королевские игры» (1997), который идет с огромным успехом в театре «Ленком». По свидетельству автора это абсолютно новое произведение: «...поскольку от первых репетиций американской пьесы в ней остался лишь список персонажей. Мне всегда казалось, что сегодня человек страдает не только от отсутствия экологически чистого воздуха и продуктов. Дефицит сильных чувств и страстей не менее губителен для человеческой природы. Рассудочность и унылость бытия, в которую все больше погружается человечество, мне кажется, способны повернуть эволюцию в обратную сторону и превратить нас всех в хладнокровных рептилий. Так стала сочиняться моя пьеса» [1, с. 18].

Что же свидетельствует о том, что перед нами римейк? Г. Горин практически сохраняет соотношение главных и второстепенных персонажей, за исключением последних четырех, так как они не нужны для сюжетной структуры.

М. Андерсон «изобразил сложное переплетение человеческих страстей, политических расчетов и экономических интересов, сумел вдохнуть в свое произведение дух подлинной трагедии» [2, с. 30], показывая дворцовую жизнь эпохи короля Генриха VIII.

Г. Горин, в свою очередь, превращает средневековую трагедию в трагикомедию, экстраполируя ее на современность. Формально сохраняя андерсоновский конфликт (столкновение двух непримиримых характеров Анны и Генриха VIII), он переносит его в другую плоскость.

Анна и Генрих по-прежнему противостоят друг другу, но это уже жестокая и бескомпромиссная борьба за престол со стороны Анны: «Но нет во мне ни благодарности, ни страха! Когда бы он на мне женился и сделал королевой, тогда – пожалуйста! Рожу ему мальчишек! Но только так! На меньшее не соглашусь!» [1, с. 26]. В трагедии М. Андерсона Анна представлена смелой и сильной женщиной. Она наделена редкостным и прекрасным качеством – человечностью. Но перед лицом искушений, которым подвергает ее почти неограниченная власть, человечность Анны не выдерживает испытания. Она становится причиной смерти лучших людей страны, не пожелавших поступиться ради спасения собственной жизни своими принципами. Трагический конец Анны глубоко мотивирован. Не только злая воля Генриха (исторический Генрих VIII обвенчался с Джейн Сеймур на следующий день после казни Анны), но и собственные ее достоинства – женская гордость, любовь к дочери и забота о ее благе – неумолимо толкают Анну к гибели.

У Г. Горина королева Анна расчетлива и жестока, ее ничто не может остановить. Она понимает, что Генрих в ее власти, и умело пользуется этим. Анна Болейн добилась своей цели и стала королевой, но этого мало для укрепления ее прав. Она мечтает, чтобы после смерти Генриха правила их дочь Елизавета. Именно здесь Анна совершает просчет, так как на это не смог пойти даже сам король. В данной ситуации он просто бессилен: «Ах, Анна! Вот плоды твоей игры по переделке века в просвещенный. Философы в тюрьме, поэты лезут в петлю... Народ вопит! Парламент протестует! И сам король, как укрощенный зверь, по клетке мечется!» [1, с. 42].

Если у М. Андерсона в финале пьесы Анна осознает свою вину перед несправедливо казненными и готова искупить ее своей собственной смертью, что свойственно трагедии, то у Г. Горина она сражается до конца. Даже перед смертью, видя умопомрачения Генриха, его беспомощность, Анна манипулирует его чувствами и просит лишь об одном: «Ты мертвую меня любить еще сильнее станешь! И значит, наша дочь взойдет на трон! Елизавета станет Первой!!!» [1, с. 50].

Трансформацию претерпевает образ Генриха VIII. М. Андерсон показал короля образованным и щедро одаренным человеком, автором антилютеранского богословского трактата, за который папа Лев X присвоил ему титул «защитника веры». С одной стороны, он поэт (Андерсон использует в пьесе его подлинные стихи в первом действии), художник, умелый дипломат, крупный государственный деятель, а с другой – искалеченный грубыми чувственными удовольствиями, корыстолюбец. Он проливает кровь своих близких друзей, тысяч невинных жертв, казнит великого автора «Утопии» Томаса Мора, и предстает к концу пьесы окаменевшим душой человеком, тираном, которому Анна справедливо бросает в лицо слова: «Ведь ты не мудр, не праведен, не добр» [2, с. 118]. Генрих неприимим ни в чем, бескомпромиссен и очень опасен даже по отношению к самой Анне: «Ты думала добиться своего. Я думал, нет, я все-таки хитрее, и все пойдет, как я того хочу» [2, с. 186]. Бескомпромиссность привела Генриха и Анну к трагедии.

У Г. Горина король Генрих VIII трагикомичен. В пьесе он предстает как шут и весельчак, человек, не соблюдающий никаких атрибутов: «Без церемоний, Томас! Всего лишь – ваш король! Ваш – Генри» [1, с. 22]. В трагедии М. Андерсона король пишет стихи всерьез, а у Г. Горина он просто советует поэту Уайету поменять ту или иную «строчку», не придавая на самом деле никакого значения искусству: «Хорошие стихи... Там строчку переделать – будет чудо! Я подскажу где...» [1, с. 30].

Но за этой мнимой простотой скрывается опасный и коварный человек. Недаром Анна видит в нем убийцу: «Когда я вам гляжу в глаза, мне

почему-то видится убийца» [1, с. 25]. Однако под влиянием любви он меняется на глазах. Из легкомысленного ловеласа Генрих превращается во влюбленного без памяти человека. Он готов разорвать отношения с Ватиканом, не боится никаких восстаний. Генрих выполняет свое обещание – Анна становится королевой Англии: «Послушай, Энн, я четко выполнял все прихоти твои. Сказала – буду королевой? Стала! Сказала – церковь поменял! Сменил! Сменил друзей, привычки и костюм. Хожу вот, как петух во всем французском!» [1, с. 40]. Король казнит всех, кто не признает королевой Анну. Тем не менее, Генрих подписывает смертный приговор своей возлюбленной. Подписывает от бессилия перед ней: «Нет! Не могу! Проклятое создание: сперва сгубила душу мне, теперь и плоть! Пора решать!» [1, с. 43]. Любовь обернулась для него трагедией. Не случайно Анна говорит: «В безумном государстве, король имеет право быть безумным» [1, с. 50]. Хотя причиной его безумства является она сама.

В трагедии М. Андерсона оставлен открытым вопрос о причинах и следствиях: то ли это любовь и ненависть Генриха и Анны приводят к отпадению Англии от католицизма, реформации церкви и секуляризации монастырских имуществ, или, наоборот, потребность страны в ломке старых порядков и обновлении проявляет себя в столкновении их волей, то у Г. Горина венценосные страсти оказались губительными для многих ни в чем не повинных людей, абсолютная власть, которой обладали Генрих и Анна, развратила абсолютно.

Новую трактовку претерпевают и другие персонажи пьесы, например, лорд Норфолк. В трагедии М. Андерсона его судьба не лишена драматизма, однако у Г. Горина он трагикомичен. Норфолк готовится к надвигающимся переменам, планирует дальнейшую свою карьерную деятельность, не соблюдает никаких правил приличия. Именно дядя в последствии будет вести дело своей племянницы, станет участником не судебного дела, а дешевого фарса. И тогда раскрепощенность и вульгарность Норфолка сменится на угоднический тон, дабы выйти из сложившейся ситуации невредимым. Он не старался изменить ход судебного дела, а просто приспособился, дабы спасти свою жизнь.

Трансформирован Г. Гориним и Кромвель, человек без принципов и совести: «Я начисто лишен ее, милорд» [1, с. 32]. Он, как отличный психолог, рассчитал всю сложившуюся ситуацию. Кромвель далеко не бездарен, а мастер интриги. Именно он сделал Анну королевой, а потом в нужное время уничтожил. В пьесе Кромвель не говорит как у Андерсона, а действует с феноменальной жестокостью. Он предан лишь тому, кто в настоящий момент у руля власти. В образе Кромвеля драматург показал

тот тип людей, которые действуют, руководствуясь собственной выгодой.

Кроме главных действующих лиц, Г. Горин придал особый акцент образам Томаса Мора, епископа Фишера, Норриса и др. У М. Андерсона они показаны только как исторические личности, а у Г. Горина эти люди бросили вызов бесправию, вседозволенности и несправедливости. Они, (за исключением Смитона), остались до конца верны своим жизненным принципам, отказавшись принять новую королеву Англии и соответственно ее дочь: «Не признавая королевой Анну, – говорит Фишер, – я, к сожалению, не могу и дочь ее признать принцессой» [1, с. 41]. Тысячи людей томятся в тюрьмах лишь за то, что разделяют взгляды епископа Фишера и Томаса Мора.

Таким образом, Г. Горин модифицирует трагедию Максвелла Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» на уровне жанра (пишет трагикомедию), конфликта (жестокая борьба за престол со стороны Анны), однако драматург сюжет не изменяет, а только дает свою идейно-художественную трактовку.

Трагикомедия Г. Горина «Королевские игры» экстраполирует на современность, так как изображенная автором действительность страшна: в ней нет места порядочности, любви, благородству, служению идеалам добра.

Литература

1. Горин Г. Королевские игры // Современная драматургия. 1997. №4. С. 18–49.
2. Андерсон М. Тысяча дней Анны Болейн. М., 1988.

БЕЛАРУСКІЯ ПЕРАКЛАДЫ ЕВАНГЕЛЛЯ ПАВОДЛЕ МАЦВЕЯ: ТЫПЫ МОЎНЫХ АДРОЗНЕННЯЎ, ІХ КАНФЕСІЙНЫ І НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ СЭНС

В. У. Фурс

Пераклад Святога Пісьма на нацыянальную мову знакавы для кожнага народа, бо сімвалізуе яго духоўнае адраджэнне, і істотны для мовы, бо можа дадаць аргументы на карысць існавання яе ў ролі «асноўнага канала камунікацыі ў грамадстве» [3, с. 270]. На Беларусі на працягу ўсяго XX стагоддзя няспынна вялася праца па перастварэнні тэкстаў Бібліі, выбары найбольш адпаведных моўных сродкаў.

1. ХРАНАЛОГІЯ І ГЕАГРАФІЯ БІБЛЕЙСКІХ ПЕРАКЛАДАЎ

Першымі пераклалі Новы Запавет на сучасную беларускую мову вядомы дзеяч беларускага Адраджэння Антон Луцкевіч і святар-

пратэстант Лука Дзекуць-Малей. Пераклад быў выдадзены ў 1931 г. ў Хельсінкі, затым перавыдаваўся Брытанскім і замежным біблейным таварыствам (Лондан, 1948), «Біблейскім грамадствам» (Таронта, 1991). У 1939 г. у Вільні выйшла з друку Чатырох'евангелле у перакладзе ксяндза магістра Вінцэнта Гадлеўскага. Наступным быў пераклад філолага Янкі Станкевіча і знаўцы грэчаскай мовы Масаея Гітліна. Новы Запавет быў выдадзены ў 1959 г., а Біблія цалкам (у Станкевіча – Бібля) у 1973 г. у Нью-Ёрку. Айцец Мікалай (Мацукевіч), першаіерарх Беларускай аўтакефальнай праваслаўнай царквы, пераклаў «Напрастоўнае сьвятога Евангелья» (Таронта, 1988).

На пачатку 90-х гг. з'явіўся шэраг новых перакладаў Святога Пісьма. Евангеллі ў перакладзе Анатоля Клышкі друкаваліся ў 1989–1990 гг. у часопісе «Спадчына» (Мінск). «Евангелле паводле Матфея» ў складзе грэка-славяна-рускі-беларускай тэтраглоты было перастворана Беларускай Біблейнай камісіяй (Экзархат) на чале з Патрыяршым Экзархам усяе Беларусі Філарэтам (Мінск, 1991). Васіль Сёмуха пераклаў Новы Запавет (Мінск, 1995) і Біблію цалкам (Мінск, 2002). «Евангелья паводле Мацьвея й Марка» было выдадзена ў штаце Мічыган, ЗША, у 1998 г., у перакладзе Міхася Міцкевіча, брата Якуба Коласа. Ксёндз Уладзіслаў Чарняўскі пераклаў на беларускую мову Новы Запавет (Мінск, 1999; 2003).

2. МЭТЫ ДАСЛЕДАВАННЯ І МОЎНЫ МАТЭРЫЯЛ

Мэтамі даследавання было выяўленне тыпаў моўных адрозненняў у тэкстах беларускіх перакладах Святога Пісьма і фактараў, якія палягаюць у аснове вар'іраванняў.

Было разгледжана 15 вядомых і часта цытуемых вершаў з Евангелля паводле Мацьвея. Аналіз праводзіўся на ўсіх моўных узроўнях: фанетычным, лексічным, словаўтваральным, марфалагічным і сінтаксічным. У якасці перакладчыцкага зыходнага пункту выкарыстоўваўся царкоўнаславянскі тэкст, у некаторых спрэчных выпадках – тэкст на старагрэчаскай мове.

3. ТЫПЫ МОЎНЫХ АДРОЗНЕННЯЎ

Самыя істотныя тыпы моўных адрозненняў праілюстраваныя на прыкладзе перакладаў верша паводле Мацьвея 7.6.

3.1. Лексічныя неадпаведнасці

Найбольшая колькасць моўных адрозненняў адзначаецца ў галіне лексікі, і гэта пераважна звужэнне ці пашырэнне семантыкі перак-

ладаемых слоў, ужыванне русізмаў і дыялектызмаў, пропуск альбо дадаванне слова, якога няма ў арыгінале і іншых беларускіх перакладах.

Так, зварот да дыялектных формаў назоўніка *свіньмі* адбываецца ў двух перакладах – Станкевіча і а. Мікалая (Мацукевіча). У перакладзе Клышкі абраная іншая форма, але таксама запазычаная з дыялектаў – *свіннямы*. Канчатак *-мы* ў тв. скл. захоўваецца ў асобных сярэдне-беларускіх гаворках [1, с. 83].

У перакладзе Гадлеўскага дадаецца слова *часам*, якое не фігуруе больш ні ў адным з перакладаў. У перастварэнні ж Міцкевіча, наадварот, прапушчана лексема – прыналежны займеннік, які дапасуецца да назоўніка *нагамі*.

3.2. Уплыў царкоўнаславянскага тэксту

Вызначальная для беларускіх перакладаў рыса, якая фіксуецца на ўзроўні лексікі – уплыў на пераклады царкоўнаславянскага тэкста, абумоўлены канфесійнай прыналежнасцю перакладчыкаў.

Гэта заўважаецца ў перакладзе Міцкевіча, дзе прысутнічае слова *исом* (адпаведнік *псѡмъ*). Гэта дыялектны варыянт з канчаткам *-ом*, уласцівым для паўднёва-заходняга дыялекту і некаторых сярэдне-беларускіх гаворак [1, с. 82]. Такі выбар невыпадковы, паколькі Міхась Міцкевіч перакладаў з царкоўнаславянскай мовы.

3.3. Змена часцінамоўнай прыналежнасці перакладаемага слова

У абсалютнай большасці перакладаў заўважаюцца выпадкі змены часцінамоўнай прыналежнасці ці граматычнай катэгорыі перакладаемага слова, але яны нязначныя паводле колькасці.

Так, назіраюцца розныя шляхі перадачы слова, адпаведнага царкоўнаславянскаму ста#: апісальна (*тое, што святое*) – Гадлеўскі; праз назоўнік (*святасці*) – Станкевіч; праз прыметнік (*с(ь)вятога*) – астатнія перакладчыкі (іх большасць). Менавіта да гэтай часціны мовы належыць і слова *св#гъ*, калі мае дачыненне да прадмета, з'явы [4, с. 598], таму апошняе перастварэнне можа лічыцца найбольш адэкватным.

3.4. Пераклад дзеясловаў

Самыя вялікія разыходжанні выкліканыя перакладам дзеясловаў, што тлумачыцца іх большым, у параўнанні з іншымі часцінамі мовы, семантычным аб'ёмам і размытасцю межаў значэння.

У разглядаемым вершы цікава звярнуцца да перакладаў дзеяслова, адпаведнага царкоўнаславянскаму расторгнуть. Сёмуха выкарыстоўвае ў сваім перакладзе слова *разадралі*, якое прыводзіцца ў слоўніку з паметай

разм [5, с. 535].

Адпаведнік жа ў грэчаскай мове мае наступныя значэнні: 1) рвать, разрываць; 2) нападать, набрасывацца (о животных) [2, с. 186].

Прыведзенае ў дадзенай крыніцы ўдакладненне, што у дачыненні да жывёл слова *ρηζω* ужываецца менавіта ў другім значэнні, супярэчыць перакладчыцкай практыцы, паколькі ў тэксце на царкоўна-славянскай мове і ва ўсіх перакладах на сучасную беларускую мову выкарыстоўваецца менавіта першае значэнне гэтага слова.

3.5. Сінтаксічныя асаблівасці

На сінтаксічным узроўні часта назіраецца інверсія. У дадзеным вершы яе можна праілюстраваць перакладамі Клышкі – *патапталі яны*; Чарняўскага – *сабакам святога*.

Як устойлівую тэндэнцыю можна таксама адзначыць замену дзеепрыметнікаў на *-уч/-юч* даданымі сказамі, што сведчыць як пра трываласць дадзенай традыцыі ў беларускай мове, так і пра добрае веданне перакладчыкамі т. зв. «духу мовы».

4. ФАКТАРЫ ВАР'ІРАВАННЯ Ў ПЕРАКЛАДАХ

Моўныя змены і вар'іраванні у перакладах абумоўлены ўзаемадзеяннем цэлага шэрагу фактараў.

Гэта фактары аб'ектыўныя: час стварэння і, асабліва калі гэта пачатак мінулага стагоддзя, неўнармаванасць беларускай літаратурнай мовы – пераклады А. Луцкевіча і Л. Дзекуць-Малея, В. Гадлеўскага; недастатковая распрацаванасць «біблейна-літургічнай разнавіднасці высокага стылю» [6, с. 248] у беларускай літаратурнай мове, якая падштурхнула перакладчыкаў да выкарыстання дыялектызмаў (пераклады А. Луцкевіча і Л. Дзекуць-Малея, Я. Станкевіча), запазычанняў (пераклады а. Мікалая (Мацукевіча), М. Міцкевіча), словатворчасці (пераклады А. Клышкі, Я. Станкевіча).

На адрозненні ў перакладах паўплываў і выбар перакладчыкам варыянту беларускай мовы: наркамаўкі ці тарашкевіцы, якая дапускае большую магчымасць разыходжанняў (пераклады А. Луцкевіча і Л. Дзекуць-Малея, Я. Станкевіча, а. Мікалая (Мацукевіча), В. Сёмухі, М. Міцкевіча).

Істотнымі аказаліся і суб'ектыўныя, індывідуальныя фактары: канвенцыянальнасць, умоўнасць у падыходзе да моўнага знака, і адсюль магчымасць творчай свабоды перакладчыка – у большасці перакладаў; неканвенцыянальнасць – толькі ў перакладзе Экзархату; канфесійная прыналежнасць перакладчыка і таму розныя першакрыніцы – грэчаскі

(пераклады А. Луцкевіча і Л. Дзекуць-Малея, Я. Станкевіча, А. Клышкі, Эжзархату), лацінскі (пераклады В. Гадлеўскага, У. Чарняўскага) ці царкоўнаславянскі (пераклады В. Сёмухі, М. Міцкевіча) тэкст.

Літаратура

1. *Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларуская дыялекталогія: вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВНУ. 2-е выд., дапрацаван. і дапоўн. Мн.: Выш. школа, 1980. 304 с., карты.
2. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. / Рус. перевод и редактирование В. Н. Кузнецовой при участии Е. Б. Смагиной и И. С. Козырева. М.: Российское Библейское Общество, 1997. 240 с.
3. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство ФАИР, 1998. 352 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечёрки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65000 слоў / Пад рэд. М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. Мн.: БелЭн, 1996. 784 с.
6. *Яскевич А. С.* Библия и национальный язык / Нёман, 1999. № 10. С. 209–250.

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА «ОХОТА НА СНАРКА»

М. В. Ходинская

В сложном искусстве перевода есть область, которая вызывает наибольшую трудность для переводчика: это «непереводимое» – авторские неологизмы, имена собственные, каламбуры, слова-реалии, фразеологизмы, звукоподражания, отклонения от литературной нормы.

Проблема перевода «непереводимого» исследовалась в трудах Ш. Балли, В. В. Виноградова, В. С. Виноградова, А. А. Реформатского, Б. А. Ларина, Н. М. Шанского, М. Н. Соболева, В. Н. Комиссарова, В. Д. Уварова и других замечательных русских переводчиков, писателей, критиков, языковедов. Знание теории перевода необходимо, однако, на наш взгляд, на первом плане должна быть практика. Не последнюю роль в приобретении переводческих навыков играет анализ переводов, в частности – нескольких переводов одного текста.

Подобную работу мы и проделали и предлагаем ее как возможность практического обучения переводу. Наша цель – освоить возможные способы перевода непереводимого на конкретных примерах и уяснить достоинства и недостатки тех или иных приемов.

Новизна данной работы заключается в предмете исследования: проблеме непереводаемого мы рассматриваем на основе поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка», написанной в жанре классического стихотворного нонсенса – одного из самых труднопереводимых жанров. До сих пор нонсенсу как бесполезной чепухе практически не уделялось внимания отечественными авторами. Между тем работа над головоломным содержанием, уникальным стилем, представляющим собой замысловатое переплетение «непереводимостей», не только интересна, но и полезна как замечательное упражнение и молодым, неопытным переводчикам, и профессионалам. Итак, мы проанализируем четыре перевода поэмы – работы Л. Яхнина, Е. Клюева, М. Пухова, и С. Афонькина – сравним их между собой и проследим, какой переводчик лучше преодолел трудности, связанные с «непереводимым».

Мучения переводчиков над именами героев (несколько загадочных сказочных существ и более чем странная команда отчаянных снарколовов) начинаются уже с заглавия. Кто такой Снарк – главный герой поэмы? У англоговорящих читателей слово Снарк (Snark) вызывает представление об акуле (shark), улитке (snail), змее (snake), о ловушке, западне (snare), рычании и ворчании или спутанном клубке (snarl), о корабле и лае (bark). Однако тем, кто не владеет английским языком, это слово ни о чем не говорит, и на наш взгляд, удачное решение было найдено Клюевым, который заменил слово Снарк на Смарк, что может ассоциироваться со словами «мрак», «сумрак», «смрад», «морок». Таким образом, приобретает дополнительное значение и заглавие: в словосочетании «Охота на Смарка» слышится «охота насмарку» – то есть сразу подчеркивается вся бесполезность затеянного мероприятия.

Напомним, что нонсенс – это волшебный, вывернутый наизнанку мир детства, это постоянная игра со словом и со смыслом. Соответственно, наиболее выигрышным будет перевод, в котором сохранены элементы авторской игры. От этого и будем отталкиваться.

Одной из особенностей стиля Кэрролла являются любопытные неологизмы – «слова-бумажники», заключающие в себе два слова и более. В поэме много подобных гибридов (слово «Снарк» – один из них). Рассмотрим такой отрывок:

The Beaver went simply *galumphing* about
At seeing the Butcher so shy [1].

То есть Бобр скакал вокруг, торжествуя из-за того, что Мясник оказался трусом. Афонькин переводит эти строки так:

Бобер галумфировал, тайный порок
Врага наконец обнаружив [2].

Глагол «галумфировать» – калька с английского – небрежность переводчика. Это слово ничего не несет русскоязычному читателю, и лишь самые проницательные сумеют уловить здесь смутные отголоски слов «триумф» и «галоп». Для детей же – а ведь именно им предназначается поэма – это слово останется загадкой, набором звуков.

Ах, как скакатал, брыкоблучивал вспрыг,
Хихикал злорадно Бобер! [5, с. 338]

Интересные гибриды слов придумал Яхнин, однако не слишком ли много всего тут накручено, навёрчено? Ведь можно сказать гораздо проще и эффектнее, так, например, как это сделал Пухов:

А Бобер, прыжествуя, забежал кругом [4].

«Прыжествовать» – замечательный глагол! Пожалуй, именно сочетание слов «прыгать» и «торжествовать» точнее всего передает состояние Бобра – его восторг по поводу позорного поведения Мясника.

Как мы видим, не так уж это и просто – удачно скрещивать слова; очень важно, чтобы придуманный неологизм был звучным, броским, смешным и к тому же легко поддавался расшифровке.

Рассмотрим пример каламбура. Булочник завидел Снарка и подает знаки своей команде:

«There is Thingumbob shouting!» the Bellman said,
He is shouting like mad, only hark!
He is waving his hands, he is wagging his head,
He has certainly found a Snark!
They gazed in delight, while the Butcher exclaimed
«He was always a desperate wag!» [1]

Булочник кричит, размахивает руками, кивает головой – наверняка он нашел Снарка! А Мясник презрительно заявляет, что Булочник всегда был отчаянным... Кем? Дело в том, что слово «wag» имеет в английском языке два значения: «взмах», «кивок» и «шутник». Клюев, Афонькин и Яхнин переводят слово «wag» как «шутник», и лишь Пухов сохраняет каламбур Кэрролла, удачно назвав Булочника «лоботрясом».

Одним из важнейших критериев оценки перевода «непереводимого» является правильная передача содержания, близость оригиналу по духу. При этом излишняя свобода переводчика, отступление от оригинала ради возможности удачно скаламбурить и в чем-то даже посоревноваться с автором нежелательны, если не сказать недопустимы.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на следующем примере. Капитан перечисляет снарколовам приметы Снарка:

The first is the taste,
Which is meager and hollow, but crisp:

Like a coat that is rather too tight in the waist
With a flavour of Will-o-the-wisp [1].

Попробуйте представить себе, как хрустит на зубах тесное пальто. У Клюева это получилось:

Смарк не остр, но хрустит на зубах
(Он хрустит, как пальто, если в талии жмет) –
С легким привкусом «чур-меня-ах»! [3, с. 86]

Замечательная бессмыслица, особенно хорош привкус «чур-меня-ах». Пухов не рискнул так экспериментировать с русским языком и обошелся более правильными, обтекаемыми фразами:

Свойство первое – вкус; он не слишком хорош;
Хоть и тонок, зато ограничен;
Словно пара отличных, но тесных галош –
А в оттенках совсем необычен [4].

Конечно, и это бессмыслица, но она сильно уступает оригиналу, а также переводу Клюева.

Афонькин довольно удачно сравнил вкус Снарка с детской пустышкой: так переводчик сохранил мысль автора, что Снарк полый внутри и скрипит на зубах; но сравнение с тесным пальто и привкус чего-то неумовимого переводчик осторожно пропустил.

Яхнин, в свойственной ему манере, сохраняет лишь общий смысл строфы – «Снарк – существо, своеобразное на вкус»:

Во-первых, у Снарка особенный вкус –
Потоньше кошачьего уса.

Он мягкий, как вата, и пышный, как мусс.
Не всякому Снарки по вкусу [5, с. 328].

Как мы видим, ничего подобного не было в оригинале. Да, это бессмыслица в духе Кэрролла, но это, скорее, фантазия на тему кэрроловской поэмы, самостоятельное произведение.

Подведем итоги. Лучшим переводом из четырех рассмотренных по праву можно назвать перевод Пухова как самый верный, близкий оригиналу. Слабее перевод Клюева: в нем допускаются небольшие отступления от оригинала, а некоторые каламбуры, к сожалению, остаются для переводчика «непереводимой игрой слов», хотя это и не указывается в сносках. Однозначно наиболее слабый, устаревший перевод Афонькина. Что касается варианта Яхнина, явно не претендующего на точность, то назовем его лучшим пересказом поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка».

Надеемся, что классическому английскому стихотворному нонсенсу, о котором сейчас незаслуженно забыли, впоследствии будет уделяться

больше внимания; интереснейшая проблема перевода нонсенса и «непереводимого» в нем еще далеко не раскрыта и ждет своих исследователей.

Литература

1. *Carroll L. The Hunting of the Snark.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snarkeng.txt>.
2. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. С. Афонькина.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark.txt>.
3. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. Е. Ключева // Лир. Э, Кэрролл. Л. Целый том чепухи.* М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1992. С. 76–123.
4. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. М. Пухова.* Интернет-адрес: <http://www.lib.ru/CARROLL/snark3.txt>.
5. *Кэрролл Л. Охота на Снарка / Пер. с англ. Л. Яхнина // Кэрролл Л. Приключения Алисы.* М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. С. 317–354.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

Л. С. Циманович

«Слово о полку Игореве» – уникальный памятник литературы восточных славян, по художественной ценности затмивший все творения древнерусской словесности и получивший мировое признание, о чем свидетельствует множество прозаических и поэтических переводов. В частности, на сербскохорватский язык «Слово» переводили М. Светич (Ё. Хаджич), П. Негош, М. Панич-Суреп, Д. Медич, О. Утешенович-Острожинский, И. Шайкович, И. Бадалич, М. Бабович.

Изучением восточнославянского памятника в разное время занимались крупные югославские литературоведы: А. Гаврилович, Р. Лалич, М. Бабович, М. Бошкова, М. Клеут, М. Мулич, М. Сибинович, М. Стойнич, Дж. Трифунович. По верному заключению А. Шешкен, «исследование «Слова о полку Игореве» в Югославии ведется в тесном взаимодействии с его изучением в мировом литературоведении. Поэтому в ряде статей заметна концептуальная близость к работам исследователей из других стран, прежде всего российских. Югославские ученые уделили основное внимание изучению переводов «Слова» и их роли в литературах своей страны» [5, с. 97].

В югославянской рецепции «Слова» особо значим период второй половины XIX в., когда появились первые переводы его на сербский язык, среди которых и переложение черногорского поэта, а также главы государства и предстоятеля церкви, *Петра II Петровича Негоша (1813 – 1851)*.

В культуре многих народов имеются личности, обладающие даром

обобщить накопленный предшественниками опыт и создать те образцы, которые бы легли в основу дальнейшего развития литературы. Таким образом для сербского искусства слова является драматическая поэма Негоша «Горный венец», эпический характер которой опирается на богатый сербский фольклор – юнацкие песни, но при создании своего произведения Негош, конечно же, использовал и опыт, приобретенный им при переводе «Слова о полку Игореве».

Петр Негош владел русским языком, дважды посещал Россию, в русских переводах поэт ознакомился и со многими произведениями Шекспира, Мильтона, Байрона, Гёте и других классиков мировой литературы. Посредническая роль русского искусства слова проявилась в переводе на сербский язык первой песни «Илиады», выполненном Негошем с текста-переложения Гнедича. Однозначно, русская литература в немалой степени повлияла на сербского поэта. Существенно также, что он придавал большое значение переводческой деятельности для развития выразительных возможностей родного языка – на это убедительно указал М. Бабович в своем фундаментальном исследовании «Поэтика «Горного венца» [см. 1, с. 12].

Переложение восточнославянского памятника на сербский язык Негош начал вскоре после своей второй поездки в Россию, предпринятой в 1937 г.

Следует отметить, что в первой половине XIX века в русском литературоведении появился ряд исследований, посвященных «Слову», а также несколько его поэтических и прозаических переводов. Такой интерес к этому памятнику XII века со стороны русских писателей, судя по всему, не оставил равнодушным и Негоша. Обратим внимание: в Цетиньской библиотеке, привезенной черногорским владыкой из России, хранились специальное издание Максимовича, посвященное «Слову» – оригинал и перевод памятника на русский язык, а также полное собрание сочинений А. С. Шишкова, в котором среди прочих произведений был помещен оригинал древнерусского эпоса с комментариями и прозаическим переложением.

Думается, «Слово о полку Игореве» привлекло Негоша не только из-за своей популярности среди русских писателей, но и по причине глубины идей, в нем заложенных. Здесь нельзя обойти вниманием сходство «Слова» с сербским эпосом, в основу которого положена не победа и торжество народа (на чем обычно базируется эпос), а поражение в Косовской битве 1389 г. И восточнославянский памятник повествует о неудачном походе князя Игоря на половцев, закончившемся поражением. В «Слове» Негошу была также близка идея общности славян. Черногорский поэт рассматривал свой народ как часть сербства, призывал сооте-

чественников забыть все распри и объединить усилия в борьбе против единого врага, «чтобы сохранить «гнездо свободы и юнацтва», сохранить свои народные корни, свою историческую память» [2, с. 32]. В этой борьбе владыка рассчитывал на помощь России, славянского государства, способного противостоять Османской империи.

Негошевский перевод «Слова о полку Игореве» следует считать поэтическим переложением. Почему? Не только потому, что переводчик достаточно свободно отнесся к тексту оригинала. В четырех фрагментах восточнославянского памятника, переведенных Негошем, есть ряд особенностей, позволяющих нам говорить о черногорском поэте как о соавторе анонимного русского автора XII века, а значит – рассматривать данный перевод как определенный этап в творческой эволюции черногорского поэта-переводчика.

Своеобразие выполненного Негошем перевода древнерусского эпоса особо проявляется при сопоставлении его со знаменитым «Горным венцом». Произведения перекликаются на уровне идей, мотивов, образов и даже некоторых выражений и фраз, почти дословно повторяющихся и в драматической поэме, и в переложении «Слова». Показательно также, что перевод содержит ряд текстовых элементов, которые отсутствуют в оригинале восточнославянского памятника и связаны с понятиями, непосредственно относящимися к черногорской действительности.

В «Горном венце», созданном Негошем после переложения, так же, как и в «Слове», встречается мотив затмения, однако уже не столько как явление природное, что свойственно «Слову», а в виде метафоры: у Негоша владыка Данило говорит о том, что магометанский месяц затмил христианское солнце: «Помрчина нада мном царује, мјесец ми је сунце заступило...» [1, с. 36].

О влиянии «Слова» на «Горный венец» можно судить и на основе сравнения структурных особенностей произведений. Древнерусский эпос включает в себя «Плач Ярославны», фрагмент наиболее тесно связанный с устным народным творчеством. Можно предположить, что Негош, творчески развивая опыт автора XII века, помещает в своем «Горном венце» плач сестры Батрича – произведение, по мнению ряда исследователей, не принадлежащее непосредственно Негошу, а записанное им в одном из черногорских селений.

Еще одна важная деталь: ставшая знаменитой метафора «венец славы» у Негоша появляется именно в переложении «Слова», и как раз в стихах, отсутствующих в оригинале. В Негошевском переводе великий сказитель Боян «плел песенный венец» русскому князю: «...пјеснички в’јенац он свијаше та Роману Светослављевићу» [3, с. 262]. Как известно, данная метафора позднее стала названием значительнейшего произведе-

дения всей сербской литературы – поэмы «Горный венец». Заметим, что выбор такого названия был принят владыкой не сразу: «первоначально автор искал своему произведению название в понятиях «Извиискра – Извита искра – Извијање искре» («Взвитье искры»), которое ассоциировалось с развертыванием борьбы за независимость, рождением свободы... А «Венец» в окончательном названии – это прославление... защитников отечества, увенчание славой Черногории, что, впрочем, отразилось и в самом тексте» [4, с. 65–66].

К сожалению, полный перевод «Слова о полку Игореве» Негошем не выполнен. Однако имеющиеся четыре отрывка дают достаточно материала для того, чтобы говорить о выдающемся памятнике древнерусской литературы как о значимом факторе творческой эволюции Петра II Петровича Негоша, а работу над переводом «Слова» рассматривать как определенную ступень на пути к созданию своего главного произведения – «Горный венец».

Литература

1. *Бабовић М.* Поетика «Горског вијенца». Подгорица: ЦАНУ, 1997. 261 с.
2. *Кутасова О.* Предисловие // Негош П. Горный венец; Самозванец Степан Малый. М.: Худож. лит., 1988. 234 с.
3. *Његош П. П.* Горски вијенац и Луча микрокозма. Подгорица: New Public, 2001. 388 с.
4. *Његош П. П.* Шћепан Мали. Проза. Преводи. Целокупна дела Петра II Петровића Његоша. Књига четврта. XI издање. Београд: Просвета; Цетиње: Обод, 1982. 392 с.
5. *Чарота І. А.* Чарнагорскі ўладыка – уладар – паэт (Петар Петравіч Негаш) // Славянскія літаратуры: постаці: Зборнік артыкулаў. Мн.: РІВШ БДУ, 2003. С. 51–68.
6. *Шешкен А. Г.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Югославии // Русская и югославянские литературы в свете компаративистики: Учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 97–105.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Алексеева

Судебная власть в Республике Беларусь представлена несколькими судебными системами: системой общих, хозяйственных судов и конституционным судом. Идея специализации судов закреплена в ч. 5 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 января 1995 г. «О судеустройстве и статусе судей в Республике Беларусь», в соответствии с которой в системе общих и хозяйственных судов допускается образование специализированных коллегий, а в случаях, предусмотренных законами Республики Беларусь, могут быть образованы специализированные суды по делам несовершеннолетних, семейные, административные, земельные, налоговые и иные суды.[1]

На протяжении многих лет, еще до закрепления в законе указанной идеи, в рамках общих судов в Республике Беларусь функционируют специализированные военные суды, в компетенцию которых входит рассмотрение и гражданских дел. Никаких процессуальных особенностей производства в военных судах не предусмотрено, в своей деятельности они руководствуются Гражданским процессуальным кодексом. Специфика судопроизводства заключается лишь в том, что дело рассматривается специализированным составом суда – судьей военного суда может быть только военнослужащий, имеющий военное звание офицерского состава.

Вопрос о необходимости рассмотрения гражданских дел военными судами неоднократно обсуждался в научной литературе, в результате чего высказаны диаметрально противоположные мнения: с одной стороны – об упразднении военных судов, с другой – об их сохранении в неизменном виде.

Критики существующей системы наиболее часто обращают внимание на сложности, с которыми связана реализация принципа независимости судей военных судов. Так как эти судьи находятся на действительной военной службе, на них распространяется действие военных уставов и приказов Министерства обороны Республики Беларусь, в связи с чем, не исключена возможность прямого или косвенного воздействия на них командования. Следует отменить также и тот факт, что материально-техническое обеспечение деятельности военных судов по действующему законодательству Министерством обороны Республики Беларусь.

Сторонники сохранения системы военных судов ссылаются на то, что необходимость существования этих органов в специфических армейских условиях очевидна. Кроме того, упразднение действующей системы немалого увеличит нагрузку общих судов.[2, с. 39]

Безусловно, обе позиции имеют свои достоинства и недостатки. На наш взгляд, военные суды должны быть сохранены, но требуют совершенствования в плане создания дополнительных гарантий обеспечения независимости судей.

В системе общих судов существует также такая форма специализации, представленная деятельностью Судебной коллегии по патентным делам Верховного Суда Республики Беларусь, как рассмотрение дела специализированным составом суда. С созданием специализированной патентной коллегии был решен ряд проблем, в том числе обеспечение права заинтересованных лиц на судебную защиту; улучшение качества рассмотрения дел об охране объектов промышленной собственности; соблюдение сроков разрешения дел данной категории. В последнее время рассматривается вопрос о расширении предметной подсудности патентных судов. К их компетенции предлагается отнести рассмотрение дел в отношении всех объектов интеллектуальной собственности [3].

Одним из проявлений принципа специализации является также введение в районных (городских) судах должности судьи по административным делам и исполнительному производству, компетенция которого в настоящее время включает рассмотрение дел об административных правонарушениях и вопросов исполнительного производства. В научной литературе достаточно остро обсуждается вопрос о создании административных судов и отнесении к их компетенции дел, вытекающих из административно-правовых отношений, указанных в главе 29 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. На наш взгляд, судьи по административным делам и исполнительному производству могут стать прообразом таких судов. В силу специфики и важности административных правоотношений, большого количества дел подобного рода, потребности специалистов в области права государственного управления идея создания административного суда как органичного звена судебной системы является весьма актуальной и требует тщательного исследования [4].

В Республике Беларусь существует система хозяйственных судов. Вопрос об их отнесении к категории специализированных судов в юридической литературе является спорным. Законодательство Республики Беларусь, в частности ст.1 Закона «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь», не относит хозяйственные суды к специализированным, а определяет их как самостоятельную форму защиты граждан-

ских, административных и иных прав. Вместе с тем думается, что такое указание закона не изменяет объективную природу хозяйственных судов – они являются судами, имеющими особую компетенцию в отличие от общих судов.

Наряду с существующими формами специализации гражданской юрисдикции в научной литературе высказываются предложения об организации в Республике Беларусь новых специализированных судов в рамках общих и хозяйственных судов. В частности, широкое распространение получила идея создания судов по делам несовершеннолетних. Традиционно в мировой практике эти суды рассматривались как суды уголовной юрисдикции, однако все чаще в различных государствах эти суды создаются как органы смешанной юрисдикции, рассматривающие не только уголовные дела в отношении несовершеннолетних, но и гражданско-правовые споры о посягательствах на имущественные и личные неимущественные права детей, вопросы их опеки и попечительства. Идея создания судов по делам несовершеннолетних комплексной юрисдикции представляется весьма прогрессивной, так как в силу возрастных особенностей несовершеннолетних процедура рассмотрения дел с их участием требует установления ряда специфических особенностей, в том числе включение в состав такого суда специалистов в области детской психологии и педагогики [5, с. 36].

На страницах журналов часто встречаются предложения о создании земельных судов, что обосновывается увеличением количества земельных споров; их ярко выраженной спецификой, что требует наличия у судьи специальной подготовки в области земельного законодательства; а также необходимостью отнесения земельных дел к ведению одного судебного органа (на сегодняшний день эти споры рассматриваются как общими, так и хозяйственными судами, что не способствует единообразию судебной практики). Вместе с тем, на наш взгляд, земельные споры составляют органичную часть компетенции как общих судов, так и хозяйственных, а единство судебной практики должно быть обеспечено за счет взаимодействия Высшего Хозяйственного Суда и Верховного Суда Республики Беларусь, в связи с чем в создании в нашей судебной системе земельных судов (и даже специализированных коллегий судей) нет особой необходимости.

Актуальным на сегодняшний день является вопрос о создании в Республике Беларусь трудовых судов, поскольку ежегодно в общих судах рассматривается достаточно большое количество трудовых дел. Многие ученые-юристы выступают за то, что действующая сейчас система судов и процессуальные нормы судебной защиты в области трудовых правоот-

ношений значительно отстают от требований оперативности, качества рассмотрения трудовых споров. В отличие от обычных судов, трудовые суды должны иметь право проявлять большую инициативу в собирании и исследовании доказательств. Кроме того, следует учитывать, что в большинстве случаев активным участником трудовых споров являются профсоюзы [6, с. 53]. Данная точка зрения нами поддерживается.

В отличие от ряда зарубежных государств (например, Германия, Франция, Великобритания) степень специализации сферы гражданской юрисдикции в Республике Беларусь на сегодняшний день следует признать незначительной. Вместе с тем, государство активно проводит политику по реализации принципа специализации судопроизводства. Однако данный вопрос является весьма сложным и требует тщательной разработки.

Литература

1. Закон Республики Беларусь от 13 января 1995 г. «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» № 3514-ХП // НРПА 19.03.2001. № 2. С. 467.
2. *Синюков В.* Рассмотрение гражданских дел военными судами // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 39–41.
3. *Вышкевич В.* От суда специализированного к суду универсальному // Белорусский рынок. 22–29 апреля 2002.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь // НРПА 17.03.1999. № 18. С. 2–13.
5. *Мартинович И. И.* Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2000. № 2. С. 36–39.
6. *Костян И., Пискарев И., Шеломов Б.* О специализации суда по трудовым делам и трудовом процессуальном кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 8. С. 51–58.

МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧРЕДИТЕЛЯ, АКЦИОНЕРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. М. Антипова

1. Отечественное акционерное законодательство оперирует такими понятиями, как «учредитель», «акционер». Представляется необходимым, раскрыть суть каждого из указанных терминов и показать их соотношение, так как в зависимости от того обладает ли лицо статусом учредителя или акционера, оно наделено различным объемом прав и обязанностей.

2. Согласно ст. 98 ГК учредителями признаются лица, заключившие между собой договор, определяющий порядок осуществления ими совместной деятельности по созданию общества, размер уставного фонда общества, категории выпускаемых акций и порядок их размещения, а

также другие условия, предусмотренные законодательством об акционерных обществах.

Лицо приобретает статус учредителя с момента вступления в силу договора о создании акционерного общества. По общему правилу, данный договор вступает в силу с момента его подписания всеми участниками. Однако участники вправе предусмотреть и иной срок вступления договора в силу.

После государственной регистрации акций вновь созданного юридического лица, учредители приобретают статус акционеров. Если договор о создании акционерного общества не прекратил своего действия, акционеры продолжают быть связанными ранее принятыми на себя обязательствами. В таком случае правовой статус участника можно определить как «акционер-учредитель». Термин «акционер-учредитель» в законодательстве не используется. Однако выделение такой категории лиц является целесообразным, так как статус «акционера-учредителя» охватывает права и обязанности, как учредителя, так и акционера. Итак, необходимо проводить терминологическое различие между акционерами, ставшими участниками общества в результате приобретения акций уже созданного акционерного общества, и акционерами-учредителями. На первую категорию лиц не распространяется действие договора о создании акционерного общества, в то время как по отношению ко второй – он будет иметь силу даже, даже в случае, если эти лица в последствие перестали быть акционерами.

Учредители (акционеры-учредители) утрачивают свой статус с момента прекращения действия договора о создании акционерного общества, который, в свою очередь, теряет силу после исполнения всеми учредителями обязательств по данному договору и может не совпадать с моментом государственной регистрации общества.

3. Термин «акционер» охватывает как акционеров-учредителей, так и лиц, ставших акционерами в результате приобретения акций уже созданного акционерного общества и является синонимом понятия «участник».

Считаем целесообразным, закрепить на уровне закона определение понятия «акционер», дифференцировав его в зависимости от вида акций, которыми он обладает (простыми или привилегированными). Такая необходимость вызвана потребностью единообразного толкования и применения этого термина в нормативных актах различного уровня.

Акционер-владелец простых (обыкновенных) акций имеет право на получение части чистой прибыли в виде объявленных дивидендов, на получение в случае ликвидации акционерного общества части имущест-

ва, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости, а также на участие в общем собрании акционеров.

Акционер-владелец привилегированных акций имеет право на получение части чистой прибыли в виде дивидендов в фиксированном размере, на получение в случае ликвидации акционерного общества части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости, но не имеющий права голоса на общем собрании акционеров.

Учредители (акционеры-учредители) приобретают статус акционеров с момента утраты силы договора о создании акционерного общества.

Акционеры обладают двойным правовым статусом. С одной стороны, это собственник или обладатель иного вещного права (далее собственник) акций. Как собственник акционер владеет, пользуется и распоряжается принадлежащими ему акциями. С другой стороны, акционер – это участник акционерного общества, обладающий правом на получение части чистой прибыли в виде дивидендов, на получение в случае ликвидации акционерного общества части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости, а также на участие в общем собрании акционеров. Эти права носят обязательственно-правовой характер.

4. По общему правилу лицо становится участником акционерного общества с момента приобретения права собственности на акции. Момент возникновения права собственности на акции зависит от того, в процессе первичного или вторичного обращения приобретаются акции.

Анализ действующего законодательства и практики его применения свидетельствует о том, что акции являются именными ценными бумагами. Ценные бумаги относятся к именным в том случае, если для реализации прав, связанных с их владением необходима регистрация имени владельца эмитентом или по его поручения – организацией, осуществляющей профессиональную деятельность по ценным бумагам (депозитарием).

Гражданский кодекс, Закон «О ценных бумагах и фондовых биржах» от 12 марта 1992 года допускает обращение акций в документарной и бездокументарной форме. На практике единственной формой фиксации прав, закрепленных акцией, является бездокументарная форма, к которой применяются правила установленные для ценных бумаг (п.1 ст. 150 ГК).

Согласно п.1 ст.224 ГК право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законодательством или договором. Передачей признается вручение вещи приобретателю. Вещь считается врученной приобретателю с момента ее фактического поступления во владение приобретателя или указанного им лица (ст.225 ГК).

Момент фактической передачи акций есть момент их перевода со счета «депо» отчуждателя на счет «депо» приобретателя, т.е. внесение изменений в реестр акционеров. Указанная операция осуществляется депозитарием на основании первичных документов обозначенных в законодательстве, в частности, поручения отчуждателя или уполномоченного им лица.

Таким образом, право собственности на акции, приобретенные в процессе их вторичного обращения, связывается с моментом внесения приходной записи по счету «депо» нового владельца.

Если речь идет о размещении акций на первичном рынке, то приобретение права собственности на акции зависит от способа размещения ценных бумаг. Можно выделить три группы способов:

1. Распределение акций среди акционеров общества при их выпуске за счет собственных средств, распределение акций среди участников акционерного общества при реорганизации юридического лица.
2. Подписка на акции.
3. Первичное размещение акций путем их открытой продажи.

При применении одного из способов первой группы данные о лицах, получивших акции, вносятся в реестр акционеров соответствующего общества после государственной регистрации акций в КЦБ. С этого момента они становятся собственниками акций и, соответственно, участником акционерного общества.

Размещение акций путем проведения подписки проходит следующие этапы: принятие общим собранием акционеров решения о проведении подписки (утверждение краткой информации об условиях подписки, проспекта эмиссии и заверение их в КЦБ – при открытой подписке на акции); проведение подписки; утверждение общим собранием акционеров результатов подписки, решения о выпуске акций; изменений в устав общества; государственная регистрация изменений в устав общества; государственная регистрация акций в КЦБ, и затем внесение соответствующих изменений в реестр акционеров. Исходя из смысла ч.4 ст.4 Закона « О ценных бумагах и фондовых биржах», можно сделать вывод, что при размещении акций путем проведения подписки лицо приобретает право владения акциями после их полной оплаты, а права пользования и распоряжения – после внесения изменений в реестр акционеров. В данном случае, лицо становится собственником акций ранее (с момента обретения права владения акциями), чем приобретает статус участника акционерного общества, так как право пользования и распоряжения отложены во времени.

Первичное размещение акций путем открытой продажи открытое акционерное общество осуществляет через торговую систему открытого акционерного общества «Белорусская фондовая биржа» посредством заключения договоров купли-продажи акций. Изменения в реестр акционеров вносятся на основании договора купли-продажи акций, и с этого момента лицо получает права владения и пользования принадлежащими ему акциями. Однако право распоряжения ими возникает только после регистрации в КЦБ отчета об итогах открытой продажи акций (п.5 Инструкции о порядке регистрации акций при их первичном размещении путем открытой продажи на территории Республики Беларусь, утв. Постановлением Комитета по ценным бумагам при Совете Министров Республики Беларусь от 17 марта 2003 г. №02/П).

5. Лицо утрачивает статус акционера при отчуждении принадлежащих ему акций, вследствие смерти, объявления умершим физического лица-акционера, ликвидации юридического лица-акционера.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. Г. Василевич

Основанием административной ответственности является административное правонарушение. Сущность административного правонарушения заключается в виновном нарушении запретов активного или пассивного воздержания от нарушения которых обеспечивается угрозой административной ответственности или реальным применением мер ее воздействия в случае их нарушения. Административная ответственность не допускает аналогии – она наступает только в случаях, когда совершено деяние, запрещенное в норме права.

Административные правонарушения, как и преступления, по своей природе относятся к нарушениям универсального характера. Административная ответственность, как и уголовная, выполняет общую охранительную функцию.

Административная ответственность в отличие от уголовной может устанавливаться не только базовым законом (Кодексом об административных правонарушениях), но и другими актами законодательства. Система «криминализации» применительно к административной ответственности должна быть более гибкой и оперативной. Поэтому вряд ли приемлемой является позиция авторов проекта Кодекса об административных правонарушениях, что указанный Кодекс является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на тер-

ритории Республики Беларусь (ст. 1). Конечно, стремление к тому, чтобы большинство административных правонарушений предусматривалось Кодексом, вполне понятно, но вряд ли реализуемо по указанным выше причинам. Важно установить, что правила общей части Кодекса распространяются на всю область административной ответственности независимо от того, какими законодательными актами она была установлена. Это касается и установления единого процессуально-исполнительного производства по делам об административных правонарушениях. Об этом следует указать непосредственно в статье 1 Кодекса: «Положения общей части настоящего Кодекса применяются в отношении административных правонарушений и административной ответственности, предусмотренных иными законодательными актами, если иное не предусмотрено этими актами». Особенности (исключения из общих правил) могут касаться мер взыскания, процессуальных сроков рассмотрения административных дел, обжалования решений (постановлений) о наложении административных взысканий и их исполнения, порядка их исполнения.

Административная ответственность распространяется на физических и юридических лиц. Законодательство и правоприменительная практика уже давно освоили институт административной ответственности юридических лиц, в том числе в сфере предпринимательской деятельности.

В соответствии с общепризнанной доктриной лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Принцип виновной ответственности в равной мере действует в отношении как физических, так и юридических лиц.

Одной из отличительных особенностей административной ответственности является то, что в большинстве случаев она применяется во внесудебном порядке. Обусловлено это особенностями административных правонарушений – их незначительной опасностью, распространенностью, необходимостью оперативного карательного воздействия на правонарушителя. Обеспечение оперативности в поддержании нормальных отношений в самых разных сферах правового регулирования – особенность административно-правового запрета. Эта особенность отразилась и на процессуальном порядке применения административной ответственности, системе органов и должностных лиц, ее применяющих.

Одним из важнейших принципов административной ответственности является принцип справедливости. Именно с целью его обеспечения очень важно, чтобы само законодательство о предпринимательской деятельности было разумным, ясным, определенным, однозначно толкуемым, содействовало развитию личной (предпринимательской) инициативы в интересах, как самого предпринимателя, так и общества, государства в целом.

Для правового государства, каким провозглашена Республика Беларусь, характерно не только соблюдение существующих законов, но и признание и обеспечение господства права. Мало оформить какие-либо решения законом, важно обеспечить справедливость и равенство всех перед законом.

К сожалению, для законодательства о предпринимательской деятельности характерна нестабильность, противоречивость, нарушение пропорциональности (соразмерности) ответственности совершенному деянию, придание актам, возлагающим новые обязанности на предпринимателей, обратной силы. Характерно редкое установление сроков для адаптации к новому правовому регулированию.

Прежде чем вести речь об административной ответственности, надо установить разумное правовое регулирование в сфере предпринимательской деятельности.

Одна из основных статей КоАП – ст. 154 КоАП – предусматривает ответственность именно за нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности. Поэтому важно, чтобы сами эти правила учитывали закономерность общественного развития, объективные законы развития экономики. Указанной статьей предусмотрена административная ответственность за занятие предпринимательской деятельностью без государственной регистрации, запрещенной деятельностью, без наличия лицензии, когда она требуется, и в других случаях.

Однако органы, решающие вопрос об административной ответственности за указанные действия, должны руководствоваться правовыми принципами, которые сформулированы в Конституции, КоАП (например, о применении более мягкого закона) и других актах законодательства. Так, Декретом Президента Республики Беларусь «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 14 июля 2003 г. № 17 (вступил в силу 21 июля 2003 г.) установлен новый перечень видов предпринимательской деятельности, подлежащих лицензированию. В этой связи на практике возникает вопрос о возможности привлечения к административной ответственности за занятие теми видом предпринимательской деятельности, которые ранее подлежали лицензированию, но Декретом был исключен из круга лицензируемых видов деятельности, а правонарушение было выявлено уже после вступления в силу Декрета. Полагаем, что в данном случае привлекать к ответственности по ст. 154 КоАП нельзя.

И еще один аспект, на котором следует остановиться, – это вопрос о конфискации объектов административного правонарушения. Ранее уже акцентировалось внимание на незаконности тех судебных постановлений,

которыми производилась конфискация автотранспорта, не принадлежащего на личной собственности нарушителю.

В последнее время судебная практика конфискации имущества в связи с совершением административного правонарушения более точно соответствует требованиям ст. 28 КоАП о возможности конфискации лишь тех предметов, которые находятся в личной собственности правонарушителя.

Полагаю, что государственные органы должны стимулировать законопослушную деятельность субъектов хозяйствования. В этих целях следует устанавливать такие размеры налогов, которые не были бы чрезмерными, не заставляли предпринимателей ради развития собственного бизнеса идти на укрывательство доходов.

На мой взгляд, следует отходить от разрешительного порядка занятия предпринимательской деятельностью к уведомительному. Ведь еще и сейчас гражданин, желающий открыть собственное дело, весьма зависим от чиновников, а это прямой путь к коррупции. Государство должно стремиться в случае изменения правил устанавливать достаточный срок для адаптации.

Например, еще несколько недель тому назад мы могли наблюдать огромные очереди предпринимателей, желающих пройти перерегистрацию или получить новые лицензии. Отсутствие прогноза реализации принятого решения ведет к нарушению прав субъектов хозяйствования, а также к вынужденному нарушению правовых предписаний.

Полагаем, что законодательство о предпринимательской деятельности и об ответственности за его нарушение должно быть оптимальным, учитывать особенности периода формирования рыночных отношений.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ.

М. Громадцов

Общественные организации осуществляют целый ряд функций:

- политическая социализация, гражданское становление личности;
- выявление общественного мнения и настроения различных социальных групп общества;
- социальный контроль за деятельностью различных структур власти;
- посредничество между государством и гражданами;
- реализация интересов конкретной личности и различных социальных групп в общественной жизни;

- партнерство в выработке конкретных решений цивилизованного разрешения конфликтов;
- развитие интернациональных связей на неправительственной, негосударственной основе.

Обращая внимание на аспект взаимодействия общественных объединений с органами государственной власти, представляется логичным, прежде всего, дифференцировать «третий сектор», классифицировать входящие в его состав НПО, подразделяя их на «классы» по признаку их «фокусных групп» (т.е. с учетом того, на какого рода проблемы нацелена их деятельность) и выявляя формы взаимодействия с государством, наиболее естественные и органичные для выделенных «классов».

Первым можно выделить класс тех НПО, чьи фокусные группы составляют сами их члены. Это «НПО взаимопомощи», объединяющие людей по принципу общей беды или проблемы: организации инвалидов, ветеранов и т.д.; к этому же классу можно отнести и объединения людей по демографическому, в т.ч. и по гендерному признаку. Для объединений «товарищей по несчастью», властные структуры являются, прежде всего, источником финансовых и иных средств решения проблем членов этих организаций, и «НПО взаимопомощи» предстают перед властью чаще всего в роли просителей, как, например, объединения чернобыльцев, афганцев.

Ко второму классу можно отнести организации, нацеленные на решение проблем, непосредственно не связанных с жизненными интересами их членов. Здесь также можно выделить два подкласса: II-а) «НПО социальной направленности», или благотворительные, ориентированные на решение гуманитарно-социальных проблем; II-б) НПО экологической и «охранительной» (охрана памятников культуры и т.д.) направленности. Для НПО социальной направленности, взаимодействие с властными структурами – довольно существенная часть самого содержания их деятельности. При этом применительно к благотворительным организациям в ряде случаев можно говорить и о социальном партнерстве – сотрудничестве с органами власти, когда выполнение ряда функций последних, например, по социальному обеспечению или патронажу, подобные объединения берут на себя. Таким образом, здесь уже наблюдается переход равноправному взаимодействию. Более того, по ряду направлений (оздоровление детей, помощь бедным и т.д.) социальные НПО достигли значительных результатов. В странах Запада взаимодействие таких НПО с госструктурами чрезвычайно широко. Так в США благодаря НПО на решение социальных проблем государство выделяет лишь 25 % необходимых затрат. НПО «экологического» и «охранительного» профилей также заинтересованы в сотрудничестве с властями, однако проблемы

защиты природы и культуры кажутся сегодня многим чиновникам существенно менее острыми по сравнению с проблемами социальными, как правило, более явными и бросающимися в глаза. Поэтому, по сравнению с благотворительными организациями, готовность НПО экологического профиля на равных сотрудничать с властями не встречает столь выраженного ответа. Таким образом, на данном направлении партнерство с конкретными чиновниками, безусловно, необходимо, однако в должной степени пока не развито.

К третьему классу можно отнести правозащитные организации, имея в виду также и «группы гражданского контроля», осуществляющие надзор за деятельностью исполнительной власти. Их главная миссия – защита прав человека и контроль за деятельностью государственных структур. Складывающиеся между соответствующими НПО и госструктурами отношения можно охарактеризовать как соперничество.

Четвертый класс состоит из «инфраструктурных» НПО, чья миссия – содействие деятельности других НПО в самом широком смысле. Сюда входят: организации, специализирующиеся на правовом обеспечении деятельности НПО; ассоциации, совмещающие исследовательскую и образовательную деятельность; центры поддержки НПО. К четвертому классу относятся и те НПО (их можно условно назвать организациями гражданских инициатив), которые ставят своей целью содействие становлению гражданского общества в регионе или партнерским отношениям общества и власти. Сама миссия организаций, действующих в сфере правового обеспечения НПО, предполагает лоббирование нужных для развития НПО законов, нормативных актов на различных уровнях власти, более того – она подразумевает участие в нормотворческом процессе, что является одним из видов социального партнерства. Другое направление работы «инфраструктурных» НПО может быть охарактеризовано как медиаторская, посредническая деятельность: это – содействие установлению партнерских отношений между сообществом НПО и властными структурами, будь то организация регулярных встреч лидеров НПО и представителей власти, инициирование и реализация образовательных программ по социальному партнерству с участием тех и других.

Вне этой классификации остались НПО- «клубного типа», включающие разнообразные группы самосовершенствования, клубы по интересам и пр.

Таким образом, основная деятельность НПО сосредотачивается по трем направлениям:

- содействие разрешению разнообразных социальных проблем через возможности системы НГО;

- развитие правозащитного движения как на общенациональном, так и на местном, низовом уровне;
- создание «мозговых центров», способных как разрабатывать стратегию развития третьего сектора, обслуживать текущие потребности НПО, к примеру, в оперативной разработке ситуативных моделей наиболее эффективных действий.

КОДИФИКАЦИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В БССР

В. В. Гудель

В конце XIX – начале XX века особо остро встал «рабочий вопрос», т.е. вопрос об экономическом и социальном положении рабочих. Консолидация рабочего класса и борьба между ним и буржуазией обусловили необходимость реформирования трудового законодательства (хотя сам термин «трудовое законодательство» еще не употреблялся, а более привычными названиями были «рабочее» или «фабричное» законодательство).

Что касается кодифицированных актов трудового законодательства, то следует отметить, что Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. (далее – КЗоТ 1918 г.) был первым трудовым кодексом не только на территории РСФСР, но и во всем мире.

В КЗоТ 1918 г. получили законодательное закрепление важнейшие завоевания рабочего класса. В частности, в нем устанавливался: 8-часовой рабочий день; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением заработка и запрещение труда детей в возрасте до 16 лет.

Однако, КЗоТ 1918 г. содержал и нормы о всеобщей трудовой повинности и запрещении свободного, по усмотрению нанявшегося, перехода из одного предприятия или учреждения в другое, которые не соответствовали интересам рабочих.

Но вскоре КЗоТ 1918 года претерпел значительные изменения и фактически в полном объеме не применялся. Трудовые отношения стали регулироваться правительственными декретами и постановлениями. Это было обусловлено внутренними и внешними причинами (иностранный военная интервенция, гражданская война, экономический кризис и другие). Более того, в 1920–1921 гг. действие Кодекса было даже временно приостановлено в связи с изданием Общего положения о тарифе, которое объединило трудовое законодательство данного периода.

При вступлении в мирную жизнь возникла необходимость в пересмотре действовавшего трудового законодательства и приведении его в соответствие с новыми экономическими условиями. Возникла необходимость в новом кодифицированном акте трудового законодательства. Этим актом должен был стать Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года (далее – КЗоТ 1922 г.).

КЗоТ 1922 г. сделал большой шаг вперед в сфере правового регулирования труда. Он заменил принудительное привлечение к труду трудовым договором. Появилась возможность заключать коллективные трудовые договоры. Уравнительное распределение заработной платы и трудовая повинность устанавливались в исключительных случаях.

Действие кодекса было распространено на территорию БССР, поскольку в 1922 г. территория БССР входила в состав РСФСР, а затем вошла в СССР.

Следующий этап в кодификации трудового законодательства в БССР был связан с принятием Кодекса о труде Белорусской ССР (далее – КоТ), который был утвержден постановлением ЦИК и СНК БССР от 27 июля 1929 г. Несмотря на то, что КоТ формально был белорусской редакцией КЗоТа РСФСР 1922 г., но по количеству внесенных в него изменений и дополнений его можно фактически считать самостоятельным кодифицированным актом трудового законодательства.

Если сравнивать КЗоТ 1922 г. с КоТ можно выделить следующие основные позиции, по которым они отличались:

Во-первых, отличия в правовом регулировании отдельных аспектов трудовых отношений, они (отличия) хотя и не носили глобального характера, но все же имелись (отличия по срокам, по порядку, по размерам оплаты).

Во-вторых, некоторые статьи КоТ были просто переформулированы в сравнении с КЗоТом 1922 г., не изменив при этом своего содержания. Например, если ст.97 КЗоТа предусматривала, что рабочее время может быть разбито на несколько частей с двумя перерывами в день, то ст.97 КоТа провозглашала, что рабочее время может быть разделено не больше, чем на три части. Несмотря на кажущееся различие регулирования в данных двух статьях, если присмотреться более внимательно, то становится, очевидно, что при помощи двух перерывов рабочий день можно разбить не более чем на три части.

В-третьих, статьи КоТа были грамматически и стилистически уточнены в связи с развитием русского языка. Например, статья 124 КЗоТа 1922 г.: «ученики не должны быть отвлекаемы ни на какие не относящиеся к изучению их специальности работы». Данная норма в

ст.124 КоТа звучала уже иначе: «ученикам не должна предоставляться работа, не относящаяся к изучаемой ими специальности».

В-четвертых, иногда целый ряд статей КЗоТа 1922 г. в КоТе заменялись нормой отсылочного характера. В качестве примера можно привести Раздел 17 «Социальное страхование». Статья 179 (в ред.1930) КоТа носила отсылочный характер: «Порядок и нормы выдачи указанных в ст. 175 пособий регулируются специальным законом», в то время как КЗоТ 1922 г. содержал целый ряд статей, которые регулировали порядок и размеры пособий по социальному страхованию.

В-пятых, КоТ по сравнению с КЗоТом 1922 г. был дополнен положениями, которые были введены позднейшим трудовым законодательством. Это можно проследить на примере ст.176 КЗоТа и ст.175 КоТа, которые содержали случаи выплаты пособий из средств социального страхования.

В-шестых, если сравнивать КоТ и КЗоТ 1922 г. по юридической технике, то следует отметить, что в отличие от КЗоТа 1922 г., КоТ не содержал примечаний к статьям: они либо вошли в эти статьи как составные части, либо были отдельными статьями. Например, примечание 1 к ст.57 КЗоТа 1922 г. в котором определены нормальные условия работы, вошло составной частью в ст.56 КоТа.

В-седьмых, можно отметить и различие в терминологии двух кодексов. Например, замена термина «нанявшийся» в КЗоТе 1922 г. на термин «рабочий или служащий» в КоТе.

Одним из недостатков трудового законодательства в СССР являлось отсутствие четкого разграничения общесоюзной и республиканской компетенции в области регулирования трудовых отношений. Попыткой исправления данного недостатка было принятие Верховным Советом СССР 15 июля 1970 г Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (далее – Основы). Вскоре были приняты кодексы законов о труде в отдельных республиках. Они повторили и дополнили Основы, как путем уточнения общих правил, так и включением новых. В БССР новый Кодекс законов о труде был принят 23 июня 1972 г. и введен в действие с 1 октября 1972 г.

Несмотря на то, что Основы являлись главным общесоюзным законом о труде, они не исключали законодательства о труде союзных республик. Базовыми республиканскими актами трудового законодательства были кодексы законов о труде, в которых республиканский законодатель мог в пределах прав предоставленных ему отразить национальные и исторические особенности конкретной республики.

Представляется, что данный положительный опыт советской истории можно будет использовать как при интеграции в рамках СНГ, так и в общеевропейских интеграционных процессах.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М.Н. Дмитрук

Формирование механизма финансирования охраны окружающей среды относится к началу 70-х годов XX ст., когда в связи с необходимостью мобилизации значительных средств на решение экологических проблем, финансирование природоохранных мероприятий в нашей стране стало носить постоянный характер. Только в 70-е годы капитальные вложения на создание производственно-технических природоохранных объектов (очистных сооружений, пылегазоулавливающих устройств, мелиоративных систем и т.п.) стали обеспечиваться путем прямого бюджетного финансирования в соответствии с пятилетними и годовыми планами охраны окружающей среды.

В указанный период система централизованного финансирования, а также централизованное распределение материально-технических ресурсов (система фондирования) были построены на жестких административно-командных принципах и осуществлялись в соответствии с планами финансирования и сметно-финансовыми расчетами по создаваемым хозяйственным объектам. Основная тяжесть финансирования экологической сферы в этот период ложилась на государственный бюджет, причем средства на реализацию природоохранных мероприятий выделялись по остаточному принципу, что никак не способствовало стимулированию рационального природопользования.

Таким образом, источниками финансирования экологической сферы являлись государственный бюджет и в небольшой степени средства предприятий, которые несли текущие расходы на реализацию природоохранных мероприятий. Обращаясь к законодательному закреплению, необходимо отметить, что в рассмотренный период в законодательных актах не была закреплена система источников финансирования.

Переход к рыночным отношениям в начале 90-х годов привел к разрушению прежней системы финансирования экологической сферы: в условиях большого бюджетного дефицита сократились расходы на природоохранные нужды. В связи с этим был необходим принципиально новый эффективный механизм финансирования природоохранных деятель-

ности не только за счет бюджетных расходов, но и за счет предприятий-загрязнителей. Реализовать этот механизм позволило создание целевых фондов охраны природы.

Второй этап становления системы финансирования в сфере охраны окружающей среды связан с учреждением в 1992г. целевого внебюджетного фонда охраны природы. Этот этап можно также считать началом формирования законодательно закрепленной системы финансирования. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» 1992г. впервые четко определил важнейшие источники финансирования экологических программ и мероприятий по охране окружающей среды:

- республиканский и местные бюджеты;
- средства юридических лиц, добровольные взносы населения, иностранных граждан, а также иных источников;
- республиканский, местные внебюджетные фонды и общественные фонды охраны природы.

Создание внебюджетных фондов охраны природы (республиканского, областных, Минского городского, районных и городских) регламентировала отдельная статья закона (ст.19), в которой определялся порядок их образования и направления использования средств. Тем самым усиливалась значимость фондов как источников финансирования экологической сферы. В развитие этой статьи было принято Постановление Совета Министров от 26 марта 1993г., которым было утверждено Положение о внебюджетных фондах охраны природы в Республике Беларусь.

Создание внебюджетных фондов можно считать ключевым моментом в становлении системы финансирования, поскольку в Республике Беларусь, в отличие от большинства западных стран, целевые фонды охраны природы являются ядром этой системы и основным источником, в котором аккумулируется наибольшее количество финансовых средств, направляемых на цели охраны окружающей среды.

Положительным моментом образования фондов охраны природы является возможность организационного и операционного обособления средств, предназначенных для охраны окружающей среды, что в свою очередь является реальной гарантией против отвлечения данных средств на иные, не связанные с решением экологических проблем, цели.

Однако поскольку внебюджетные фонды охраны природы всех уровней концентрировали немалые денежные ресурсы (так, в 1996г. в фонды республики поступило порядка 880, а в 1997г. – 1327,7 млрд. р.), все чаще поднимался вопрос о консолидации фондов с бюджетами соответствующих уровней в целях усиления государственного контроля за расходованием средств. И в соответствии с Законом «О бюджете Рес-

публики Беларусь на 1998г.» было установлено, что республиканский фонд охраны природы является государственным целевым бюджетным фондом, его средства впервые были включены в состав республиканского бюджета, а территориальных фондов – в состав местных бюджетов.

Постановлением Совета Министров РБ № 530 от 2 апреля 1998г. «О бюджетных фондах охраны природы в Республике Беларусь» было утверждено Положение о порядке формирования и использования средств бюджетных фондов природы в Республике Беларусь на 1998г.

Таким образом, создание государственных целевых бюджетных фондов охраны природы можно считать третьим этапом становления системы финансирования природоохранной деятельности.

Однако с созданием целевых бюджетных фондов охраны природы наметились некоторые противоречия в правовом регулировании экологических фондов, сложившиеся в рамках экологического и финансового законодательства. В экологическом законодательстве – Законе «Об охране окружающей среды» – вплоть до принятия новой редакции в 2002г. в качестве источников финансирования экологических программ и мероприятий указывались внебюджетные фонды охраны природы, тогда как в соответствии с финансовым законодательством – ежегодно принимаемым Законом о бюджете – источниками финансирования являлись государственные целевые бюджетные фонды. Поскольку источники формирования и тех и других фондов были одни и те же, можно утверждать, что фактически внебюджетные фонды перешли в новый правовой статус – целевые бюджетные фонды охраны природы, а Закон «Об охране окружающей среды» требовал внесения изменений, что и было сделано в новой редакции.

Положительным моментом преобразования внебюджетных фондов охраны природы в бюджетные явилось усиление контроля со стороны Государственного налогового комитета за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой поступления средств в бюджетные фонды охраны природы, а также контроля за расходованием этих средств со стороны Министерства финансов и Министерства экономики. Однако вследствие этого усложнился процесс движения средств данных фондов, а это привело к увеличению разрыва между поступлением средств и их использованием, что является недостатком деятельности фондов. Отрицательным моментом данной трансформации является также и то, что функционирование целевых фондов охраны природы в составе бюджетов (республиканского и местных) привело к использованию «природных денег» не только на экологические нужды.

Становление системы финансирования природоохранной деятельности на данном этапе не завершено, поскольку существует необходимость дальнейшего совершенствования данной системы и устранения пробелов в правовом регулировании. Необходимо более четкое определение правового статуса природоохранных фондов, а также разграничение функций между фондами различных уровней, бюджетными и иными источниками финансирования экологической сферы. На современном этапе в виду становления рыночных отношений необходимо обеспечить экономическую заинтересованность предприятий в увеличении доли собственных средств и привлечении инвестиций в финансирование охраны окружающей среды.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А. В. Иксанова

Вопрос ответственности независимо от вины в гражданском праве представляет собой особую сложность и дискуссионность. Речь идет как минимум о трех проблемах:

1. Является ли данная правовая конструкция ответственностью?
2. Если да, то каково ее субъективное основание?
3. Каковы мотивы установления такой ответственности?

Наличие ответственности независимо от вины в некоторых договорных и деликтных обязательствах является важной особенностью гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от других видов юридической ответственности, хотя не все ученые признавали и признают существование первой. Так, по мнению О.А. Красавчикова речь в таких случаях идет не о мере гражданско-правовой ответственности, а особой правовой форме восстановления имущественного положения потерпевшего [1].

На наш взгляд, безвиновная ответственность соединяет в себе все специфические свойства, характерные для ответственности по гражданскому праву. Налицо как общие (кроме государственного принуждения нужно ориентироваться на ее сущность – неблагоприятные имущественные последствия), так и специальные, признаки гражданско-правовой ответственности, которые делают ответственность без вины разновидностью последней, а не возложением обязанности возместить невиновно причиненные убытки. Кроме того, следует отметить, что на сегодняшний день позиция законодателя нашла закрепление в ст.372 ГК Республики Беларусь [2], предусматривающей наряду с гражданско-правовой ответственностью по началу вины (п.1) ответственность независимо от вины

(п.3), тем самым, подтверждая то, что последняя является разновидностью гражданско-правовой, а, следовательно, юридической ответственности. Такая ответственность закреплена применительно как к договорным, так и внедоговорным обязательствам.

Что касается зарубежной цивилистики, в частности Германии, то, как отмечает Вольфганг Фикенчер, начиная с работы Эссера 1969 года, в ответственности независимо от вины начали видеть самостоятельный позитивный принцип гражданско-правовой ответственности [3].

Однако если это ответственность, то каково ее субъективное основание? На первый взгляд, это ответственность, которая наступает только при наличии объективных условий. Однако нельзя отрицать связь последствий с психикой субъекта. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии, представляется возможным, поддержать позицию ученых, признающих, что этим основанием является субъективный риск [4] как психологическое отношение субъекта к результату собственных действий или действий других лиц, а также к результату объективно-случайных либо случайно-невозможных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозможных имущественных последствий [5]. Таким образом, безвиновная ответственность – это вовсе не объективная ответственность, а ответственность на началах субъективного риска. Более того, анализируя понятие ответственности без вины, необходимо отметить, что такая ответственность является повышенной по субъективному основанию, поскольку лицо отвечает за то, чего оно не могло и не должно было предвидеть, то есть "за такое поведение, которое нельзя поставить в упрек этому лицу" [6].

Определенную и немалую сложность представляет вопрос обоснования ответственности независимо от вины. Ряд авторов доказывают установление такой ответственности применительно к деликтным обязательствам ее стимулирующей функцией [7]. Некоторые ученые приводят дополнительные доводы, акцентируя внимание на интересах потерпевшего [8], другие ссылаются также и на трудность установления вины деликвента [9]. Высказано суждение и о том, что причины введения гражданско-правовой ответственности независимо от вины неодинаковы в договорных и внедоговорных обязательствах [10].

Интересно, что немецкие цивилисты в качестве обоснования ответственности независимо от вины приводят такие доводы, как выравнивание имущественного положения [11], распределение рисков [12] и др.

Надо полагать, как отмечалось выше, все действительно зависит от характера обязательства, за нарушение которого установлена ответственность независимо от вины. Возможно, целью введения такой ответст-

венности является необходимость усилить фактор стимулирования в определенной области общественных отношений. Так, например, для того, чтобы обеспечить стабильность отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности, побудить предпринимателей к большей активности и предприимчивости, служит норма, закрепленная в п.3 ст.372 ГК Республики Беларусь. В обязательствах из причинения вреда источником повышенной опасности ответственность без вины установлена потому, что сама деятельность этого источника представляет опасность для окружающих, из которой его владелец извлекает выгоду и вследствие этого несет соответствующий риск.

Однако безвиновная ответственность не безгранична. Общим основанием освобождения от такой ответственности является непреодолимая сила (п.3 ст.372 ГК Республики Беларусь). Для отдельных видов обязательств в ГК Республики Беларусь особо оговорен круг обстоятельств, освобождающих от ответственности независимо от вины: чаще всего он расширен по сравнению с п.3 ст.372 ГК Республики Беларусь (п. 2 ст. 446, п.1 ст.791, ч.3 п.3 ст.812, п. 1 ст.948, ст. 967 ГК Республики Беларусь), он может быть иным (п.2 ст. 700 ГК Республики Беларусь), либо в статье вообще может не иметься указания на такие обстоятельства, т.е. такая ответственность максимально повышена по субъективному основанию (ст. 376, ст. 939, ст. 969 ГК Республики Беларусь).

Отметим, что предусматривая ответственность независимо от вины, законодатель ни в коем случае не исключает ответственность на началах вины. О.А.Красавчиков, отмечал, что, говоря о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, следует, конечно, иметь в виду, что возмещение такого вреда в подавляющем большинстве случаев является мерой ответственности за виновное причинение вреда [1]. Такое положение подтверждается и судебной практикой, поскольку чаще всего суды сталкиваются с виновными действиями причинителя вреда. Правильно отмечал В.А.Тархов, что здесь происходит смешение терминов, и ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, является ответственностью не без вины, а независимо от вины, ведь в большинстве случаев такой вред причиняется в результате виновных действий лиц, эксплуатирующих такие источники [13]. Поэтому следует разграничивать ответственность за вину, ответственность без вины и ответственность независимо от вины, включающую в себя и первую, и вторую. Следовательно, мы получаем повышенную ответственность: и за виновное поведение, и за случай.

Таким образом, по нашему мнению, необходимо учитывать самостоятельный характер гражданско-правовой ответственности независимо

от вины (но не обязанности по возмещению причиненного вреда), в широком смысле, «включающей» в себя виновную ответственность и ответственность без вины (имеющую основанием субъективный риск).

Литература

1. *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М., 1966. – С. 137, 149.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. 1999. №7–9. Ст.101; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 2–190; 2001. № 2–750; 2002. № 2–828, № 2–853; № 2–862; № 2–877; № 2–897; 2003., № 2–932.
3. *Fikentscher, Wolfgang.* Schuldrecht. 9. Aufl. Berlin; N. Y. 1997. S. 806.
4. *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 77.
5. *Ойгензихт В.А.* Категория риска в советском гражданском праве// Правоведение. 1971. №5; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М. 1976; *Басин Ю.Г.* Субъективный фактор в основании гражданско-правовой ответственности за нарушение хозяйственной дисциплины // В кн.: Актуальные проблемы гражданского права. Свердловск, 1986 и др.
6. *Романович А.Н.* Имущественная ответственность за невыполнение государственного плана перевозки грузов по железным дорогам. Мн. 1971. С. 47.
7. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л. 1955; *Антимонов Б.С.* Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М. 1952; *Гавзе Ф.И.* Возмещение вреда, причиненного механизированным транспортом. Мн., 1988; *Собчак А.А.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юр. наук. Л. 1964; *Белякова А.М.* Возмещение причиненного вреда. М. 1972 и др.
8. *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. Киев. 1955; *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах. Л. 1983.
9. *Мальцман Т.Б.* Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Канд.дисс. М. 1948. С. 66.
10. *Романович А.Н.* Транспортные правоотношения. Мн. 1984; *Белякова А.М.* Возмещение причиненного вреда. М. 1972.
11. *Saemmerer, Ernst von.* Reform der Gefährdungshaftung. München. 1971 S. 15; *Deutsch Erwin.* Allgemeines Haftungsrecht. 2. Aufl. Köln. Berlin. Bonn. München. 1996. S. 407; *Heck, Philipp.* Grundriß des Schuldrechts. Tübingen, 1929. S. 460; *Weyers, Hans-Leo,* Unfallschäden Praxis und Ziele von Haftpflicht – und Versorgungssystemen. Athenaüm. Frankfurt. 1971. S.77 и др.
12. *Larenz/Canaris.* Lehrbuch des Schuldrechts, Band II: Besonderer Teil, 2. Halbband. 13. Aufl. München. 1994. S.374.
13. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов. 1973. С. 90.

НАБЫЦЦЁ СТАТУСА АДВАКАТА Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ І РАСІЙСКОЙ ФЕДЭРАЦЫІ. ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ

В. А. Канапацкая

У канцы 80х – пачатку 90х гадоў ХХ ст. пачаліся глыбокія палітычныя і сацыяльна-эканамічныя рэформы ў краінах-былых удзельніцах саюза ССР. Гэта абумовіла неабходнасць унясення зменаў і ў арганізацыю і дзейнасць адвакатуры. Новы этап у развіцці беларускай адвакатуры быў адкрыты Законам Рэспублікі Беларусь ад 15 чэрвеня 1993г. «Аб адвакатуры», уведзеным у дзеянне з моманту яго апублікавання. Больш за дзесяць гадоў здзяйсняліся беспаспяховыя спробы прыняць закон аб адвакатуры ў Расійскай Федэрацыі. Але ўвесь гэты час там дзейнічала Палажэнне аб адвакатуры, прынятае ў самым пачатку 80-х гадоў. Дзіўная склалася сітуацыя: нарматыўны акт дзейнічаў, а рэальнае жыццё ішло як бы апрача яго. Федэральны закон «Аб адвакацкай дзейнасці і адвакатуры ў Расійскай Федэрацыі» быў прыняты толькі 31 траўня 2002 г.

Параўноўваючы сучаснае беларускае і расійскае заканадаўства аб адвакатуры, трэба адзначыць, што ў абедзвюх дзяржавах ёсць несумненныя поспехі ў рэфармаванні гэтага інстытута. Але ўяўляецца, што закон «Аб адвакацкай дзейнасці і адвакатуры ў Расійскай Федэрацыі» адрозніваецца лепшай тэхнічнай распрацаванасцю. Варта ўзгадаць, што ён змяшчае шмат важных палажэнняў аконт Кваліфікацыйнай камісіі і парадку здачы кваліфікацыйнага экзамена. Па гэтых пытаннях беларускі закон спасылаецца на падзаконныя акты. І нават само вызначэнне паняцця «адвакат», як уяўляецца, даецца больш удала. У беларускім законе вызначэнне тэрміна «адвакат Рэспублікі Беларусь» даецца ў 7 артыкуле, дзе разам з тым знаходзяцца патрабаванні да прэтэндэнта на набыццё статусу адваката. У расійскім законе вызначэнне тэрміна «адвакат» даецца ў артыкуле 2, а патрабаванні да прэтэндэнта – у артыкуле 9 «Набыццё статусу адваката». Як відаць, вызначэнне паняцця «адвакат» раскрываецца не толькі праз патрабаванні да яго, але робіцца акцэнт на тым, што гэта незалежны дарадчык па прававых пытаннях, прыводзяцца некаторыя паўнамоцтвы адваката, якія падрабязней раскрываюцца ў арт.6, закранаюцца пытанні допуску адвакатаў замежных краін да аказання юрыдычных дапамогі на тэрыторыі Расійскай Федэрацыі.

Параўноўваючы нормы аб патрабаваннях да прэтэндэнтаў на набыццё статусу адваката законаў Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі, можна знайсці наступныя падабенствы:

- прэтэндэнты павінны мець вышэйшую юрыдычную адукацыю;
- стаж работы па юрыдычнай спецыяльнасці або прахаджэнне стажыроўкі;
- здача кваліфікацыйнага экзамена;
- да заняцця адвакацкай дзейнасцю не дапускаюццасобы, прызнаныя ва ўсталяваным заканадаўствам парадку недзеяздольнымі або абмежавана дзеяздольнымі.

Але характарызуючы законы Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі аб адвакатуры, можна прыйсці да высновы, што ў плане дэмакратычнасці нормаў аб допуску да адвакацкай дзейнасці расійскі закон адрозніваецца большай дасканаласцю. Гэта тычыцца і магчымасці набыцця статусу адваката замежнымі грамадзянамі і асобамі без грамадзянства, і замацавання нормы аб нядопуску да адвакацкай дзейнасці асобамі, якія маюць непагашаную або не знятую судзімасць за ўчыненне наўмыснага злачынства, а не асобамі, якія раней учынілі наўмысныя злачынствы, як гэта замацавана ў беларускім законе, і правіла бястэрміновага набыцця статусу, у адрозненне ад беларускай нормы аб дзеянні ліцэнзіі на працягу пяці гадоў. Але сам факт наяўнасці ў Рэспубліцы Беларусь ліцэнзіравання адвакацкай дзейнасці лічу даволі прагрэсіўнай з'явай.

Некаторыя аўтары, у прыватнасці Д. Е. Зелянеўскі, лічаць, што ўсталяванае айчынным заканадаўствам патрабаванне – наяўнасць грамадзянства Рэспублікі Беларусь – нельга расцэнваць як дыскрымінацыйнае [3, с.48], што таксама адзначаецца ў міжнародных дакументах. Але вядомы расійскі адвакат М.Ю. Баршчэўскі прытрымліваецца іншага погляду: «Мы свядома апускаем дэфініцыю «грамадзянін Расійскай Федэрацыі», паколькі, з нашага пункту гледжання, няма нейкіх відавочных прычын «апрыоры» пазбаўляць магчымасці асобаў без грамадзянства, грамадзян СНД, якія пастаянна пражываюць на тэрыторыі Расіі, а магчыма, і грамадзян «дальняга замежжа» (пры пэўных умовах) права на заняцце адвакацкай дзейнасцю на тэрыторыі Расіі. Іншая справа, што стаж работы, наяўнасць спецыяльнай адукацыі, здача экзамена, атрыманне ліцэнзіі – гэта ўжо ўмовы, абавязковыя для ўсіх» [1, с.66–67].

Нягледзячы на некаторае ўдакладненне першапачаіковага тэкста артыкула 10 Закона аб адвакатуры Рэспублікі Беларусь Законам ад 6 ліпеня 1998 г. ранейшае здзяйсненне няўмыснага злачынства як падстава для нядопуску да адвакацкай дзейнасці, на думку некаторых аўтараў [4, с.113], сфармулявана недастаткова карэктна, без уліку такіх прын-

цыпаў крымінальнага права, як справядлівасць і гуманізм. Бо ўзнікае пытанне: а калі з моманту здзяйснення, скажам, мелкай кражы або знявагі, прайшло дваццаць гадоў, мера пакарання была ўмоўнай, судзімасць знята ці пагашана, меў месца акт амністыі, або закон, па якім быў асуджаны грамадзянін, страціў сілу, і дзеянне перастала быць крымінальна каральным? Ва ўсіх гэтых выпадках, як уяўляецца, няма ніякіх падстаў пазбаўляць грамадзяніна права працаваць адвакатам[1, с.117]. Гэта тым больш прынцыпова, калі ўлічыць, што пералічаныя ў Законе падставы абмежавання допуску да адвакацкай дзейнасці распаўсюджваюцца не толькі на асобаў, якія маюць неабходны стаж работы па спецыяльнасці юрыста і жадаюць здаць кваліфікацыйны экзамен з мэтай атрымання ліцэнзіі на права займацца адвакацкай дзейнасцю, але і на стажораў, памочнікаў адвакатаў. Варта адзначыць, што ў праекце расійскага закона аб адвакатуры першапачаткова ўтрымлівалася патрабаванне нездзяйснення ганебных учынкаў. Але, як відаць, расійскі заканадаўца адмовіўся ад яго.

Можна адзначыць, што прэтэндэнты на атрыманне статуса адваката ў Расійскай Федэрацыі карыстаюцца большымі гарантыямі. У пацверджанне дастаткова адзначыць, што прэтэндэнт можа звяртацца ў суд і калі яму адмаўляюць у допуску да кваліфікацыйнага экзамена (пры ўмове адпаведнасці патрабаванням, пералічаным у п.п. 1 і 2 арт. 10 Закона аб адвакацкай дзейнасці), і пасля яго здачы, і пры неўнясенні звестак аб адвакаце ў рэгіянальны рэестр альбо нявыдачы адвакату пасведчання. У Рэспубліцы Беларусь можна абскардзіць у суд толькі нявыдачу ліцэнзіі Міністэрствам юстыцыі.

У сувязі з гэтым можна прапанаваць некаторыя меры па дасканаленні айчыннага заканадаўства па пытанні набыцця статуса адваката. Гэта, перш за ўсё, змяненне нормы аб нядопуску да адвакацкай дзейнасці асобаў, якія раней здзейснілі наўмысныя злачынствы, на норму аб нядопуску да гэтай дзейнасці асобаў, якія маюць непагашаную або не знятую судзімасць.

Па-другое, скасаваць патрабаванне наяўнасці грамадзянства пры допуску да адвакацкай дзейнасці.

Па-трэцяе, вярнуць раней дзейнічаўшую норму аб бястэрміновай выдачы адвакацкіх ліцэнзій.

Па-чацвёртае, прадугледзець больш гарантый для прэтэндэнтаў пры здачы кваліфікацыйнага экзамена, атрымання ліцэнзій і пасведчанняў.

Па-пятае, прапаную ўвесці прысягу адваката. Гэта тым больш мэтазгодна, калі ўлічыць, што ў нашай рэспубліцы ўжо існуюць прысягі суддзі і натарыуса.

Канешне, шлях да дасканаласці бясконцы. І ўлічваючы велічыню важнасці існавання і дзейнасці адвакатуры ў любой краіне, вялікую адказнасць, якую ўскладаюць на сябе тыя, хто абараняе правы і законныя інтарэсы чалавека ў судзе, дасканаленне заканадаўства аб адвакатуры таксама набывае надзвычайную важнасць. Бо, як адзначыў Міністр юстыцыі В. Г. Галаванаў, «Адвакатура – барометр сталасці грамадства. Па тым, як развіваецца інстытут адвакатуры, па яго месцы і ролі ў грамадстве, яго магчымасцях, уменні забяспечваць юрыдычную дапамогу грамадзянам і юрыдычным асобам мяркуюць аб тым, у якой ступені дзяржава прыхільна прынцыпам дэмакратыі, гуманізма, наколькі поўна і ўсебакова забяспечваюцца правы і свабоды чалавека» [2, с.8–10].

Літаратура

1. *Барцевский М.Ю.* Организация и деятельность адвокатуры в России. Научно-практическое пособие. М. Юристъ. 1997. 320 с.
2. *Голованов В.Г.* Международное законодательство и реализация права граждан Беларуси на юридическую помощь.// Юстыцыя Беларусі. 1998. №3. с.8–10.
3. *Зеленевский Д.Е.* Приобретение статуса адвоката в соответствии с законодательством Республики Беларусь.// Право Беларуси. 2003. № 21 (45). с. 48.
4. *Мартинович И.И.* Адвокатура Беларуси: история и современность // И.И. Мартинович. Мн. Тесей. 2002. 176 с.

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. Н. Конюшко

В настоящее время доминирующим подходом к пониманию такой сложной категории как административная ответственность является, так называемый, «наказательный» подход. Он сводит административную ответственность к наказанию, санкции, фактически отождествляя их. Можно выявить две основные точки зрения по этому поводу, господствующие в литературе. Первая точка зрения административную ответственность определяет как реакцию государства на правонарушение, реализацию санкции нарушенной нормы права (Д.А. Гавриленко, Д.М. Овсянко, Л.Л. Попов и др.). Вторая позиция определяет ее как обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия в результате совершения правонарушения (О.Э. Лейст.).

Обе группы авторов, отстаивающие их, соглашаются, что административная ответственность является сложным правоотношением, что связано с административным принуждением. Нельзя не признать правильность этих утверждений. Однако авторы описывают административную

ответственность лишь частично, анализируя одну ее часть и представляя ее как всю ответственность в целом.

Представители первого подхода сводят административную ответственность к реакции государства. Но реакция может быть выражена по-разному и не все эти способы выражения будут ответственностью. Представители второго подхода выделяют заключительную часть ответственности, сводя ее к наказанию.

Таким образом, административная ответственность – это в первую очередь реакция государства, она выражена в «оценке» государством правонарушения и личности правонарушителя. К.С. Бельский называет ее отрицательной. Хотя лучше ее назвать правовой, т.к. именно на основе норм права государство оценивает вред, причиненный ему и обществу. А уже на основе этой оценки государство, в лице его компетентного органа, реализует санкцию нормы права (норм права), накладывает на виновное лицо обязанность претерпевать неблагоприятные последствия. Таким образом, ответственность материализуется в применении санкции (санкций), но применяется эта санкция к виновному лицу и на основе правовой оценки, предшествующей наказанию.

Именно в результате этой оценки компетентный государственный орган устанавливает: виновно ли подозреваемое лицо, в какой мере и какая санкция последует и в каком размере она подлежит исполнению.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что административная ответственность – это правовая оценка государства правонарушения и личности правонарушителя, материализующаяся в применении санкции к виновному лицу.

СУБЪЕКТЫ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ

А. А. Костузик

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК), как и другие акты трудового законодательства, крайне неполно освещают вопросы локального регулирования. Касаясь локальных нормативных актов в сфере трудовых и связанных с ними отношений в целом, давая их определение в статье 1 ТК и перечисляя в статье 194 ТК виды локальных нормативных актов, законодатель не определяет конкретно субъектов локального регулирования. Единственным видом локальных нормативных актов, получившим подробное освещение в ТК, является коллективный договор. Статья 363 ТК называет стороны коллективного договора. Ими являются

работники организации в лице их представительного органа и наниматель или уполномоченный им представитель.

По нашему мнению, субъектами локального нормативного регулирования следует признать работников и нанимателя. От лица работников может выступать создаваемый ими представительный орган. Однако, на наш взгляд, законодателем не до конца решен вопрос о том, какие именно органы кроме профсоюза могут создавать работники для этих целей.

Исходя из специфики локального регулирования, один конкретный работник непосредственно не может быть субъектом локального регулирования, поскольку, локальные акты не являются актами индивидуального применения, распространяются на всех членов трудового коллектива либо на определенную их категорию и принимаются не от лица одного работника, а в интересах группы работников. Статья 363 ТК рассматривает в качестве стороны коллективного договора именно работников организации (коллективный субъект) в лице их представительного органа. Соответственно субъектом локального регулирования являются работники организации, а непосредственно в разработке и принятии локальных нормативных актов от их лица участвует представительный орган работников.

Отдельно следует коснуться категории работников, не входящих в профсоюз. Согласно статье 5 ранее действующего Закона «О коллективных договорах и соглашениях», который утратил силу в связи принятием нового Трудового кодекса, в случае, если у нанимателя работало более 50 % работников – не членов профсоюзов, от имени этих работников стороной коллективного договора мог быть создаваемый ими орган. На данном этапе работники, не входящие в профсоюз, фактически отстранены от участия в локальном нормотворчестве. Чтобы избежать подобного рода попыток ограничить права работников, логичным представляется изложение статьи 365 ТК РФ в предложенной Л. В. Солонской редакции: «Коллективный договор распространяется на нанимателя и всех работающих у него работников независимо от их членства в профсоюзе. Работники, не желающие распространять на себя действие коллективного договора, письменно уведомляют об этом нанимателя» [1].

Согласно статье 1 ТК наниматель – это юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником. Ряд ученых, в том числе А. М. Лушников, М. В. Лушникова, считают возможным рассматривать в качестве нанимателя не только само юридическое лицо, но и его обособленные подразделения (филиалы, представительства), не являющиеся юридическими лицами. Данная точка зрения представляется нам спор-

ной. Применительно к проблематике локального нормотворчества можно отметить, например, по поводу коллективного договора, что согласно статье 361 ТК он может заключаться и в обособленном подразделении, но по вопросам, относящимся к компетенции этих подразделений. Одной из сторон данного коллективного договора все равно будет являться наниматель, то есть само юридическое лицо. Законодательством не установлены ограничения на число коллективных договоров, заключаемых с одним нанимателем.

Что касается физических лиц, то они могут выступать в качестве нанимателей, являясь:

- индивидуальными предпринимателями, заключающими трудовые договоры со своими работниками;
- гражданами, не являющимися индивидуальными предпринимателями и заключающими трудовой договор с домашними работниками.

Тем не менее, что касается данной категории нанимателей – физических лиц, то исходя из специфики регулирования труда домашних работников (глава 26 ТК), локальные нормативные акты в этой сфере на практике почти не функционируют. Согласно статье 312 ТК рабочее время и время отдыха домашних работников регулируется по договоренности между сторонами. Трудно себе представить, что наниматель будет «отягощать» себя составлением и оформлением каких-либо локальных актов для своей уборщицы, няни или горничной, когда ему проще и быстрее оговорить это устно или в трудовом договоре с каждым из домашних работников.

Ранее ряд авторов, в том числе С. И. Архипов [2], расширяли круг субъектов локального регулирования до трех, выделяя в две отдельные группы трудовой коллектив и профсоюзные организации. На наш взгляд, само понятие «трудовой коллектив» неприменимо в качестве обозначения субъекта, участвующего в разработке и принятии локальных нормативных актов. Трудовой коллектив – это, по сути, все работники данной организации. Возникает вопрос, входит ли в трудовой коллектив, например, руководитель организации, как лицо, работающее в организации по трудовому договору (контракту), учитывая, что руководитель выступает при принятии локальных нормативных актов в качестве уполномоченного должностного лица нанимателя.

Литература

1. Солонская Л.В. «О сфере действия коллективного договора» \ \ Промышленно-торговое право. 2003. №3.
2. Архипов С.И. «Понятие и юридическая природа локальных норм права» \ \ Правоведение. 1987. №1. с. 29.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. С. Коханская

Конституционный контроль – осуществляемая государственными органами деятельность, направленная на обеспечение соответствия конституции государства законов и иных нормативных правовых актов [5, с. 309]. Контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве возложен на Конституционный Суд Республики Беларусь 1, ч. 1 ст. 116]. Он является специализированным, судебным, централизованным, последующим, абстрактным, факультативным, решающим (по крайней мере, это касается решений по существу), по содержанию как формальным, так и материальным.

Конституционный Суд, будучи важным элементом политической системы, служит обеспечению политической стабильности, развитию политических процессов в установленных Конституцией рамках. При этом, однако, политическая функция Суда может и должна осуществляться только в форме судебного разбирательства. Именно в этом случае позиция Суда в качестве арбитра, посредника или миротворца имеет правовое значение и влечет юридические последствия, обязательные для сторон конституционного спора [6, с. 126].

В этом смысле в Федеральном Конституционном Законе о Конституционном Суде Российской Федерации изложена верная позиция о том, что Конституционный Суд является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства [3, с. 1]. Конституционный Суд вносит коррективы в правовую систему, признавая нормативный правовой акт не соответствующим Конституции, таким образом, расширяя или ограничивая пределы конституционно-властных отношений. Данное воздействие является незаменимым способом выстраивания в иерархическую зависимость всех источников права, прежде всего, нормативных правовых актов, что является реализацией одного из ключевых требований принципа конституционной законности [4, с. 108].

Кроме основного субъекта правоотношений по осуществлению судебного конституционного контроля (Конституционного Суда) можно выделять дополнительных субъектов данных правоотношений – лиц, наделенных правом инициировать возбуждение конституционного судебного процесса. Для проверки конституционности нормативных правовых

актов органов республиканского уровня и вынесения заключения необходимо, чтобы в Конституционный Суд обратились указанные в Конституции лица [1, ч. 4 с. 116]. Кроме того, решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, ограничивающие или нарушающие права, свободы и законные интересы граждан и носящие нормативный характер, могут быть обжалованы в Конституционный Суд [1, ч. 4 с. 122].

Основным объектом судебного конституционного контроля следует считать соответствие нормативных правовых актов, принимаемых уполномоченными органами, положениям и принципам Конституции Республики Беларусь. Дополнительным объектом судебного конституционного контроля является соответствие Конституции Республики Беларусь определенных действий палат Парламента. В качестве дополнительного объекта судебного конституционного контроля необходимо выделять и соответствие Конституции пробелов в нормативном регулировании общественных отношений.

Предметом судебного конституционного контроля, то есть частью материальной действительности, непосредственно по поводу которой складываются правоотношения в области осуществления судебного конституционного контроля, являются нормативные правовые акты, подлежащие рассмотрению на предмет соответствия их Конституции.

Конституционный Суд Республики Беларусь осуществляет следующие основные полномочия, соответствующие его природе:

- рассмотрение нормативных правовых актов на предмет соответствия их Конституции (абстрактный конституционный контроль) и объявление данных актов не имеющими юридической силы;
- рассмотрение вопросов конституционности нормативных правовых актов по инициативе отдельных граждан, выраженной посредством конституционной жалобы, в связи с нарушением их конституционных прав (конкретный конституционный контроль);
- казуальное последующее разрешение споров о компетенции между высшими органами государства;
- казуальное толкование положений Конституции;
- последующее рассмотрение международных договоров и соглашений на предмет соответствия их Конституции;
- принятие решений, обязывающих законодателя или высшие судебные органы устранить нарушения конституции либо издать акты, обеспечивающие реализацию конституционных прав и свобод;

- рассмотрение по предложению Президента вопроса о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции.

Полномочия Конституционного Суда реализуются посредством принятия им своих решений. Решением Конституционного Суда является любой акт, принимаемый в его заседании [2, ч. 1 с. 36]. Решения Конституционного Суда можно подразделить на решения по существу, отражающие различные формы осуществления судебного конституционного контроля, и решения, принимаемые по организационно-техническим вопросам. На основании норм действующего законодательства решения Конституционного Суда по существу подразделяются на три вида:

1. Заключение Конституционного Суда, такие как: заключения о соответствии нормативных правовых актов Конституции; заключения о пересмотре ранее вынесенных заключений; заключения о толковании ранее вынесенных заключений; заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции Республики Беларусь. Заключения занимают центральное место среди актов Конституционного Суда. Конституционный Суд принимает решения в виде заключений в случаях, прямо предусмотренных законом [2, с. 5]. Что касается пересмотра и толкования актов Конституционного Суда, то ревизионный или интерпретационный акты должны обладать такой же юридической силой, что и акты, подлежащие пересмотру или толкованию.

2. Послания Конституционного Суда о состоянии конституционной законности. Конституционный Суд ежегодно направляет Президенту Республики Беларусь и палатам Парламента Республики Беларусь послание о состоянии конституционной законности в республике, основываясь на изученных и рассмотренных материалах [2, ч. 4 с. 36].

3. Решения Конституционного Суда, такие как: решения, разъясняющие определенные юридически значимые вопросы и излагающие правовые позиции Конституционного Суда; решения, содержащие предложения государственным органам о внесении изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, о принятии новых актов; решения о пересмотре ранее вынесенных решений; решения о толковании ранее вынесенных решений.

Правовые позиции представляют собой систему выводов и аргументов, выявленных в ходе рассмотрения им конкретных дел и имеющих как общий характер (то есть необходимых для рассмотрения последующих

дел), так и обязательный (то есть обладающих той же юридической силой, что и решения Конституционного Суда). Правовые позиции Конституционного Суда являются основой для корректировки законодательства, изменения практики его применения.

Особое значение имеют юридические последствия: решение Конституционного Суда окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами или должностными лицами. Юридическая сила решения о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

В зависимости от действия юридических последствий во времени решения Конституционного Суда можно подразделить на действующие *ex tunc*, то есть решение о несоответствии нормативных правовых актов Конституции распространяется только на будущие правоотношения, в то время как прежние правовые последствия остаются в силе, и действующие *ex tunc*, то есть решение имеет обратную силу и нормативный правовой акт, признанный несоответствующим Конституции, считается недействительным со времени вступления его в законную силу (таким образом, правоотношения, сложившиеся на основании такого акта, подлежат пересмотру).

Литература

1. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп.) / Принята на респ. референдуме 24 ноября 1996. Мн. Беларусь/ 1997. 92 с.
2. Закон Республики Беларусь о Конституционном Суде Республики Беларусь от 30 марта 1994. № 2914–ХІІ (в ред. Законов Республики Беларусь от 03.03.1995 № 3634–ХІІ, от 06.02.1997 № 1–3, от 07.07.1997 № 51–3, от 16.06.2000 № 401–3, от 04.01.2003 № 183–3).
3. Федеральный Конституционный Закон о Конституционном Суде Российской Федерации от 21 июля 1994 г. (в ред. ФКЗ от 08.02.2001 №1–ФКЗ, от 15.12.2001 №4–ФКЗ).
4. *Василевич Г.А.* Усиление конституционного контроля – важнейший фактор построения правового государства // Государственно-правовое строительство в Республике Беларусь в контексте европейских правовых процессов: Материалы междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2004. С. 105–108.
5. Конституционное право: Энциклопедический словарь / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Норма-Инфра М. 2001. 678 с.
6. *Кряжков В.А.* Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации: проблемы организации и деятельности // Государство и право. 1995. N 9. С. 126.

МОДЕЛИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Д. С. Кравченко

В современных условиях набор работающих механизмов государственного регулирования инвестиций, достаточно ограничен. Поэтому необходимо знать какие институты, и в каких конкретных обстоятельствах будут работать, а какие окажутся неэффективными. В подобной ситуации ценным оказывается исторический опыт государственной политики регулирования инвестиций, который указывает на существование моделей, объединяющих несколько механизмов. Согласно одной из точек зрения можно выделить три модели инвестиционной политики, которые избирают основным принципом тот или иной аспект стимулирования инвестиций [1, с. 219].

В первой модели акцент делается главным образом на налоговых стимулах для частных инвестиций. Во втором варианте акцент делается на государственном финансировании частных проектов. В третьей модели основным становится преодоление, недостатков координации и создание механизмов для согласования решений частных инвесторов; государство только создает необходимую инфраструктуру и поощряет вложения в человеческий капитал.

Условно назовем первую модель «американской», вторую – «японской» и третью – «тайваньской». Приводимая классификация представляет собой попытку систематизировать опыт стран с рыночной экономикой. Важно то, что все эти модели оказались достаточно успешными, поэтому рассмотрение условий их реализации необходимо для выработки адекватной стратегии инвестиционной политики в переходных экономиках.

В рамках американской модели ключевая роль в государственной инвестиционной политике отводится налоговым инструментам. Кроме этого, осуществляется последовательная либеральная макроэкономическая политика, направленная на стабилизацию, которая достигается с помощью рыночных инструментов цен и процентных ставок. Банкам в рамках этой системы отводится подчиненная роль. Ключевым механизмом контроля за эффективностью распределения инвестиционных ресурсов оказывается фондовая биржа. Государство осуществляет координационную деятельность путем сбора, анализа и распространения качественной экономической информации о состоянии и прогнозе развития экономики. Оно также осуществляет и инвестиции в инфраструктуру по мере необходимости, но эти инвестиции лишь в исключительных случаях становятся элементами общеэкономической стратегии («новый курс» Рузвельта). При наличии необходимых предпосылок модель обеспечива-

ет эффективное распределение инвестиционных ресурсов. Недостатком модели можно считать отсутствие специальных стимулов к сбережению и невозможность резкого увеличения накопления.

Японская модель строится на активном партнерстве между государством и частными инвесторами. Государство использует контроль над банковской сферой и самостоятельно мобилизует сбережения населения, предоставляя эти средства на льготных условиях корпорациям в обмен на сотрудничество и неукоснительное соблюдение принятых на себя обязательств. Инвестиции в инфраструктуру прямо координируются с нуждами конкретных частных фирм. Роль координатора берут на себя организуемые государством консультативные советы. Необходимым условием реализации модели является сильный частный сектор и сильное государство с эффективным аппаратом. Преимуществом модели является возможность мобилизации существенных средств на эффективные инвестиции. Недостатком становится политизация процесса планирования инвестиций и возможное нежелательное изменение ключевых денежно-кредитных параметров, а так же коррупция.

Наконец тайваньская модель сочетает ряд инструментов японской и американской модели. Однако главным является создание государством частных механизмов координации инвестиционных решений. Модель опирается на то, что частные фирмы, работающие на экспорт, наилучшим образом знают рынок и потенциал инвестиционных проектов. Вокруг этих фирм образуется сеть поставщиков, которые естественным образом координируют свои планы с «головной» компанией. Задача государства – активно поддерживать эти группы, а также через финансирование проектно-конструкторских бюро, агентств по техническому обслуживанию и научных лабораторий обеспечивать равный доступ всех участников сети к новейшим технологиям и их равноправное участие в разработке нового продукта и инвестиционных планов. Ключевым звеном и залогом успеха является, таким образом, экспортный «тест». Успешное его прохождение открывает доступ к льготным кредитам.

Таким образом, ключевым фактором для реализации эффективных моделей инвестиционной политики является создание целого ряда институтов, необходимых для формирования благоприятного инвестиционного климата. Одновременно, любая успешно действующая модель опирается на фундамент рыночной системы и наиболее полным образом использует сильные стороны национальной экономики.

Литература

1. Албегова И. М., Емцов Р. Г., Холопов А.В. Государственная экономическая политика / М. Дело и Сервис. 1998.

ОСОБЕННОСТИ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ВЛЕКУЩИХ КОНФИСКАЦИЮ ИМУЩЕСТВА

Л. Н. Лисица

В Республике Беларусь сложилась система государственных органов, наделенных правом разрешать дела об экономических правонарушениях, совершенных субъектами предпринимательской деятельности. К ним, в частности, относятся хозяйственные суды Республики Беларусь, Комитет государственного контроля и его территориальные органы, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь и его территориальные органы и т.д. Одной из таких категорий дел являются дела об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества. Указ Президента Республики Беларусь №288 от 06.06.2002г. «О порядке рассмотрения хозяйственными судами дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества» (далее – Указ №288) устанавливает исключительную подведомственность данной категории дел хозяйственным судам Республики Беларусь [2].

Общие правила подведомственности дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества, закреплены в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) [3] и Указе №288. Вместе с тем, при определении подведомственности таких дел возникают вопросы как теоретического, так и практического характера.

В теории гражданского процессуального права выделяется классификация подведомственности в зависимости от характера дел. [4, с. 4] Применительно к видам хозяйственного судопроизводства можно выделить подведомственность дел искового производства, дел приказного производства, дел об экономической несостоятельности (банкротстве) и т.д. С принятием Указа №288 можно выделить подведомственность дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества. Несмотря на то, что указанные дела отнесены ХПК лишь к отдельной категории дел, обладающих процессуальными особенностями их рассмотрения, Указ №288 фактически установил новый вид судопроизводства в хозяйственном процессе. Так, дела об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества, имеют собственную материально-правовую природу, характеризуются самостоятельными средствами и способами защиты прав и интересов, а также процессуальными особенностями их рассмотрения и разрешения.

Исходя из ХПК и Указа №288, можно выделить следующие критерии подведомственности дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества:

1. Общие критерии:

- наличие спора о праве;
- субъектный состав спорящих сторон;
- хозяйственный (экономический) характер спорного правоотношения;

2. Специальный критерий:

- совершение экономического правонарушения, влекущего по законодательству конфискацию имущества или выручки.

Более подробно остановимся на специальном критерии.

Экономические правонарушения, влекущие конфискацию имущества, являются одним из видов экономических правонарушений. Право применения санкций за экономические правонарушения, совершенные субъектами предпринимательской деятельности, принадлежит в основном административным органам. Хозяйственные суды осуществляют контроль за законностью реализации санкций административными органами путем рассмотрения в исковом производстве дел о признании актов государственных органов недействительными. Вместе с тем, ряд законодательных актов Республики Беларусь выделяют особую группу экономических правонарушений, санкция за совершение которых может быть применена исключительно хозяйственными судами. Главным признаком таких правонарушений является установленная законодательством возможность конфискации имущества.

При анализе специального критерия подведомственности для целей определения возможности рассмотрения хозяйственным судом дела об экономическом правонарушении необходимо выяснить, должна ли в этом случае конфискация имущества быть единственной санкцией, установленной законодательным актом за совершение данного правонарушения либо такая санкция может быть одной из альтернативных?

Декрет Президента Республики Беларусь №24 от 28.11.2003г. «О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи» предусматривает, что к получателям-организациям, использовавшим иностранную безвозмездную помощь (полностью или частично) не по целевому назначению, применяется штраф в размере до 100 % стоимости полученной иностранной безвозмездной помощи **или** конфискация полученных товаров (имущества) [1]. Законодательством Республики Беларусь к подведомственности хозяйственных судов не относятся дела об экономических правонарушениях, влекущих применение ответственности в виде штрафа. Таким образом, складывается ситуация, когда в зависимости от усмотрения административного органа дело может быть разрешено им самим (с наложением штрафа) или хозяйственным судом – в случае направления таким органом заявления о конфискации в суд. Пе-

редача дела на рассмотрение хозяйственного суда в данном случае может полностью зависеть от усмотрения административного органа (его должностного лица). Не будет ли этим сведен «на нет» положительный правовой и экономических эффект установления судебного порядка рассмотрения дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества. Ведь в действительности нет разницы между штрафом в 100 % стоимости имущества и конфискацией этого же имущества. Однако разница между уровнем защищенности прав и интересов субъекта предпринимательской деятельности в первом и во втором случае существенна. Представляется, что, исходя из задач хозяйственного судопроизводства, следовало бы:

- либо, закрепить в ХПК норму о том, что экономические правонарушения, предусматривающие в качестве альтернативной санкции конфискацию имущества, рассматриваются хозяйственными судами по правилам, предусмотренным ХПК и иными законодательными актами. В этом случае суд будет решать, есть ли в действиях субъекта предпринимательской деятельности состав экономического правонарушения или его нет. Установив же состав экономического правонарушения, суд, исходя из степени общественной опасности деяния, будет применять ответственность в виде конфискации имущества либо штрафа в таком-то размере;

- либо, внести изменения в соответствующие законодательные акты, исключив, исходя из степени общественной опасности деяния, одну из санкций: конфискацию имущества либо штраф. В этом случае вопрос о подведомственности будет решаться строго в соответствии с законодательством, т.е. с меньшей степенью усмотрения и возможного злоупотребления со стороны должностных лиц соответствующих государственных органов.

Литература

1. Декрет Президента Республики Беларусь №24 от 28.11.2003г. «О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. №135. ст.1/5134
2. Указ Президента Республики Беларусь №288 от 06.06.2002 г. «О порядке рассмотрения хозяйственными судами дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. №66. ст. 1/3742
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь. Мн. Ураджай. 2001. 249 с.
4. Яковлева Г.В. Подведомственность гражданских дел судам // Промышленно-торговое право. 1999. №7. С. 3–28

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СЛИЯНИЯ КАК ФОРМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В. В. Медведева

Экономический рост, так же как и кризисные явления в экономике, понуждал коммерческие юридические лица, в том числе и акционерные общества, к изменению тактики и стратегии ведения бизнеса. К числу таких изменений относится и реорганизация.

Российские цивилисты всегда рассматривали и рассматривают реорганизацию как один из способов прекращения юридического лица (Г.Ф. Шершеневич, С. Н. Братусь, В. П. Грибанов) (за исключением выделения). Данной позиции придерживается и наш законодатель [1].

Вместе с тем законодательство многих стран (Российская Федерация, Германия, Бразилия) говорит о реорганизации как об одном из путей создания общества.

Что же понимается под термином «реорганизация»?

Юридические словари определяют реорганизацию юридического лица как его прекращение без ликвидации дел и имущества, а также как прекращение или иное изменение правового положения юридического лица, влекущее отношения правопреемства юридических лиц.

Попытки дать определение реорганизации предпринимались и юристами, занимавшимися исследованиями в рассматриваемой области. Например, К. Т. Трофимов предлагает понимать под реорганизацией прекращение коммерческой организации, связанное с изменением ее имущественного комплекса или организационно-правовой формы, направленное на достижение цели, для которой организация создавалась [4, с. 15]. Реорганизация влечет за собой изменение субъектного состава и правопреемство. Другие ученые видят в реорганизации особый процесс, в ходе которого происходит прекращение и (или) создание юридического лица, сопровождающееся переходом прав и обязанностей реорганизованного юридического лица (правопредшественника) в порядке правопреемства другому юридическому лицу (правопреемнику).

В отличие от ликвидации, при которой происходит абсолютное прекращение деятельности юридического лица без перехода его прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, В. В. Долинская называет реорганизацию относительным прекращением деятельности юридического лица при сохранении для функционирования в гражданском обороте его имущественной массы и переходе его прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам [2, с. 255].

Подводя итог, нужно отметить, что реорганизация всегда связана с прекращением реорганизуемого юридического лица (за исключением реорганизации в форме выделения), влечет возникновение правопреемства. Следовательно, реорганизация предприятия есть юридический факт, имеющий сложный состав, складывающийся из императивно установленных законом и уставом предприятия действий участников, его органов управления и самого предприятия, направленных на прекращение существования предприятия без ликвидации дел и имущества или на изменение имущественной массы, состава участников, прав и обязанностей, а также на создание новых юридических лиц (при реорганизации в форме слияния, разделения, выделения и преобразования) с передачей им прав и обязанностей (полной или частичной) реорганизуемого общества или полной передачей прав и обязанностей существующему обществу (при реорганизации в форме присоединения).

Как законодательство, так и предпринимательская практика многих стран знали такую форму прекращения акционерных обществ без ликвидации дел и имущества, как соединение (слияние).

В дореволюционный период, кроме И. Т. Тарасова и Г.Ф. Шершеневича, слиянию уделяли внимание А. В. Венедиктов, П. Цитович, В. Э. Герценберг и И. С. Перетерский и другие авторы.

Г. Ф. Шершеневич и И. Т. Тарасов, анализируя действующее в то время законодательство об акционерных обществах, называют в качестве способа прекращения акционерного общества слияние (фузионирование), разделяя его на: слияние двух компаний с их прекращением и образованием третьей компании (*fusion, merger*); поглощение одной компании другой (*annexion, aquisition*). Реорганизация в форме присоединения рассматривается как частный случай слияния. По этой причине многие свойства слияния присущи и присоединению. Присоединением общества признается прекращение одного или нескольких обществ с передачей всех прав и обязанностей другому обществу (*annexion*).

М. И. Кулагин, исследуя вопрос о реорганизации юридических лиц, отмечал, что «это одна из форм, в которую облекается процесс централизации производства и капитала в экономике буржуазных стран» [3, с. 131].

Мотивы проведения реорганизации в форме слияния, а также виды объединения капиталов путем слияния могут быть различными.

Законы об акционерных обществах дают следующие определения реорганизации в форме слияния – слиянием обществ признается возникновение нового общества путем передачи ему всех прав и обязанностей двух или нескольких обществ с прекращением последних.

Также слияние может быть определено как объединение контрольных пакетов акций либо изъятие акций одного общества с эквивалентной заменой акциями другого общества с консолидацией балансов. Однако данная формулировка отличается крайней неточностью и не позволяет уяснить суть слияния.

Законодательство устанавливает, что общества, участвующие в слиянии, заключают договор о слиянии, в котором определяются порядок и условия слияния, а также порядок конвертации акций каждого общества в акции нового общества. Совет директоров (наблюдательный совет) общества выносит на решение общего собрания акционеров каждого общества, участвующего в слиянии, вопрос о реорганизации в форме слияния, об утверждении договора о слиянии, устава общества, создаваемого в результате слияния, и об утверждении передаточного акта.

Таким образом, слияние обладает следующими юридически значимыми признаками реорганизации:

- универсальное правопреемство вновь возникших юридических лиц, включающее, помимо перехода к преемнику актива, также передачу имущественных обязанностей (пассива);

- отсутствие какой-либо связи (обязательно-правовой или вещной) между реорганизованным юридическим лицом и его правопреемником и полная автономия последнего;

- изменение размера уставного капитала и субъектного состава участников реорганизуемого юридического лица;

- все или часть участников реорганизуемого субъекта выступают учредителями (участниками) его правопреемника.

Анализ правовой природы реорганизации выявил также тесную связь этого процесса с элементами учреждения и ликвидации юридических лиц. К учредительским признакам следует отнести формирование уставного капитала, утверждение учредительных документов и регистрацию вновь возникающего субъекта, а к ликвидационным – закрытие счета реорганизуемых предприятий, снятие их с учета в налоговых органах, исключение из государственного регистра.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. 05.03.1999. № 7–9. ст.101
2. *Долинская В.В.* Акционерное право: Учебник // Отв. ред. А.Ю. Кабалкин. М. Юрид. лит. 1997. С. 255
3. *Кулагин М.И.* Избранные труды. М. Статут. 1997. (Серия «Классика российской цивилистики»). С. 131–152.
4. *Трофимов К.Г.* Реорганизация и ликвидация коммерческих организаций. Автореферат кандидатской диссертации. 1995. С. 22

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОНИТОРИНГА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Д. С. Морозова

Состояние природной среды является одним из важнейших факторов, определяющих жизнедеятельность человеческого общества. Вопросы охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов рассматриваются в числе приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь, которые во многом определяют особенности устойчивого развития страны.

Оптимальное управление природоохранной деятельностью может быть обеспечено только при наличии полной, достоверной и своевременной информации о состоянии и тенденциях изменения природной среды в целом или отдельных ее объектов, например, атмосферного воздуха, поверхностных вод, почвы и т.д. Такой системой, обеспечивающей все уровни управления необходимой экологической информацией для определения стратегии природопользования и принятия оперативных управленческих решений, является мониторинг окружающей среды.

Само понятие «мониторинг окружающей среды» сформулировано в статье 1 закона «Об охране окружающей среды» и в статье 1 закона «О гидрометеорологической деятельности».

Анализ этих 2-х определений одного и того же понятия показывает, что на сегодняшний день отсутствует четкая трактовка понятия «мониторинг окружающей среды».

На мой взгляд, наиболее полное определение содержится в Законе «О гидрометеорологической деятельности», т.к., помимо наблюдения за состоянием окружающей среды и прогноза, предусматривается обеспечение заинтересованных организаций и населения информацией о состоянии окружающей среды.

Итак, под мониторингом окружающей среды понимается система наблюдений за состоянием окружающей среды и техногенным воздействием на нее с целью своевременной оценки возможных изменений физических, химических и биологических процессов в целях предупреждения возникновения чрезвычайных ситуаций, принятия мер по ликвидации вредных последствий, обеспечения заинтересованных организаций и населения информацией о состоянии окружающей среды и техногенном воздействии на нее.

В 1993 году Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О создании национальной системы мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь (НСМОС)» была создана Национальная сис-

тема мониторинга окружающей среды (НСМОС), которая должна в масштабах республики обеспечивать наблюдение за состоянием окружающей среды и факторами, на нее воздействующими, оценку фактического состояния природы и прогноз предполагаемых изменений, а также обеспечение всех уровней управления необходимой экологической информацией.

До принятия этого нормативного акта на законодательном уровне существовал лишь мониторинг земель, который регулировался Постановлением Совета Министров РБ от 31 декабря 1991 г. N 508 «О порядке ведения государственного земельного кадастра и мониторинга земель».

На сегодняшний день национальная система мониторинга окружающей среды представляет собой совокупность систем наблюдений, оценок и прогноза состояния природных сред и явлений, а также биологических откликов на изменения окружающей среды под влиянием естественных и техногенных факторов с организацией сбора, обработки и представления мониторинговой информации органам управления и хозяйствования для решения общегосударственных задач рационального природопользования и регулируется Положением о Национальной системе мониторинга окружающей среды.

НСМОС включает в себя одиннадцать организационно-самостоятельных видов мониторинга.

В основу классификации видов мониторинга окружающей среды положено деление окружающей среды на природные компоненты, представляющие собой элементы природной среды, такие, как земля, недра, воды, растительный и животный мир, атмосфера, включая озоновый слой, природные явления, такие, как сейсмический мониторинг.

В рамках Национальной системы мониторинга также осуществляется наблюдение изменений окружающей среды не только под воздействием природных факторов, но и антропогенных, таких, как радиационный и локальный мониторинг.

Каждому из перечисленных видов мониторинга присуща своя система управления, во главе которой стоит государственный орган, осуществляющий координацию деятельности головных учреждений и институтов, осуществляющих сбор, анализ, оценку информации о состоянии природного компонента, как объекта мониторинга. Деятельность по организации Национальной системы мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь осуществляет Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды. Общее управление НСМОС и координация работ по Программе НСМОС осуществляет Межведомственный координационный Совет, созданный при Минприроды.

Каждый из видов мониторинга НСМОС должен быть представлен соответствующим законодательным актом, устанавливающим такой вид мониторинга, и подзаконным актом, регламентирующим процедуру его проведения. Ранее такая структура имела место лишь в отношении мониторинга земель и лесов.

Например, статья 141 Кодекса Республики Беларусь о земле содержит определение мониторинга земель, а Постановление Совета министров от 31.12.1991 года «О порядке ведения государственного земельного кадастра и мониторинга земель», определяет этот порядок.

Однако, в связи с принятием в феврале и апреле этого года Положений о порядке проведения в составе НСМОС мониторинга поверхностных вод, подземных вод, атмосферного воздуха, локального мониторинга окружающей среды и использования данных этих мониторингов, а также принятие Положения о порядке проведения в составе НСМОС в РБ мониторинга озонового слоя и использования его данных, Положений о порядке проведения в составе НСМОС в РБ мониторинга растительного мира, геофизического мониторинга и использования его данных, ситуация изменилась.

На сегодняшний день, в правовом регулировании на уровне подзаконного акта нуждается мониторинг животного мира. Этот вид мониторинга упоминается лишь в статье 15 Закона «Об охране и использовании животного мира».

Кроме того, в Положении о порядке проведения в составе НСМОС геофизического мониторинга от 14 апреля 2004 года отсутствует понятие «геофизический мониторинг» указываются лишь цели его осуществления.

Одной из задач мониторинга окружающей среды является получение мониторинговой информации и ее предоставление для эффективного использования. Такая информация представляет собой упорядоченную, постоянно пополняемую совокупность сведений о состоянии окружающей среды и воздействия на нее антропогенных факторов. Информация Национальной системы мониторинга окружающей среды является официальной, открытой и представляет собой государственную собственность. Из информационно-аналитических центров отдельных видов мониторинга информация поступает в главный информационно-аналитический центр и банк данных НСМОС Белорусского научно-исследовательского центра «Экология» Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Далее информационные ресурсы субъектов НСМОС объединяются в единую информационную систему. Совет Министров утвердил перечень информационных ресурсов, имеющих государственное значение от 29 мая 2001 года № 784, однако ин-

формация, получаемая в процессе мониторинга окружающей среды, не включена в этот перечень. Представляется необходимым придать такой информации статус информации, имеющей государственное значение.

В заключении можно сказать, что за последнее время были предприняты значительные шаги в области законодательного регулирования отдельных видов мониторинга окружающей среды. Тем не менее, ряд вопросов все еще остается открытым.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ю. А. Мурыгина

Большую роль в развитии белорусского общества играет религиозный фактор. Обращение к религии и ее институтам, поиск новых мировоззренческих основ, характерно для переходного общества, находящегося в условиях трансформации. Поэтому вопросы взаимодействия государства и религиозных объединений особенно важны в наше время. Для современной религиозной ситуации в Республике Беларусь характерен ряд тенденций. Во-первых, значительно возросло число религиозных организаций. Во-вторых, появилось множество религиозных объединений ранее не известных в нашей стране, в том числе имеющих деструктивный характер. Поэтому правовое регулирование деятельности религиозных организаций сейчас имеет огромное значение.

В законодательстве о свободе совести можно выделить три уровня правового регулирования:

- международно-правовые акты, которые закрепляют основные принципы;
- конституционные нормы и законы Республики Беларусь;
- указы Президента, постановления правительства, правовые акты органов исполнительной власти.

Среди международно-правовых актов можно выделить Всеобщую декларацию прав человека, в которой в ст.18 провозглашено, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, это право включает свободу менять свою религию или убеждения, свободу исповедывать свою религию или убеждения» [1, с. 14]. Европейская конвенция о защите прав человека в ст.9 также провозглашает право каждого на свободу мысли, совести и религии.

Подтверждая приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, Конституция Республики Беларусь провозглашает в качестве правовой основы принципы свободы совести для ка-

ждого (ст.31), светскости государства и равенства религиозных организаций перед законом (ст.16).

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность религиозных организаций, является закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» с изменениями и дополнениями от 2.10.2002 г.

Новая редакция внесла ряд существенных изменений. Прежде всего, увеличился объем закона с 31 до 40 статей. Введена преамбула, которая имеет важное политическое и правовое значение. В преамбуле особое значение имеют два фактора. Во-первых, признается определяющая роль Православной церкви; отмечается духовная, культурная и историческая роль Католической церкви; неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви иудаизма и ислама.

Во-вторых, ни одна из религий не имеет каких-либо преимуществ перед другими, наоборот, все религии признаются равными перед законом.

Закон вводит институт религиоведческой экспертизы. В приказе Комитета по делам религий и национальностей от 12.04.2002г. « Об утверждении Положения об экспертном совете» закреплены основные задачи совета: проведение религиоведческой экспертизы и подготовка по ее результатам экспертных заключений; проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в учредительных документах, основах вероучения и иных материалов, их соответствие законодательству.

Государственная регистрация религиозных организаций представляет собой правовой институт, с помощью которого государство регулирует деятельность религиозных структур, в процессе которого признается определенный юридический, социальный или иной статус религиозных структур. Процесс государственной регистрации религиозных организаций усложнился. Если прежний закон закреплял регистрацию уставов религиозных организаций, то новая редакция предусматривает регистрацию самих религиозных организаций. Расширен объем сведений, которые необходимо указывать в уставе: наименование, цели, задачи и основные формы деятельности, источник и порядок формирования денежных средств.

Если религиозное объединение исповедует вероучение, ранее не известное в Республике Беларусь, она должна предоставить сведения об основах этого вероучения, о формах и методах ее деятельности, об отношении к браку и семье, образованию, исполнению государственных обязанностей.

Увеличены сроки рассмотрения материалов, представленных на регистрацию. Институт государственной регистрации влечет за собой предоставление налоговых, коммунальных льгот, возможность проведения публичных религиозных обрядов и богослужений, возведения культовых зданий, приглашения служителей из других стран; обеспечивает доступ к средствам массовой информации; дает право на приобретение статуса юридического лица.

В соответствии с новой редакцией закона государство может строить свои взаимоотношения с религиозными организациями путем заключения с ними соглашений в соответствии с гражданским законодательством.

Спецификой закона является подробное регулирование вопросов ликвидации религиозной организации, общее правило получает более подробную регламентацию.

Деятельность религиозных организаций урегулирована также нормами гражданского права, уголовного права, административного права. Существует множество актов локального характера, в основном в форме решений исполнительно-распорядительных органов.

Предусмотренная Конституцией Республики Беларусь свобода вероисповедания является одним из фундаментальных прав граждан в демократическом обществе.

В настоящее время значительно возросло количество деструктивных сект, которые зачастую создают угрозу здоровью и благосостоянию населения, нарушают неотъемлемые права граждан. Поэтому, существует острая необходимость разрабатывать новые законопроекты, которые более детально регламентировали бы деятельность религиозных организаций, выступали как гарант реализации права на свободу совести и гарант защиты граждан от посягательств со стороны деструктивных сект.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. Представительство ООН в Беларуси. 2000.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, внесенными на республиканском референдуме 24 ноября 1994 года.
3. *Земляков Л.Е.* Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования. М. РИВШ БГУ. 2001.
4. Приказ Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь «Об утверждении положения об экспертном совете». Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002 г. 8/8045.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

А.К. Новикова

Правильное определение должностного лица важно для адекватного применения норм уголовного закона о должностных преступлениях. На протяжении уже многих лет по этой проблеме ведутся споры. Изменения экономической и политической систем общества, его социальной жизни, а также процессы демократизации делают актуальной проблему пересмотра сложившихся взглядов на должностное преступление и должностное лицо.

Впервые общее понятие субъектов должностных преступлений было разработано Правительственной комиссией, подготовившей проект Уголовного Уложения 1903 г. Комиссия, назвав их «служащими», видела в них лиц, «ставших, вследствие порученного им участия в государственном управлении, в особые юридические отношения как по отношению к государственной власти, делегировавшей им власть, так и к гражданам, подчиненным управлению».

Русские юристы все больше приходили к выводу, что основным признаком должностного лица является осуществление деятельности по управлению, объем которой зависит от той конкретной функции, которую оно выполняет в общем процессе управленческой деятельности. В соответствии с этим, должностными лицами признавались государственные и общественные служащие, осуществлявшие от имени государства или общественной организации, предприятия или учреждения управление людьми, а равно администрирование в сфере движения материальных и денежных ценностей.

В советское время впервые круг должностных лиц был определен в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», причем, он был значительно шире, чем в дореволюционном законодательстве. К таким лицам относились те, кто состоял на государственной или общественной службе.

В примечании к ст. 105 УК БССР 1922 г. (УК РСФСР 1922 г.) впервые содержалось развернутое определение понятия должностного лица. Должностными признавались лица, занимающие постоянно или временно должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, и имеющие по закону определенные права и обязанности в осуществлении хозяйственных, просветительских и иных общественных задач. Таким образом, к

должностным лицам относили весьма широкий круг лиц, отождествляя должность и должностное лицо как понятия идентичные.

Примерно такое же понятие должностного лица давалось в примечании к ст. 195 УК БССР 1928 г. (к ст. 109 УК РСФСР 1926 г.). Определение должностного лица в примечании к ст. 97 УК УССР 1927 г. имело ряд существенных отличий. Должностными считались лица, занимающие постоянные или временные должности или исполняющие постоянно или временно те или иные обязанности в каком-либо государственном учреждении, государственном предприятии или товариществе с исключительным или преобладающим участием государственного капитала, в кооперативной, хозяйственной организации, а также в организации или объединении, которое по закону имеет определенные права, обязанности или полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, судебных (по суду, следствию, защите), просветительских и других задач публично-правового характера, а также отдельные члены таких организаций, если они наделяются правами, обязанностями или полномочиями в осуществлении указанных задач публично-правового характера.

В правовой науке 20-х годов должностным лицом признавали любого служащего государственного учреждения или предприятия, независимо от занимаемой им должности. Дискуссионным оказался вопрос о признании должностными лицами работников негосударственных объединений и организаций. В период НЭПа служащие негосударственных организаций рассматривались как должностные лица, если на данные организации возлагалось выполнение различных общегосударственных задач.

Свертывание НЭПа, «огосударствление» КПСС и иных общественных организаций привели к тому, что дискуссия о том, работники аппарата каких предприятий, учреждений и общественных организаций могут признаваться должностными лицами, оказалась беспредметной. Делается попытка ограничить круг должностных лиц путем выделения особых признаков, присущих данной категории работников. Предлагалось отнести к числу должностных только тех лиц, которые обладают распорядительными правами и правом удостоверять что-либо своей подписью.

Первым этапом сужения понятия должностного лица в конце 30-х годов было исключение из числа должностных лиц рядовых рабочих и колхозников, однако все служащие государственных и общественных организаций по-прежнему рассматривались как должностные лица.

Примерно с 1947 г. в теории уголовного права выдвигается новое положение о том, что одного признака занятия должности в государственном учреждении, предприятии или общественной организации еще недостаточно для отнесения работника к числу должностных лиц.

В республиканских УК, принятых в период с 1959 по 1962 гг., должностным лицом признавалось лицо, постоянно или временно осуществляющее функции представителя власти, а также занимающее в любом государственном или общественном предприятии, учреждении, организации должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

В практике вызвала сложности квалификация преступлений медицинских работников. Необходимость разграничивать профессиональные и должностные функции признавали многие авторы, полагая, что лишь преступные действия врачей – должностных лиц, связанные с выполнением управленческих функций, могут квалифицироваться как должностные преступления. Из этого же положения исходили при решении вопроса об ответственности преподавателей, воспитателей, учителей, совершивших общественно-опасные деяния. Верховными судами СССР, РСФСР и Беларуси преподаватели учебных заведений признавались должностными лицами в сфере своих должностных функций.

Закон отнес к числу должностных лиц только тех материально ответственных работников, которые выполняли административно-хозяйственные функции, что предполагало право распоряжаться имуществом, то есть предписывать, кому и в каком количестве выдать или принять имущество, а не осуществление технических операций по хранению, приемке, выдаче или продаже имущества по определенным документам. Поэтому нельзя было рассматривать как должностных лиц простых продавцов, поваров, кассиров, шоферов, экспедиторов и т.п. материально ответственных лиц, поскольку они не обладали административно-хозяйственными функциями.

УК Беларуси 1960 г. (введен в действие 1 апреля 1961 г.) в примечании к ст. 166 содержал следующие основные элементы понятия должностного лица:

- признаки, указывающие на основное отличие должностных лиц от других категорий работников – характер выполняемых функций:
 - о осуществление функций представителя власти,
 - о осуществление организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей;
- признаки, характеризующие длительность осуществления указанных функций (постоянно, временно);
- признаки, определяющие место осуществления указанных функций (государственные или общественные учреждения, организации, предприятия);

- признаки, характеризующие юридическое положение лица в системе государственного или общественного учреждения, предприятия, организации (осуществление функций, занятие должности, специальные полномочия).

Таким образом, в соответствии с законом к должностным лицам относились только 3 категории работников организаций: а) представители власти; б) лица, выполняющие организационно-распорядительные; в) административно-хозяйственные обязанности в государственных или общественных организациях, учреждениях или на предприятиях.

Наиболее важным признаком понятия должностного лица считался материальный признак, указание на управленческие функции, возложенные на лицо в связи с занятием должности. Управленческие функции определялись как организационно-распорядительные или административно-хозяйственные. Закон не давал определения содержанию управленческих функций, и они раскрывались с помощью других правовых наук, практики управления.

Таким образом, должностными лицами по советскому уголовному праву могли быть признаны любые граждане, если они:

- при выполнении возложенных на них функций имели у себя, как правило, в подчинении других лиц;

- уполномочены были совершать от имени организации имеющие юридическое значение управленческие действия (руководители учреждений и организаций и их заместители), а также лица, наделенные правом оформлять, удостоверить и выдавать официальные бумаги, исходящие от организации, за своей подписью или печатью учреждения;

- имели право контролировать деятельность юридических лиц и граждан (ревизоры, контролеры, старшие и главные бухгалтера);

- были наделены правом действовать от имени государства (представители власти);

- выполняли обязанности по поддержанию общественного порядка на общественных началах (дружинники, общественные инспектора).

С 90-х годов вопрос об отнесении к категории должностных лиц работников предприятий различных форм собственности опять встал остро.

Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. № 2401-ХІІ дано определение должностного лица, ставшее основой современной его трактовки в действующем УК Республики Беларусь.

«ИМИДЖ СВЕРХДЕРЖАВЫ»

С. В. Прищеп

В ежедневных выпусках новостей мы привыкли слышать о событиях, происходящих в США, странах Европейского союза. Но почему именно эти государства всегда находятся в центре внимания, в чем секрет их успеха, или это просто везение и совпадение совокупности факторов? Цель моего исследования – обозначить ряд сверхдержав (как современных, так и существовавших в прошлом) и показать на их примере факторы, которые способствовали их становлению и развитию.

Факторы, которые способствуют становлению сверхдержавы, делятся на две группы: первая группа включает в себя изначально заложенные данные (исторические, географические), вторая – включает факторы, которые я условно назову имиджевые, т.е. относящиеся не столько к государству, сколько к его образу искусственно создаваемому в умах его граждан и иностранцев.

Экономический фактор (фактор глобализации). По Земле распространено фактически единое рыночное хозяйство. Но мир продолжает изменяться под воздействием второй всемирной волны глобализации рынка, растущей взаимозависимости регионов и государств на основе планетарной научной революции, новых видов транспорта, телекоммуникационных технологий, межнациональных социальных движений. Считается, что глобализация приведет к консолидации мира. После 2000 г., утверждают Дж. Модельски и У. Томпсон, произойдет реконфигурация союза демократий вокруг твердого ядра – Соединенных Штатов и Европейского союза. Их партнерство будет главным основанием мирового порядка в XXI в. Наряду с общим совершенствованием образовательной структуры, ускоренный рост убедит большинство стран, что их национальным интересам лучше будет служить сотрудничество с уже действующей международной системой, а не изоляция или попытка сокрушить ее.

Региональное лидерство. Этот фактор дополняет предыдущий, т.к. в современном мире, подверженном тенденции глобализации, для сверхдержавы исключительно важно иметь хотя бы несколько лояльных союзников в лице соседних государств, признающих геополитическое лидерство потенциальной сверхдержавы. Это дает ей множество экономических (рынки сбыта товаров и услуг), военно-стратегических (на случай вооруженного конфликта) и других преимуществ и способствует ее дальнейшему развитию. Ярким примером регионального лидерства двух

мощнейших сверхдержав середины XX века СССР и США было создание НАТО и ОВД.

Демографический фактор также исключительно важен. Для того чтобы добиться успеха в экономической, военной и других сферах государству необходимо либо иметь изначально значительные людские ресурсы (США, СССР), либо заставить работать на себя другие страны (Великобритания XIX века, нацистская Германия). Исходя из этого, можно сделать благоприятный прогноз о будущем Китая, Пакистана, Индонезии и других стран, развивающихся с внушительной приростом населения и положительной экономической динамикой. При условии, что этим странам удастся решить продовольственную проблему, и контролировать демографическую ситуацию, у них есть шанс составить конкуренцию современным сверхдержавам. По прогнозам ООН, численность человечества на планете составит в 2030 г. 8,5 млрд. человек, а в 2100 г. вырастет до 14,4 млрд. причем основной прирост придется на развивающиеся страны. Страны Азии будут населены более чем половиной значительно увеличившегося человечества.

Важным фактором, способствующим формированию имиджа современной сверхдержавы, является наличие собственной космической программы. Наличие таковой свидетельствует о претензии на мировое лидерство в экономической, научной, военной сферах. Запуск американцами первого искусственного спутника Земли в 1961 г., и как ответ – первый полет советского человека в космос в 1963 г. оказали неопределимое влияние на развитие имиджа обеих сверхдержав. Именно эти мотивы подталкивают современные развивающиеся государства, такие как Китай, на участие в работе МКС.

Кроме вышеперечисленных факторов следует отметить и такие как: создание положительного образа в зарубежных СМИ; инвестирование средств в экономику иностранных государств; наличие ядерной программы.

Вышеуказанные факторы облегчают анализ современности и перспектив развития сверхдержав, как геополитического феномена. Состоятельность униполярной модели ставится учеными под сомнение. Одно государство не способно нести бремя урегулирования конфликтов по всему земному шару, сохраняя достойный уровень развития. Такие развивающиеся страны как, например, Китай, который обладает многими факторами необходимыми для формирования имиджа сверхдержавы, имеют шанс занять первое место в мировой экономике и политике и стать стержнем мирового устройства.

ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Т. А. Сембур

Для выяснения общественной опасности преступления, предусмотренного ст.306 УК Республики Беларусь, важное значение имеет установление его объекта – общественных отношений, которые поставлены под охрану данной нормой уголовного закона и которым причиняется ущерб или создается угроза такого причинения в результате нарушения правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда.

Статья, предусматривающая ответственность за нарушение правил охраны труда, в УК Республики Беларусь 1999г. находится в главе о преступлениях против общественной безопасности, в отличие от УК 1960 г., где данный состав был включен в главу о преступлениях против политических, трудовых, жилищных и иных прав граждан. Следовательно, родовым объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность.

По вопросу о том, кто может быть потерпевшим в результате преступных нарушений правил охраны труда, в юридической литературе имеются различные мнения.

Ряд авторов считают, что такими потерпевшими могут быть лишь работники предприятия и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством. К последним, в частности, относятся лица, прибывшие в командировку, на практику, военнослужащие при выполнении работ у нанимателя, осужденные при привлечении к выполнению работ у нанимателя, лица, привлекаемые к труду в лечебных учреждениях. И, соответственно, предлагается причинение вреда посторонним лицам квалифицировать по статьям о должностных преступлениях или преступлениях против личности.

Некоторые авторы считают, что потерпевшими в смысле ст. 306 УК могут быть как работники данного производства, так и посторонние лица, оказавшиеся на его территории или иным образом попавшие в сферу данного производства. Свою точку зрения они обосновывают тем, что сущность самого нарушения правил охраны труда не должна меняться в зависимости от того, кто в результате этого нарушения оказался потерпевшим. Квалификация зависит от того, в результате каких нарушений наступили вредные последствия.

На мой взгляд, данная проблема должна решаться исходя из объекта преступления. Поскольку родовым объектом рассматриваемого состава

является общественная безопасность, которая охраняет права и законные интересы граждан независимо от их участия в трудовом процессе, то можно предположить, что потерпевшими от преступного нарушения правил охраны труда могут быть как лица, находящиеся в трудовых отношениях с данным предприятием, так и посторонние лица.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

И. С. Симановский

Политическая психология – междисциплинарная наука, родившаяся на стыке политологии и социальной психологии. Ее главная задача состоит в анализе психологических механизмов политики и выработке практических рекомендаций по оптимальному осуществлению политической деятельности на всех уровнях.

В качестве одной из приоритетных, наиболее важных и интересных проблем политической психологии с содержательно-функциональной точки зрения можно выделить рассмотрение вопросов методологии.

Прикладное значение политической психологии связано с возможностями ее воздействия на основные объекты этой науки: личность, малую группу, большие группы и массы в политике. Воздействие на эти объекты наиболее важно в четырех сферах: во внутренней политике, внешней политике, в военно-политической сфере и сфере массовых информационных процессов. Во внутренней политике политическая психология имеет прикладное значение практически во всех ее измерениях: от борьбы лидеров за власть и психологии власти, до состояния массового сознания, обеспечивающего поддержку или, напротив, не принимающего власть. Во внешней политике политическая психология используется для изучения и воздействия на власть в иностранных государствах, а также на население этих стран. Здесь есть и специфические сферы: психология дипломатии, переговоров, всего механизма международного взаимодействия, включая деятельность международных организаций, урегулирование конфликтов и налаживание международного сотрудничества, и т. д. В военно-политической сфере политическая психология используется в целях психологической войны с противником, для поддержания боевого духа своих войск, для пропагандистского обеспечения разных аспектов военных действий и т. п. В сфере массовых информационных процессов роль политической психологии особенно велика: через эту сферу идет большая часть самого психологического воздействия. Соответственно, прикладная психология играет важную роль и внутри самой этой сферы. Это касается оптимизации действий средств

массовой информации для эффективного воздействия на аудиторию, организации и проведении информационной части избирательных кампаний, PR-воздействия на аудиторию.

Прикладная роль политической психологии складывается из трех основных компонентов. Во-первых, это прикладные политико-психологические исследования – их задачи ставятся практикой, а результаты требуют внедрения. Здесь большую роль играет арсенал методов прикладного политико-психологического исследования, дающего конкретное знание и практический результат. Во-вторых, это методы на грани между прикладным исследованием и реальным вмешательством психолога в политические процессы. Соответственно, здесь речь идет о психологическом обеспечении близких к политике или реальных политических процессов. В-третьих, это психологические методы и приемы, используемые самими политиками в политической практике.

Методы прикладных политико-психологических исследований делятся на методы исследования личности, малой группы, больших групп и масс. Политическая психология личности обычного человека исследуется с помощью анкет, опросников, тестов восприятия и мышления, лабораторных процедур, личностных тестов. Личность политиков изучается посредством прожективных тестов, личностных опросников, методами интервью и беседы, психобиографическими методами, методом экспертных оценок, контентанализом «продукции» политиков, методом составления личностных когнитивных карт и т. д.

Политическая психология малых групп изучается с применением разнообразных вариантов социометрического метода, методом построения их семантического пространства и т. д.

Политическая психология больших групп исследуется с помощью методов наблюдения, включая внешнее и включенное, социологических опросов и анкетирования, фокусированных интервью и фокус-групп, анализа статистической информации и изучения документов.

Политическая психология масс изучается с опорой на наблюдение, анализ документов, экспертные и массовые опросы и т. д.

Помимо перечисленных конкретных эмпирических методов, политическая психология использует и более общие методы. К ним относятся эксперимент в форме игрового моделирования, сравнительно-исторические и сравнительно-политологические методы. Наиболее общим является системный метод.

Ряд методов политико-психологического исследования находится на грани прямого вмешательства политической психологии в реальную политику. Прежде всего, это относится к специфическим эксперименталь-

ным приемам, в частности, к методу игрового (имитационного) моделирования. Примеры перехода или балансирования на этой грани – проблема психологии и психологического обеспечения реальных политических переговоров, формирования политических коалиций и группировок, а также организация их практического взаимодействия.

Психологические приемы прямого политического действия подразумевают политические процессы и явления, требующие непосредственного знания и использования прикладной психологии самими политиками. В первую очередь, это процессы и явления, связанные с личной или, реже, опосредованной, но прямой борьбой за власть. Сюда относятся такие «теневые» политические явления, как политическая интрига, политический заговор, политическая мимикрия, психологическая война в прямом и переносном смыслах, со всеми ее многочисленными компонентами.

Политика должна быть прогнозируемой – только тогда она станет управляемой. А это и есть самая главная задача политической психологии – управление политико-психологическими процессами. На основе понимания и прогнозирования развития процессов и явлений, надо уметь их направлять. Политическая психология – одно из средств особого, психологического управления поведением людей. Это должны понимать и ученые, развивающие ее, и политики, ею пользующиеся.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЗАЧЕТОМ

М. В. Харченко

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) содержит лишь две статьи, посвященные зачету встречных однородных требований: ст.381 и ст.382. В законодательстве, в частности, на уровне постановлений Пленумов Высшего Хозяйственного и Верховного судов, нет толкования норм о зачете. В связи с недостаточной правовой регламентацией данного института на практике довольно часто возникают проблемы. В данной работе исследуется два вопроса, возникающих при прекращении обязательств зачетом, а именно: с какого момента обязательства считаются прекращенными и каким образом истечение срока исковой давности препятствует проведению зачета.

Вопрос о том, с какого момента обязательства считаются прекращенными, является важным, поскольку от его разрешения напрямую зависит наличие и размер гражданско-правовой ответственности (возмещение убытков, уплата неустойки и процентов за пользование чужими

денежными средствами). В литературе данная проблема упоминается, как правило, вскользь. Тем не менее, можно выделить две точки зрения.

1. Обязательства прекращаются с того момента, когда есть все условия для зачета, то есть с момента наступления срока исполнения того обязательства, срок исполнения которого наступил позднее. Заявление о зачете является способом привести зачет в действие, но не способом определить момент прекращения обязательств. Фактически, зачет имеет обратную силу [2, с. 959; 3, с. 403; 4, с. 87]. Такой позиции придерживается и Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (п.3 письма от 29.12.2001г. №65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательства зачетом встречных однородных требований»).

2. Обязательства прекращаются в момент получения одной из сторон заявления другой стороны о зачете [5, с. 51; 6, с. 44].

С. Сарбаш является сторонником обратной силы зачета и объясняет ее исходя из истории формирования права, ссылаясь на германское законодательство, на проект Гражданского уложения Российской Империи, на труды ученых советского периода (в частности, Л. А. Лунца). Но ведь не зря белорусский законодатель не включил в ст.381 ГК норму об обратной силе зачета! Развитие права не остановилось на проекте Гражданского уложения Российской Империи, поэтому этот довод нельзя признать убедительным.

Если исходить из обратной силы зачета, указывает С. Сарбаш, то до момента получения второй стороной заявления о зачете стороны рассматриваются как находящиеся в просрочке, однако после зачета просрочившим должником может быть лишь та сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее. Обратное действие зачета устраняет все последствия просрочки, начиная с момента наступления срока исполнения последнего обязательства. Поэтому гражданско-правовые санкции будет нести только та сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее, и лишь за период с начала просрочки и до наступления срока исполнения обязательства другой стороны [4, с. 88]. С. Сарбаш считает такой подход справедливым: «...любая из сторон должна другой денежную сумму, при этом каждая из них, оказываясь в просрочке, как бы экономит для себя ту сумму, которую должна уплатить и одновременно получить, ничего, по существу, не теряя». Однако С. Сарбаш упускает из вида то обстоятельство, что размеры санкций по обязательствам могут быть абсолютно несоизмеримыми! И убытки, причиненные просрочкой должника, также могут значительно разниться. Может сложиться такая ситуация, когда убытки стороны, срок исполнения

требования которой наступил позднее, будут существенно превышать убытки стороны, срок исполнения требования которой наступил ранее. Переноса срок прекращения обязательств в прошлое, мы, по сути дела, нарушаем принцип равенства участников гражданских отношений (ст.2 ГК), поскольку в любом случае та сторона, срок исполнения требования которой наступил ранее, всегда будет в более выгодном положении.

Таким образом, правильной представляется та точка зрения, которая по каким-то причинам нашла меньше всего сторонников в юридической литературе: обязательства прекращаются зачетом с момента получения одной из сторон заявления другой стороны о зачете. Это вытекает из буквального толкования закона и принципа равенства участников гражданских отношений (ст.2 ГК). Почему точкой отсчета является именно получение второй стороной уведомления о зачете, а не принятие одностороннего решения первой стороной? Потому что зачет по общему правилу является односторонней сделкой, состоящей в выражении воли одной из сторон на прекращение обязательства этим способом. А воля должна быть выражена вовне, то есть доведена до сведения контрагента (это вытекает из понятия односторонней сделки, п.2 ст.155 ГК).

Согласно п.2 ст.381 ГК не допускается зачет требований:

- если по заявлению другой стороны к требованию подлежит применению срок исковой давности и этот срок истек;
- о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью;
- о взыскании алиментов;
- о пожизненном содержании;
- в иных случаях, предусмотренных законодательством или договором.

Наиболее интересным и дискуссионным является вопрос о невозможности зачета в случае истечения срока исковой давности. Формулировка пп.1 п.2 ст.381 ГК оставляет без ответа ряд важных вопросов:

1. Возможен ли в принципе зачет, если срок исковой давности по одному из требований истек.
2. Каким образом другая сторона должна заявить о применении срока исковой давности.
3. Если другая сторона не заявляет о применении срока исковой давности, означает ли это ее согласие на зачет.
4. Может ли другая сторона после проведения зачета заявить о применении срока исковой давности, каковы будут последствия такого заявления.

М. В. Телюкина полагает, что могут иметь место две ситуации. Если срок исковой давности истек в отношении требования к тому лицу, которое инициирует зачет, то зачет допускается независимо от истечения срока исковой давности. Если же срок исковой давности истек в отноше-

нии требования лица, которое инициирует зачет, то вторая сторона после получения сообщения о зачете может заявить об истечении срока исковой давности. Отсутствие такого заявления в разумный срок означает согласие второй стороны на зачет, несмотря на истечения указанного срока. В этом случае зачет будет оспоримой сделкой: если вторая сторона подаст иск в суд о признании зачета недействительным, то она должна будет доказать, что она сделала в разумный срок заявление об истечении срока исковой давности [5, с. 54]. Эта точка зрения представляется достаточно спорной, поскольку зачет при таком подходе превращается в двустороннюю сделку. И тогда возникает вопрос о том, в какой момент обязательства прекращаются.

С. Сарбаш и Р. Р. Томкович считают, что сама возможность заявления требования о применении срока исковой давности препятствует проведению зачета, зачет требования с истекшим сроком исковой давности является ничтожной сделкой [4, с. 89; 6, с. 46]. С. Сарбаш делает такой вывод, исходя из двух предпосылок. Во-первых, исковая давность может быть применена только судом по заявлению заинтересованной стороны, поэтому вне рамок судебного процесса какие-либо заявления о пропуске срока исковой давности не влекут последствий, установленных законом. Во-вторых, конструкция статьи о зачете дает основания полагать, что в ней перечислены «незачетоспособные» требования [4, с. 89]. Такая точка зрения также не идеальна, поскольку из нее вытекает, что срок исковой давности применяется независимо от воли сторон, автоматически, что не соответствует п.2 ст.381 и п.2 ст.200 ГК.

Наиболее правильной представляется позиция Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, выраженная в письме от 29.12.2001г. №65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований». В соответствии с п.10 указанного письма сторона, получившая заявление о зачете, не обязана заявлять о пропуске срока исковой давности контрагенту, так как исковая давность может быть применена только судом, который применяет ее при наличии заявления при рассмотрении соответствующего спора. Таким образом, в случае истечения срока исковой давности зачет возможен, однако он будет оспоримой сделкой. Инициатор зачета несет риск того, что вторая сторона оспорит зачет в судебном порядке.

Представляется, в целях единообразного правоприменения рассмотренные выше вопросы следует урегулировать на уровне постановлений Пленумов Высшего хозяйственного и Верховного судов Республики Беларусь.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 №218–3 (ред. от 26.06.2003) // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. 1999. №7–9. Ст. 101.
2. Гражданское право: в 2 ч. Ч.1: Учебник / Под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. Мн. Амалфея, 2000. 976 с.
3. *Новицкий И.Б., Лунц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М. Государственное издательство юридической литературы. 1950. 416 с.
4. *Сарбаши С.* Прекращение обязательств зачетом в арбитражной практике // Хозяйство и право. 2001. №10. С. 80–91.
5. *Телюкина М.В.* Зачет встречного однородного требования. Специфика его применения в конкурсном производстве // Законодательство. 1999. №8. С. 46–60.
6. *Томкович Р.Р.* Зачет взаимных требований // Вестник МНС Республики Беларусь. 2002. №47. С. 44–50.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

Т. Э. Шпилевская

Правовой статус характеризует правовое положение профессорско-преподавательского состава и включает в себя совокупность прав и обязанностей, предусмотренных нормативными актами. Термин профессорско-преподавательский состав объединяет в себе перечень должностей (за исключением руководящих), которые замещают преподаватели в высшем учебном заведении. Преподаватели высших учебных заведений, как и все граждане Республики Беларусь, пользуются правами, закрепленными в Конституции Республики Беларусь и иных нормативно-правовых актах. На преподавателей вуза в полной мере распространяется действие Трудового кодекса Республики Беларусь. В настоящее время только незначительная часть прав и обязанностей преподавателей высших учебных заведений закреплено в Законе от 29 октября 1991 года «Об образовании», остальные содержатся в других нормативных актах. Особые условия труда, специфика трудовой деятельности преподавателей высших учебных заведений обусловили необходимость законодательного определения и закрепления особых требований к профессиональным качествам и квалификации преподавателей вуза, а также дополнительных гарантий осуществления преподавательской деятельности. Преподаватели высших учебных заведений, помимо общих прав, которые закреплены в Трудовом кодексе, обладают специфическими правами и обязанностями, гарантиями и льготами. Проверка исполнения профессорско-преподавательским составом возложенных на них обязанностей проводится посредством периодических отчетов преподавателей в связи с

переизбранием на должность профессорско-преподавательского состава на новый срок, а также путем анализа количества опубликованных ими научных и методических работ.

Занимать должности профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях могут только лица, имеющие необходимый образовательный ценз. Так, заниматься преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях могут только лица, имеющие как минимум высшее образование. Предпочтение отдается специалистам, имеющим ученые степени кандидатов и докторов наук, ученые звания доцентов и профессоров. В законодательстве Республики Беларусь, в отличие от Российской Федерации, нет ограничений для занятия педагогической деятельностью. Вместе с тем в целях ограничения обучающихся от вредных воздействий необходимо предусмотреть в законодательстве ограничения для занятия преподавательской деятельностью для лиц, которым она запрещена приговором суда или по медицинским показаниям, а также для лиц, которые имеют судимость.

Специфика трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава также обуславливает наличие особенностей в прекращении трудового договора с преподавателями вуза. Прекращение трудового договора с преподавателем вуза может осуществляться как по общим основаниям, предусмотренным в статье 42 Трудового кодекса, так и по пункту 3 статьи 47 Трудового кодекса (совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы).

По нашему мнению вышеперечисленные особенности правового статуса профессорско-преподавательского состава свидетельствуют о необходимости обеспечения комплексного законодательного регулирования правового положения преподавателей высших учебных заведений. Это может быть сделано одним из следующих способов: принятие одного Закона «О правовом статусе преподавателей», положения которого будут распространяться на всех преподавателей, включая преподавателей вуза либо принятие общего Закона «О правовом статусе преподавателей», а также законов, регулирующих правовое положение отдельных категорий преподавателей. В Законе «О правовом статусе преподавателей» применительно к профессорско-преподавательскому составу целесообразно урегулировать следующие вопросы:

1. Дать легальное понятие «правового статуса преподавателя», следующим образом: правовой статус преподавателя – это совокупность прав, обязанностей, гарантий и ответственности, предусмотренных законода-

тельством Республики Беларусь, для лиц осуществляющих преподавательскую деятельность.

2. Дать легальное определение «преподавателя вуза» в соответствии с понятием, которое дано в Рекомендации ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений (11 ноября 1997 года). В соответствии с данной Рекомендацией под преподавательскими кадрами высших учебных заведений понимаются все лица в учебных заведениях или программах высшего образования, которые в течение полного или неполного рабочего дня занимаются преподаванием и/или научной, и/или исследовательской деятельностью, и/или те, которые предоставляют образовательные услуги учащимся или обществу в целом.
3. Индивидуализировать права и обязанности преподавателя вуза.
4. Порядок проведения аттестации, подготовки, переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.
5. Особенности заключения и прекращения трудового договора с профессорско-преподавательским составом.
6. Порядок оплаты труда преподавателей вуза.
7. Дисциплинарная ответственность профессорско-преподавательского состава.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Е. А. Белая

На сегодняшний день среди сотрудников вузов 50,9 % женщин. Из них только 7 % составляют ректоры, 11,4 % – проректоры и директора филиалов, 23,3 % – деканы факультетов и заместители деканов, 24 % – заведующих кафедрами, 58,9% – старшие преподаватели, 67,8 % – преподаватели, ассистенты и преподаватели-стажеры[1, с. 89]. Эти цифры подтверждают тот факт, что женщины в основном занимают низкие должности и выполняют вспомогательную работу, а руководящие посты принадлежат мужчинам.

С целью изучения факторов, влияющих на профессиональную карьеру женщин в науке, автором в 2004 году было проведено зондажное социологическое исследование 17-ти женщин-профессоров и доцентов Белорусского Государственного Университета. В ходе интервью женщины рассказывали о том, кто более всего повлиял на их выбор профессиональной сферы, какие качества им пришлось в себе воспитывать, какие препятствия они преодолевали.

Большинство опрошенных женщин отмечали тот факт, что в науку и преподавание их привел случай (обстоятельства, получение образования, впечатления от собственных преподавателей, приглашение на работу в университет), желание же и потребность преподавать пришли уже в процессе работы, хотя изначально они совершенно не представляли себя в роли преподавателей.

Известно, что всякая научная деятельность требует от человека не только соответствующего интеллекта и знаний, но и таких «мужских» личностных качеств, как уверенность в своих возможностях, способность к риску, стремление к успеху, честолюбие, жажда победы, способность переносить неудачи. Наше исследование показало, что женщины-ученые в реальности обладают такими качествами, как целеустремленность, трудолюбие, стремление достичь успеха (т. е. так называемые «мужские» качества). Наряду с ними отмечаются высокий интеллектуальный и образовательный уровень, широта интересов в профессиональной сфере, способность решать сложные проблемы в экстремальных условиях, требовательность к себе, а также неумение бороться за свои права, невысокий интерес к себе как к женщине, слабая развитость таких личностных качеств, как обаяние и артистизм. Женщины должны разви-

вать уверенность в себе, учиться презентировать себя и свои идеи, вести жесткую дискуссию, отстаивать не только свои взгляды, но и интересы, стремиться к карьере (не утратив при этом самокритичности и трудолюбия). Отмечалась также невозможность женщин участвовать в «закулисном» обсуждении проблем, которое могут позволить себе мужчины (разговоры за пивом, в бане, на банкетах).

Опрос также выявил, что образ женщины-ученого, сложившийся в обыденном сознании («синий чулок», недотепа, неумеха) не соответствует образу реальной женщины-ученого, а тем более идеальным представлениям самих женщин о том, какой должна быть женщина в науке. Идеальный образ женщины-ученого по мнению опрошенных получился следующим: элегантная, внешне симпатичная, подтянутая. Прежде сего профессионал, обладающий интересом к своему делу, стремлением к совершенству, творческой жилкой, интеллектуальными способностями, самокритичностью, чувством юмора, артистизмом. Это уверенная в себе, коммуникабельная, трудолюбивая, организованная, умная, добросовестная, «пробивная», уравновешенная, терпеливая, решительная женщина, не боящаяся неудач в работе.

Опрошенные женщины сходятся во мнениях относительно мужского доминирования в науке, а также недостатка у них таких качеств, как самокритичность, требовательность к себе, умение слушать других и принимать их точку зрения. Отмечалось также отсутствие среди мужчин ярких личностей с лидерскими качествами, привычка перекладывать ответственность на других, эгоцентризм, неадекватная самооценка, стремление братья за все, что способствует карьере, независимо от реальных способностей и возможностей, а также моральных и этических обстоятельств.

Практически все респондентки чувствовали на себе влияние традиционных представлений о месте женщины в обществе как на уровне повседневного общения (непонимание со стороны знакомых, коллег), так и в профессиональной сфере. Но вместе с тем, в построении карьеры женщинам мешает не столько пол, сколько отсутствие мотивации и карьерных устремлений.

Говоря об отношении коллег и подчиненных к высоким научным и карьерным достижениям, все женщины-ученые отметили что особых проблем в общении у них не возникает. Большинству женщин легче строить свои отношения с мужчинами в силу их малочисленности, отсутствия большого набора моделей поведения, к которым нужно приспосабливаться, отсутствия зависти и подсиживания с их стороны (хотя и такое не исключается).

Все без исключения респондентки сошлись на том мнении, что мужчине гораздо легче сделать карьеру. Применительно к образованию следует разграничить академическую и административную карьеру. В академической карьере основным препятствием для женщины является отсутствие времени необходимость выполнять многочисленные домашние обязанности, от чего освобождаются мужчины, которые могут потратить это время на профессиональный рост. Женщинам обычно не ставят «особых» препятствий, но мужчин иногда «поддерживают», например, при защите диссертаций (как и при приеме в вуз, аспирантуру и т. п.). Что касается административной карьеры, то мужчинам здесь значительно легче. Это соответствует традиции, установкам на карьеру (положительным у мужчин, отрицательным у женщин), а также распространенному стереотипу (и среди мужчин, и среди женщин), что из женщин получаются худшие начальники, чем из мужчин (хотя уже никто не думает, что женщины хуже как специалисты). Мужчины, заняв административную должность, нередко теряют самокритичность и адекватную самооценку, начинают приписывать себе несуществующие достоинства, и не стесняются использовать административный ресурс. Это очень облегчает карьерный рост. Кроме того, уверенные в себе высокопрофессиональные женщины менее конформны, чем мужчины, из-за чего они являются худшими «командными игроками» (в смысле организационного поведения), они более критичны по отношению к начальству и организации. Также женщины придают больше значения содержанию работы, чем статусу; видя в статусе скорее инструмент реализации своих идей, чем властных отношений. Женщины реже, чем мужчины, соглашаются менять «интересную» работу на руководящую. Как уже отмечалось выше, женщине трудно «войти» в мужскую управленческую среду чисто психологически и ритуально (они исключены из обмена информацией и услугами в бане, за пивом, с ними не принято здороваться за руку и т. п.).

Говоря о возможных путях выхода из создавшегося положения на государственном уровне, женщины-ученые считают необходимым добиться строгого исполнения на практике антидискриминационного законодательства; ввести в судебную практику рассмотрение случаев дискриминации и сексуальных домогательств; продвигать идеи планирования семьи и равной ответственности мужчин и женщин за семью, дом, воспитание детей; расширять преподавание гендерных дисциплин не только в высших, но и в средних учебных заведениях; продвигать идеи женского лидерства; расширять влияние женщин на принятие социальных, экономических и политических решений; развивать бытовую сферу, чтобы максимально освободить женщину от домашних обязанностей. Однако

женщины отмечают, что директивные методы не принесут желаемых плодов. Начинать следует с воспитания девочек как самостоятельных, независимых личностей, способных реализовать себя в профессиональной сфере, затем постепенно трансформировать общественное мнение и нивелировать патриархальные настроения. Естественно, реализация обозначенных планов невозможна только на государственном уровне. Женщины должны осуществлять свой выбор сознательно, бороться за свои права, не бояться отстаивать свое мнение, получать хорошее образование, показывать себя квалифицированными специалистами, уважать себя как личность. Пассивность самих женщин часто затрудняет профессиональный рост, следовательно, женщине необходимо занимать активную жизненную позицию, а не ждать помощи со стороны.

Таким образом, проведенное пилотажное исследование позволило выявить основные проблемы, мешающие женщине реализовать себя в профессиональной деятельности: необходимость совмещать работу и семью; отсутствие необходимых качеств; недостаток опыта конкурентной борьбы; патриархальные установки в обществе; отсутствие карьерных устремлений; половой дисбаланс в образовательной сфере (малочисленность мужчин) и недостаточно активная позиция самих женщин. Выход женщины видят в изменении законодательства, трансформации общественного мнения и повышении активности женщин.

Литература

1. Женщины и мужчины РБ: статистический сборник. Мн., 2003. С. 89.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИЧНОЙ ЭВДЕМОНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Т. И. Врублевская

В развитии античного эвдемонизма можно выделить три значительных блока, представленных учениями Аристотеля, Эпикура и школы стоицизма. Несмотря на то, что их объединяет общая проблема: что есть высшее блаженство и счастье человека, связь между ними, позволяющая объединить их в единую традицию, вовсе не так уж очевидна. Рассмотрим подробнее суть этих учений.

Понятие «эвдемония» в древнегреческой философии описывается целым рядом терминов: блаженство, наслаждение, процветание, удачливость, являя собой высшую цель всякой деятельности.

Исторически первый вариант эвдемонизма принадлежит Аристотелю. Согласно ему, общей конечной целью деятельности любого человека

является блаженство – только к нему стремятся ради него самого. Аристотель демонстрирует основные подходы в определении понятия счастья, давая им собственную оценку: 1) для многих это удовольствие и наслаждение, но жизнь, растроченная для наслаждений, – рабская жизнь, достойная животного; 2) для других счастье – это почести, успешность в жизни. Однако успех, по большей части, есть нечто внешнее, зависящее от тех, кто его признает; 3) для кого-то счастье состоит в умножении богатства, и это одна из наиболее абсурдных целей, жизнь вопреки природе, ибо богатство – средство для чего-то другого, и как цель смысла не имеет. Высшее же благо и счастье, доступное человеку, состоит, с точки зрения Стагирита, в совершенствовании себя как человека, т. е. в активности, отличающей его от всех прочих существ.

Следует оговорить здесь одну важную особенность аристотелевской теории: главным условием эвдемонии является совершенство бытия как такового, а не деятельность отдельного человека – говоря о наслаждении, испытываемом человеком, мы не можем ничего сказать о совершенстве или ценности его деятельности. Ценность самого наслаждения всецело зависит от ценности той деятельности, следствием которой оно является.

Блаженство человека состоит в совершенстве присущей ему, как человеку, деятельности. «Умозрение есть блаженнейшее и наилучшее» – пишет Аристотель, утверждая, что деятельность разума, соответствующая своей задаче, есть высшая добродетель. Именно, испытывая себя в мудрости, т. е. совершенствуясь в созерцательной активности, человек способен достичь высшего счастья и прикоснуться к божественному. Интеллектуальная активность, будучи теоретической, не преследует никакой другой цели, помимо себя, и наслаждение состоит в интенсификации этой активности, вплоть до самодостаточности. Насколько простирается созерцание, настолько простирается и счастье – пишет Аристотель.

Блаженство человека как таковое состоит в добродетели. Наряду с добродетельным поведением, здоровье, красота, мудрость, благородное происхождение, согласно Аристотелю, также являются условиями достижения эвдемонии, однако важнейшей составляющей все же является внутренняя годность, достоинство человека. В аристотелевском варианте эвдемонизма, таким образом, блаженство, точнее способность его достижения, заложена в самом человеке, в его умении развивать собственную интеллектуальную деятельность.

Эпикурейская эвдемонистическая теория дает определение подлинного наслаждения, призывая к ограничению желаний. Эпикур считает важным различать: 1) естественные и необходимые удовольствия,

2) естественные, но не необходимые, 3) удовольствия не естественные и не необходимые. Желания и удовольствия первой группы бывают всегда удовлетворены, имеют естественный предел: как только устранено страдание, желание затухает. Желания второй группы уже не имеют естественного предела, ибо не связаны с телесным страданием, а потому могут спровоцировать заметный ущерб. Желания третьей группы, никак не связанные с телесными потребностями, подвергают душу опасным волнениям.

Свобода от телесных страданий и чувства неполноты, неудовлетворенности вызывает у человека своего рода синестезическое чувство собственного существования – осознание того, что само существование может быть предметом наслаждения. Нравственной жизнью управляет не удовольствие как таковое, но разум, который судит и разделяет, т. е. практическая мудрость, отделяющая те удовольствия, что не несут страданий и возмущений, от тех, что несут наслаждения поначалу и страдания впоследствии.

Очевидно, что и в эпикурейской теории основным фактором достижения эвдемонии является разумная способность, диктующая ту форму жизни и стиль поведения, которые соответствуют самой сущности человека, управляются его высшей способностью – разумом.

Понимание блаженства в стоицизме связано с самодостаточностью человека, не зависящего ни от каких внешних явлений – миром правит судьба, а посему ни богатство, ни здоровье, ни сила и красота не зависят от него самого. Счастье состоит в том, чтобы следовать природе. Любое живое существо, живя в соответствии с законом природы, стремится к самосохранению, поэтому для каждого существа ценно и ведет к блаженству лишь то, что содействует его самосохранению, и для человека ценно только все то, что согласно с разумом: только добродетель является благом и в ней одной состоит блаженство человека.

По отношению к вещам стоики не применяют характеристики «добра» и «зла», ибо это моральные понятия, относящиеся к Логосу. Поэтому все, что относится к телесному, морально индифферентно. К ним относились жизнь, здоровье, красота, смерть, болезни, уродство, бедность, рабство и прочее. Эти феномены полагались морально индифферентными.

Такое решительное разведение блага и зла, по одну сторону, и всего прочего как индифферентного, по другую, имеет большое значение для нас: все опасности, превратности, неустойчивость, спровоцированные социальными и политическими потрясениями, были объявлены стоиками безразличными. Это была попытка указать на то, что благо и зло имеют всегда и только внутреннюю природу, никогда не приходят извне, но за-

висят от собственного отношения человека к вещам и событиям самим по себе нейтральным.

Счастье абсолютно не зависит от внешних событий, и одолеваемый физическими пытками и недугами человек способен быть вполне счастливым. Эвдемония является следствием правильного поведения и не может быть ценной сама по себе, истинное блаженство добродетельного человека состоит в освобождении от внешних помех, в достижении душевного спокойствия и внутренней независимости. Несмотря на то, что в мире правит божественная воля, этот факт никак не может избавить человека от возможности проявления воли собственной – воли к жизни в согласии с самим собой.

Эти три варианта эвдемонистических учений, не смотря на различия в понимании сущности эвдемонии и способов ее достижения, демонстрируют сходный взгляд на проблему. Фигура человека, несмотря на зависимость от неотвратимых внешних явлений, рассматривается как автономная, насколько этот термин допустим для философских теорий Античности. Идеал человека характеризуется, прежде всего, внутренней независимостью и бесспорным достоинством, устойчивостью перед всяким внешним воздействием, причем в эпикуреизме и стоицизме в большей степени, чем у Аристотеля. Эта особенность человеческой природы становится очевидной именно через призму эвдемонии, как такого состояния, достичь которого может только тот, кто способен к самосовершенствованию, к развитию своих интеллектуальных способностей, а, следовательно, и придерживаться добродетельного образа жизни. Человек рассматривается, как способный выходить за границы того, что ему было дано или запрещено.

Эвдемонистические учения Античности могут быть объединены в рамках единой этической традиции, поскольку, несмотря на власть судьбы и всеобъемлющий Космос, органичной частью которого выступает и человек, в стремлении к эвдемонии проявляется сущность человека – способность к самоопределению и самовоспитанию, к занятию внешней по отношению к миру позиции и обращению внутрь самого себя. При этом первостепенное значение придается морали как основе всего существования человека, дающей возможность автономии и достижения блаженства.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ОБОСНОВАНИИ СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. В. Доброродняя

Проблема социальной коммуникации является одной из наиболее востребованных проблем в современной науке. Наверное, именно поэто-

му, затрагивая ее предметное поле, мы сталкиваемся с различными версиями и интерпретациями этого феномена.

Поворот к коммуникативной проблематике был обусловлен, в первую очередь, лингвистической или так называемой лингво-семиотической революцией и, в связи с этим, с изменениями в интерпретации языка в различных дисциплинах (лингвистика, семиотика, логика, философия и т. д.). Речь идет о смещении интереса от языков высокого уровня обобщенности, от языка абстракций к матерьялу естественных языков с их нерегулярным разнообразием, ко всем аспектам речевой деятельности и речевого взаимодействия. Следовательно, интерес смещается от одномерного описания языка как статичной системы к его динамичному аспекту. Построение теорий естественного языка являлось проектом, реализация которого была связана с наиболее актуальными вопросами современной научной практики, ибо это прежде всего задача моделирования языковых информационных процессов, моделирования языка как средства хранения, передачи и построения информации, какова бы ни была природа его носителей. Собственно говоря, именно эти аспекты и составляют сущность коммуникации. Отношение к феномену коммуникации изменяется в связи с тем, что в современном мире происходит изменение места и роли коммуникации и коммуникативных технологий в различных сферах общественной жизни.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день насчитывается огромное количество описаний процесса передачи информации, практически каждая дисциплина пытается сформулировать свое оригинальное представление о таких понятиях как коммуникация, информация и семантически близких к ним. Что касается специальной научной литературы, то можно говорить о том, что существует немало попыток представить дело таким образом, что конкретные концепции коммуникации не сводимы к каким-либо философско-методологическим постулатам, а опираются на эмпирическую реальность и здравый смысл.

Однако в философии поворот к коммуникативной проблематике произошел задолго до появления массовой коммуникации и информационных технологий, именно она определяла представление о феноменах общения, понимания, передачи смысла и т. д. Поэтому, рассматривая современные концепции социальной коммуникации, представляется правомерным обратиться именно к философии в поисках нового понимания коммуникативной природы общества и человека, в поисках устойчивых оснований новой коммуникативной рациональности.

Философский анализ феномена социальной коммуникации выявляет столько глубоких и сложных проблем, что их успешное разрешение возможно только на пути концентрации совместных усилий различных гуманитарных и даже естественных дисциплин и комплексных междисциплинарных разработок.

Потенциальная множественность суждений порождает ситуацию, когда затруднены теоретические обобщения и конвенциональные ограничения. И неудивительным представляется тот факт, что суждения о коммуникации, социальных связях людей и т. п. носят характер неопределенный, противоположный и диспропорциональный. Более внимательный подход к исследовательским парадигмам социальной коммуникации и соотнесение их с конкретно-научными отраслями знания и их результатами позволяют убедиться в том, что уже изначальные положения, принимаемые учеными за вероятностные гипотезы или аксиомы зависят именно от основополагающих допущений, которые касаются человеческой природы и природы общества, условий и возможностей знания о предмете анализа.

Принципы и предпосылки философского изучения социальной коммуникации сегодня должны быть определены необходимостью решения важной интегративной задачи – сформировать системную модель социальной коммуникации, которая раскрывала бы сущностные характеристики и структурно-функциональные особенности данного феномена, выделить в этой модели основные подсистемы социального взаимодействия и вскрыть необходимые типы связей между ними.

Системная методология анализа процесса передачи информации включает положение о коммуникации как элементе многообразных многомерных систем: физических, биологических, социальных. Каждая из этих систем задает свои специфические параметры, которые прослеживаются в социальной коммуникации. Должна быть определена система, в координатах которой рассматривается данный феномен и системообразующее основание, объединяющее его элементы как относительно однородные.

С точки зрения философии появляется возможность целостной интерпретации феномена социальной коммуникации. Философский анализ проблемы позволяет понять, что, функционируя на различных уровнях социальной реальности, социальная коммуникация предстает как:

- взаимосвязь-взаимодействие и обмен образованиями материального и духовного порядка;
- реализация внутренней потенции самоосознающего индивида;

- персонификация и актуализация структурных характеристик общества.

Философское постижение феномена социальной коммуникации не тождественно процессу накопления и обобщения эмпирических данных о природе коммуникации. Перспективы философских изысканий в этой области лежат на путях перехода от описательно-констатирующего уровня познания к объясняющему. А это, несомненно, потребует разработки системного теоретического базиса, нового понятийного и процедурно-методологического инструментария.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ И. ГЁТЕ И И. КАНТА

А. Ю. Дудчик

И. В. Гёте – уникальная личность в европейской культуре, проявившая себя в самых разных сферах деятельности – был весьма оригинальным мыслителем. Тем не менее, достаточно сложной и не проясненной остается проблема реконструкции его философских взглядов и их соотношения с современными Гёте философскими системами. Эти затруднения вызваны в первую очередь тем, что у Гёте нет собственно философской системы как последовательно и строго изложенной концепции, тем не менее, все его творчество пронизано глубокими философскими размышлениями.

При обращении к его наследию обнаруживается, что можно вести речь о философии Гёте, по меньшей мере, в двух проекциях: как о мировоззрении в целом, и как о гносеологической программе, которая может быть реконструирована, прежде всего, при обращении к его деятельности в области естествознания. В последнем случае вполне возможно говорить о гносеологической программе Гёте.

Соотнося гносеологическую программу Гёте с современными ему философскими системами, наиболее интересным представляется ее сравнение с гносеологией И. Канта.

Прежде всего, необходимо отметить, что «Критика чистого разума» (1-ое и 2-ое издания) появилась раньше, чем большинство естественно-научных сочинений и философских работ Гёте и с ее идеями последний, безусловно, был знаком. Разрабатывая в общем сходную с кантовской проблематику, программа Гёте, по нашему мнению, значительно от нее отличается. Было бы преувеличением говорить о системе Гёте как реакции на «Критику чистого разума», тем не менее работы Гёте содержат в

себе достаточно много скрытых (а порой и явных) полемических замечаний и возражений в адрес различных положений гносеологии Канта.

Обе концепции развиваются как попытки снятия новоевропейской дихотомии между субъектом и объектом. Но если Кант делает это за счет отчетливого крена в сторону субъекта, то для Гёте характерен своеобразный «объективизм»: по его мнению, человек – органичная часть природного мира и различия между ними в значительной степени преувеличены.

Исходя из этого, по-разному понимают они и объективность познания. Для Канта объективность гарантируется общезначимостью, для Гёте – соответствия нашего знания природе самих вещей. Гёте, как и Кант, исходит из трехчленного разделения познавательных способностей человека, выделяя в них чувственность, рассудок, разум. Как и Кант, Гёте придает большое значение чувственному опыту, но рассматривает его как динамически изменяющуюся в процессе познания характеристику.

Сферу рассудка Гёте истолковывает не трансцендентально, как Кант, но реалистично: функция рассудка состоит не в подведении чувственного опыта под априорные категории, но в понятийном выражении идеального закона, присущего самому предмету. Если для Канта идеальное абстрактно, то для Гёте – конкретно, оно принадлежит самому явлению, а не привносится в него извне. Разум, постигающий целостность вещей и их всеобщую связь, для Гёте не кантовская «авантюра», а вполне реальная способность, «созерцающая способность суждения». Идея, по Гёте, не только регулятивна, но и конститутивна. Человеческий ум, утверждает Гёте, не только дискурсивен, но и синтетичен, т. е. способен сразу воспринимать целостность.

Значительное место в программах обоих мыслителей отводится критической составляющей. Но если у Канта это критика сферы разума, то Гёте настаивает, прежде всего, на критике рассудка, стремящегося избавиться как от чувственно данного явления, так и от его идеи.

Таким образом, как мы видим, разница во взглядах двух мыслителей достаточно значительна. Несмотря на схожесть отдельных положений, необходимо достаточно четко осознавать различия между этими двумя оригинальными гносеологическими концепциями.

ОПИСАНИЕ МЕХАНИЗМА ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ ФРУСТРАЦИИ

Д. Г. Дьяков

Теоретические предпосылки построения модели переживания ситуаций фрустрации.

Проблемы психологии переживания впервые (и практически параллельно), поднимаются в отечественной психологии Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, Б. М. Тепловым. Л. С. Выготский и Б. М. Теплов рассматривали переживание как «клеточку сознания... единицу психологии» представляющую собой «единство аффекта и интеллекта»[1]. В своей исследовательской деятельности ученые, тем не менее, не сфокусировались на изучении проблемы переживания, в результате чего модель переживания в отечественной психологической традиции не является выстроенной. Построение такой модели в отечественной парадигме обусловлено, главным образом, необходимостью исследования переживания ситуаций фрустрации лицами с отклонениями в психофизическом развитии, испытывающими проблемы, связанные со сложностями адаптации в социуме. Психологические особенности данной категории лиц изучает специальная психология, понятийный аппарат которой выстроен в рамках отечественной традиции.

В своей работе «Психология переживания»[2] представитель культурно – исторического направления Ф. Е. Василюк определяет переживание как преодоление критических ситуаций через выстраивание осмысленных отношений между критической ситуацией (в нашем случае фрустрации) и ценностями субъекта (через конституируемый ими мотив)[2]. Мы рассматриваем понимание Ф. Е. Василюком переживания критических ситуаций как частный вариант переживания в его понимании Л. С. Выготским, Б. М. Тепловым. Установление отношений предполагается нами как достраивание эмоциональной составляющей реакции субъекта на ситуацию фрустрации за счет ее когнитивного компонента. Установление осмысленности мы, вслед за А. Н. Леонтьевым, понимаем как формирование субъективной значимости ситуации для переживающего субъекта[3].

Переживание критических ситуаций фрустрации как установление смыслового соответствия между переживаемой ситуацией и ценностями через конституируемый ими актуализированный в критической ситуации мотив представляет собой модель переживания критических ситуаций фрустрации.

МОДЕЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СИТУАЦИЙ ФРУСТРАЦИИ

Модель переживания как деятельности выстраивается нами, кроме прочего, с опорой на логику развития ведущего вида деятельности в концепции Д. Б. Эльконина[4]. Мы опираемся также на представление о поровневом устройстве психического аппарата, предложенное Б. С. Брату-

сем[5]. Согласно его представлениям, психическая активность обнаруживает себя на трех уровнях: личностно – смысловом, индивидуально – психологическом и физиологическом (последний включен автором в контексте необходимости решения специальных задач стоявших перед его исследованием). В соответствии с этим, наша модель обнаруживает три уровня: личностно – смысловой, операциональный, и необходимый, в контексте решаемых нами задач, феноменологический.

УРОВНИ МОДЕЛИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СИТУАЦИЙ ФРУСТРАЦИИ

В операциональный уровень модели переживания ситуаций фрустрации включаются психические явления, обеспечивающие техническую сторону деятельности переживания. Ф. Е. Василюк пишет о том, что переживание обеспечивается всей группой психических функций, но каждый раз одна из них может принимать на себя основную часть работы переживания, т. е. работы по разрешению «неразрешимой» ситуации. [2, с. 59].

В феноменологический уровень мы, вслед за Ф. Е. Василюком, включаем различные «психические и поведенческие» проявления переживания субъектом критической ситуации. В этой роли могут выступать юмор, сарказм, ирония, юродство и т. д. Ф. Е. Василюк, в этой связи, пишет: «диапазон возможных носителей переживания включает в себя абсолютно все формы и уровни поведенческих и психических процессов» [2, с. 59].

Исходя из принятого нами определения переживания, можно выделить две составляющих переживания на личностно – смысловом уровне: осознание отношений ситуации к мотиву и осознание отношений мотива к системе ценностей субъекта.

Изучая переживание, в соответствии с определением Ф. Е. Василюка как установление смыслового соответствия ситуации фрустрации системе ценностей субъекта, мы раскрываем преимущественно особенности личностно- смыслового уровня данной модели.

Модель личностно – смыслового уровня включает два компонента, соответствующих двум возможным качествам переживания: центральный, или стержневой, и периферический. Центральный компонент моделирует то, что Ф. Е. Василюк обозначает как позитивное (продуктивное) переживание, а периферический, то, что обозначается автором как переживание негативное (непродуктивное). Мы предложили критерии дифференцирования этих качеств переживания.

При выделении критериев мы исходили из того, что позитивное переживание всегда переживание ценностное. Позитивное переживание предполагает осмысление, в свою очередь, предполагающее осознание. Общим надкритериальным основанием дифференцирования качества переживания становится установление осознанных отношений между ситуацией фрустрации и конституирующими ее ценностями, при которых ситуация начинает переживаться перспективной. Опираясь на это основание, мы можем выделить ряд частных критериев дифференцирования качества переживания. Первым критерием становится осознание отношений между ситуацией фрустрации и конституирующим ее мотивом. В качестве второго критерия мы полагаем осознание отношений между мотивом и конституирующими его ценностями.

Таким образом, мы определяем характеристики позитивного и негативного качества переживания в соответствии с этими критериями. В случае если обнаруживает себя полноценное осознание отношений между компонентами переживания, мы можем говорить о позитивном переживании. Тогда, когда обнаруживает себя целостное либо фрагментарное не осознание хотя бы одного из обозначенных отношений, мы вправе говорить о негативном переживании.

В качестве результата позитивного переживания могут выступать изменения в иерархии мотивов наряду с постановкой новой цели, осуществляющей перспективную связь между ситуацией фрустрации и системой ценностей субъекта. В случае изменения иерархии мотивов происходит изменение доминирующего в ситуации мотива. В результате подобного изменения ситуация начинает переживаться как не критическая - становится перспективной. Если результатом переживания становится постановка цели, осуществляющей перспективную связь между ситуацией фрустрации и конституирующими ее ценностями, то установление таких отношений между ситуацией и ценностями также обуславливает становление перспективности ситуации фрустрации в динамике переживания.

МЕХАНИЗМ ПЕРЕЖИВАНИЯ СИТУАЦИЙ ФРУСТРАЦИИ

Определение механизма переживания осуществляется нами в соответствии с предположением С. Л. Рубинштейна, согласно которому «Заключенные в переживании тенденции, зависящие от того, что оказывается значимым для личности, контролируют, таким образом, в той или иной мере, избирательный процесс их осознания» [6]. Общим механизмом, обеспечивающим достраивание единой ткани аффекта и интел-

лекта, в случае переживания ситуаций фрустрации, становится механизм критериального изменения субъективной значимости некоторой данности (в нашем случае – одного или нескольких компонентов переживания). В качестве частных вариантов механизма осуществления переживания предложены описанные А. И. Розовым (И. И. Розетом)[7], как опосредствующие переживание комического, механизмы анаксиоматизации, гипераксиоматизации и, построенный нами по идентичному принципу, механизм реаксиоматизации. Механизм реаксиоматизации представляет собой «горизонтальное» (в отличие от «вертикального» в механизмах, описанных А. И. Розовым) критериальное изменение отношения субъекта к данности в направлении придания ей отличной (иной) оценки.

Специфика осуществления представленных механизмов в рамках позитивного переживания состоит в актуализации этих механизмов в направлении динамических компонентов переживания (ситуация, мотив), в их отношениях, связях друг с другом. В случае негативного переживания, данные механизмы обнаруживают себя в адрес соответствующих компонентов вне целостности их внутренних отношений, связей, вне целостности переживания.

Литература

1. Ярошевский М. Г. Идеи Б. М. Теплова о переживании как феномене культуры // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 63–75.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. С. 71.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 21.
7. Розов А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 117–124.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА СОЧУВСТВИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XIX ВЕКА

Е. В. Калуга

Современная ситуация требует нового осмысления многих нравственных ценностей для того, чтобы выработать ориентиры выхода из кризиса духовного развития общества, который мы сейчас переживаем. Для анализа в данной работе был выделен феномен сочувствия, с целью определить основные подходы к его интерпретации. При этом понимать мы его будем не только как сострадание, но и как совместное переживание

радости, т. е. процесс, в котором происходит понимание чувств и мыслей другого человека, оказание моральной поддержки его устремлениям. Значение феномена сочувствия как одной из основных форм нравственного поведения для раскрытия глубинного смысла бытия и самоопределения человека как такового признавали и особенно подчеркивали философы XIX века. В западноевропейской этической традиции этого времени можно выделить три основных подхода к его интерпретации: генетический, метафизический, феноменологический.

Генетические теории получили свое название по аналогии, как обосновывающие факт передачи эмоциональных и нравственных переживаний, в том числе и способность сочувствовать, по наследству, от поколения к поколению, а также утверждающие репродуктивное происхождение сострадания и сорадости. Перенос переживаний как традиции приводит к тому, что человек ощущает мстительность, злобу, любовь, сострадание потому, что это делает его окружение, его предки, считает эти эмоции своими чувствами и не подозревает о природе их происхождения. Таким образом, в семье могут передаваться привязанность или антипатия, сочувствие или сорадость определенным событиям в жизни другого человека, причем потомками они будут восприниматься как реальные переживания, а не как воспоминание. Теории репродукции факт проявления сочувствия связывают с тем, что восприятие выражения чужого страдания или радости и обстоятельств, в которых они проявляются, вызывают схожие пережитые нами ранее чувства. Например, Г. Спенсер утверждает: «Ясно, что человек, который не решается причинить страдание потому только, что в его сознании возникает яркое представление об этом страдании, сдерживается не чувством какого-нибудь долга или какой-нибудь определенной доктрины о полезности, но мучительной ассоциацией, установившейся в нем» [1, с. 346]. Данный генетический подход толкования феномена сочувствия не замечает факта существования чистого сочувствия как такового. При этом его приверженцы ограничивают проявление сострадания и сорадости теми переживаниями, которые мы сами уже испытывали ранее. Но ведь величие и ценность человека состоит в том, что вместе с кругом чувств, которыми он обладает, он может также изначально понимать и чужие, даже если их никогда не переживал.

Известным представителем метафизической теории сочувствия является Шопенгауэр. Им достаточно подробно разбирается механизм проявления сострадания, суть которого состоит в том, что человек способен совершить нечто во благо «другого», точно также как, если бы мотивом ему служило свое собственное благополучие. Чувство сострадания пред-

полагает способность переживать чужое горе как свое собственное, что связано с отождествлением субъекта и объекта сострадания, устранением границы между «я» и «другим». Объяснить явление сострадания в структуре философского мировоззрения Шопенгауэра возможно лишь с позиции его метафизики. Тот прописанный им в этике факт, что нравственные проявления человеческой индивидуальности даны a priori, а воля определяет их существование, позволяет в равной степени назвать ее метафизикой сострадания. Метафизика сострадания Шопенгауэра основывается на том утверждении, что, только сострадая, «один индивидуум узнает в другом непосредственно себя самого, свою собственную истинную сущность» [2, с. 343]. Осознав, что множественность принадлежит миру явлений, а воля, как «вещь в себе», едина и неделима, человек может понять свое единство с миром, и путь к этому лежит через сострадание. Человек, полностью охваченный чувством сострадания, прозревает суть того, что покрывало Майи, созданное эгоизмом и злобой, скрывает за собой подлинный мир, мир единой воли, в котором содержится подлинная сущность человека.

При этом, правда, возникает вопрос: почему наряду с феноменом сострадания Шопенгауэр не рассматривал феномен сопереживания радости, тем самым лишая его права существования как действительно нравственного? Получается, что человек способен сопереживать чужому страданию, но чужая радость не вызывает в нем ответной реакции. Более того, философ отмечал, что «вид счастья и наслаждения чисто как таковых очень легко может возбудить нашу зависть, задаток для которой лежит в каждом человеке» [2, с. 277]. Вероятно, Шопенгауэр наделяет само страдание положительным нравственным статусом, в силу того, что только оно способно вызывать в человеке эмоции, достойные морального одобрения, тогда как радость есть феномен отрицательный, порождающий дурные мысли. Такая позиция отражает пессимистическую интенцию, свойственную всему мировоззрению философа и не позволяющую ему рассматривать проблему сочувствия в более полном объеме.

Глубинные слои смысла феномена сочувствия раскрывает феноменологический подход, примененный М. Шелером. Он делает очевидным то, что так называемое «мое» сострадание и «его» страдание являются феноменологически двумя различными фактами. Это значит, что в настоящем чистом сострадании и сопереживании радости отсутствует собственно состояние страдания или радости. Он отмечает, что всякое сочувствие должно содержать в себе интенцию чувства страдания или радости в переживаниях «другого» и выделяет несколько феноменов, которые в повседневной жизни зачастую смешиваются с подлинными пере-

живаниями. С целью определения нравственно-ценностного феномена сочувствия он предлагает к рассмотрению четыре вида поведения, которые обычно с ним ассоциируются: «непосредственное со-чувствование», «сочувствие к чему-то», «голое заражение чувством», «подлинное проникновение».

Наиболее ценным для этики является «сочувствие к чему-то», когда человек выступает как сторонний наблюдатель по отношению к объекту, на который направлены его чувства. Сочувствие возникает здесь как ответ на переживания другого человека при ясном осознании отличия от них собственных чувств, оно показывает, что его носитель не может безразлично противостоять страданиям «другого» или его радостям. Оно появляется на свет не без помощи некоего нравственного регулятива, требующего принять непосредственное участие в его душевных порывах. Поэтому можно утверждать, что такого рода переживание несет в себе определенную этическую ценность, являясь нравственным поведением.

Остальные же виды поведения – «непосредственное со-чувствование», «голое заражение чувством», «подлинное проникновение» не обладают особой этической ценностью, так как протекают как правило неосознанно, не содержат в себе отличия своего чувства от чувства «другого». Первое на передний план выдвигает само чувство, которое люди переживают друг с другом, и в нем, скорее, особую ценность будет иметь чувство, объединившее людей в едином порыве. Во втором «нет ни чувственной интенции к радости или страданию Другого, ни какого-либо участия в его переживании. Скорее это характерно для заражения, которое ...вообще не предполагает знания о чужом чувстве» [3, с. 9]. Третье порождается путем неосознанной идентификацией чужого «я» с «я» собственным, следовательно, не содержит в себе отличия в переживаниях субъектов.

Наш акт чувствования должен дистанцироваться от объекта этого сопереживания. Философ считает, что многие исследования приходят к ошибочным заключениям, так как подразумевают в феномене по меньшей мере частичную идентификацию с личностью «другого». Он определяет сорадость и сострадание как процессы, в которых «переживания другого существа кажутся непосредственно понятными, в которых мы участвуем», «каждый вид сострадания или сорадости предполагает какое-то знание о факте чужого переживания», и «мы охватываем в сочувствии свойство чужого чувства – без того, чтобы в нас это вызывало одинаково реальное чувство» [3, с. 5]. Этическая ценность такого рода поведения носит позитивный характер, в отличие от остальных, подобных ему лишь внешне.

В современных условиях дисгармонии человеческих взаимоотношений, роста отчуждения между людьми, вызванного созданием многочисленных опосредованных средств общения проблема сочувствия начинает приобретать все большую актуальность, поэтому выявление истинного содержания этого феномена, определение основных исторически сложившихся подходов к его интерпретации должно стать первоочередным шагом на пути решения проблем морали и нравственности.

Литература

1. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ.; Под ред. Н. А. Рубакина. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.
2. *Шопенгауэр А.* Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости. Мн., 1999. С. 157–350.
3. *Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Frankfurt/Main: G. Schulte-Bulmke, 1948. 287 S.

КОНЦЕПЦИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА М. КАСТЕЛЬСА

Е. И. Князева

Концепция «сетевого общества» является одной из составляющих целостной теории информационного общества Мануэля Кастельса, охватывающей практически все области человеческой деятельности и позволяющей оценить фундаментальные последствия революции в информационных технологиях.

Данная теория является разновидностью теории информационного общества, начавшей свое развитие со второй половины 60-х годов, как модификация концепции постиндустриального общества. Пик ее популярности пришелся на начало 70-х годов, когда многие исследователи согласились с выводом, что в новых условиях «культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций, производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества» [4, с. 222].

Кастельс не использует привычную терминологию данной теории, отмечая, что термин «информационное общество» только лишь подчеркивает роль информации в обществе, но информация, по его мнению, в самом широком смысле, то есть как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу. Термин «информационное» указывает у него на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающих в данный исторический период, генериро-

вание, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти [2, с. 423]. Такой подход выделяет М. Кастельса из рядов приверженцев традиционной версии постиндустриализма.

Кастельс рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. Кастельс подчеркивает, что он именуется социальной структурой информационного века сетевым обществом потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [1, с. 505].

Кастельс определяет сетевое общество как динамичную открытую систему, допускающую новации без утраты баланса. «Сети являются орудиями, подходящими для капиталистической экономики, основанной на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной, к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [3, с. 37].

Сеть, по определению Кастельса, – это множество взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь [5; 6]. К ним относятся, например, рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом и т. п.

Согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными поло-

жениями) меньше, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние во все равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети). Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в современных обществах [1, с. 498].

Сети децентрализуют исполнение и распределяют принятие решения. У них нет центра. Они действуют на основе бинарной логики: включение/исключение. Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования, что не входит – не существует с точки зрения сети, и может быть проигнорировано или элиминировано. Если узел сети перестает выполнять полезную функцию, он отторгается ею и сеть заново реорганизуется. Некоторые узлы более важны, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Не существует системного доминирования узлов. Узлы усиливают свою важность посредством накопления большей информации и более эффективного ее использования [5, с. 7]. Значимость узлов проистекает не из их специфических черт, но из их способности к распределению информации. В этом смысле главные узлы – это не центральные узлы, а узлы переключения, следующие сетевой, а не командной логике.

Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они наиболее подвижные и адаптивные формы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети.

Динамизм социальной структуры сетевого общества, его глобальный охват, обусловленный финансовыми рынками, военными технологиями, информационными потоками, делают сетевое общество расширяющейся системой, проникающей различными путями и с разной интенсивностью во все общества. Но именно эти различия исключительно важны, когда мы пытаемся понять реальные процессы жизни и смерти данной страны

в данное время. Какого рода сетевое общество перед нами? Каковы различные формы проникновения сетевой логики в разные сферы социальной, экономической и политической организации? Эти вопросы становятся крайне важными для понимания новых реальностей, возникающих где-либо на рубеже веков. Сетевое общество – это не модель успеха современности; подчеркивает Кастельс, скорее это крайне общая характеристика возникающей социальной структуры. В свое время таковым было индустриальное общество [1, с. 588].

Поскольку темпы установления информационного общества в различных странах различны, а формы взаимодействия с ранее существовавшими социальными структурами разнообразны, анализ возможных состояний, подобный тому, который сделал Мигель Кастельс, может служить ключом к пониманию как стабильности, так и кризиса в современном процессе социальных изменений.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
3. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48
4. *Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д.С.Львова.* М.: Дрофа, 1999. 456 с.
5. *Materials for an Exploratory Theory of Network Society // The British Journal of Sociology.* 2000. № 51. P. 5–14

НАУЧНОЕ И АНТИНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: СТАТУС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В. С. Кулик

Положение современной науки радикально отлично от предшествующих эпох, когда наука рассматривалась лишь как процесс получения нового знания. Начиная с 20 века, феномен науки рассматривается в более широком социальном контексте, наука становится социальной силой техногенной цивилизации. Это вполне оправдывает тот факт, что проблематизация научного дискурса и изменение форм методологической рефлексии в современной культуре актуализирует исследование статуса науки в ее отношении к другим формам знания.

В конце 20 века представления об идеале научности претерпевают наиболее существенные изменения. Осуществляется переход от веками

утвердившихся классических представлений к новому, еще формирующемуся идеалу. В результате глубоких объективных процессов перехода к новому типу рациональности, который наметился в современности, возникают общие условия для распространения антинаучных форм знания.

Взаимодействие науки с другими формами знания имеет различный характер. Можно выделить два основных механизма такого взаимодействия. Суть первого механизма состоит в том, что некоторые формы вненаучного знания, такие как художественное познание, эстетическое освоение действительности, обыденное познание, религиозное знание, взаимодействуя с наукой, не претендуют на место научного знания. Такие формы знания сохраняют свои самобытные методы и предметы познания. Второй механизм основан на том, что определенные формы познания, взаимодействуя с собственно научным познанием, радикальным образом критикуют науку и претендуют на занимаемое ею место в культуре. Зачастую ими отрицаются научные способы освоения мира и предлагаются альтернативные модели миропонимания и описания действительности, которые не входят в сферу компетенции науки [5, с. 15–16].

Таким образом, в структуре вненаучного знания можно выделить: знание, которое существует наряду с наукой, взаимодействует с ней, но не претендует на научный статус (обыденное знание, религиозно-мифологическое, художественное знание, философское знание) и, собственно, антинаучное знание, которое не просто сосуществует с наукой, но, выступая против нее, явно претендует на научный статус. Понятие антинауки фиксируются посредством множества терминов: девиантная наука, паранаука, псевдонаука, квазинаука, лженаука и др.

В современной отечественной философии науки тема антинаучного знания получила активное обсуждение [2, с. 7–18; 3, с. 25–34; 4, с. 51–55; 5, с. 15–21]. Антинаучное знание рассматривается как достаточно сложный феномен, в его структуре преимущественно выделяют два блока.

Первый блок антинаучных концепций составляют различные эзотерические, мистические учения и практики, которые зачастую пытаются истолковать в качестве своего рода научных знаний и описать в наукоподобных терминах. Такого рода антинаучные концепции рождаются как результат переноса представлений из соседствующего с наукой обыденного знания, магии и религиозного опыта в сферу науки и, своеобразным образом, маскируется под науку.

Второй блок антинаучных концепций представляет собой совокупность таких антинаучных форм знания, истоки которых коренятся внут-

ри самой науки и активизируются в силу определенных причин. Зачастую многие ученые, увлеченные той или иной идеей, претендуют на радикальное изменение научной картины мира, не имея на то достаточных оснований. В этих случаях ученые начинают апеллировать к власти, обращаться через СМИ к общественному мнению, в поисках поддержки своих идей [5, с. 16–18].

Существует ряд причин, по которым антинаучное знание устойчиво функционирует, а в особые исторические периоды и активизируется в обществе. Среди таких причин можно выделить, по крайней мере, три группы основных причин: социально-культурные, гносеологические и психологические причины.

Под социально-культурными причинами понимается в первую очередь, общий кризис техногенной цивилизации, поиск новых путей развития общества, новых ценностей культуры. В разных областях культуры, в том числе и науке, осуществляется поиск новых мировоззренческих образов, которые могли бы стать базовыми для иного типа цивилизационного развития, призванного найти выход из современных глобальных проблем [5, с. 19–20].

Гносеологические причины связаны с состоянием самой науки, с запаздыванием процессов интеграции все более дифференцирующегося научного знания. Современная наука такова, что процессы ее дифференциации явно опережают процессы интеграции в науке. Это побуждает к антинаучным, эзотерическим идеям, которые способны проникать в науку и конкурировать с ней [1, с. 115–118].

К психологическим причинам укоренения антинаучного знания в современной культуре можно отнести особенности менталитета, сформировавшегося в эпоху постиндустриального развития общества, а также особенности психологии человека. Психологические причины состоят в том, что признание тех или иных паранормальных феноменов образует компенсаторный психологический механизм, позволяющий «усредненному человеку иметь разрядку от давления будничных проблем» [1, с. 119].

Оценка последствий укоренения антинауки в культуре, пожалуй, не может носить однозначный характер.

К позитивным моментам укоренения вненаучных и антинаучных форм знания в культуре относят тот факт, что взаимодействие науки с другими формами знания существенно обогащает понятийный и концептуальный фонд научного поиска, иногда способствует появлению новых областей знания [2, с. 16–19].

К негативным следствиям укоренения антинаучного знания можно отнести такой момент, что не всегда в основе альтернативных наук лежат интересные течения, довольно часто можно встретить и произвольные выдумки отдельных ученых [6, с. 36–37].

Если говорить об опасности, которую несет в себе феномен антинауки, то можно вспомнить Дж. Холтона, который говорит об этом следующим образом: «В лице феномена антинауки мы имеем дело с важным общекультурным вызовом, к которому следует отнестись со всей серьезностью» [6, с. 38].

На мой взгляд, опасность таит в себе не столько антинаука сама по себе, (здесь следует помнить, что понятие «антинаука» является в значительной мере условным, так как объединяет в один конгломерат принципиально разные явления), сколько неумение обращаться в определенных условиях (политических, идеологических, в условиях разрозненности научного сообщества) с этим достаточно мощным социокультурным явлением.

В зрелой и развитой культурной среде должны установиться определенные отношения к любым видам знания. Эти отношения не должны позволить науке вытеснить все многообразие форм вненаучного знания, но они также не должны дать возможность использовать весь массив антинаучного знания для различного рода политических, идеологических манипуляций или авантюрных притязаний отдельных авторов.

Поэтому следует особым образом обратить внимание на то, что дифференциация антинаучного знания и разоблачение каждого из его видов являются, безусловно, важными условиями нормального функционирования науки и общества в целом, но недостаточными. Необходимо тщательно разработанная образовательная система, ориентированная на науку, в которой будут подчеркиваться ценности самой науки. Ценность науки на данном этапе может быть обнаружена при правильном рассмотрении и адекватном определении критериев научного знания, выделении в них инвариантного содержания, соответствие которому может быть рассмотрено как механизм, регулирующий грань между научным и антинаучным знанием.

Литература

1. *Баженов Л. Б.* Анализ антисциентистских тенденций в общественном сознании // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 1999. 297 с.
2. *Касавин И. Т.* К понятию предельного опыта // Научные и вненаучные формы мышления. М.: ИФРАН, 1996. 335 с.
3. *Лекторский В. А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум

- и экзистенция. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 1999. 401 с.
4. *Пружинин Б. И.* Астрология: наука, псевдонаука, идеология // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 51–55.
 5. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 15–21.
 6. *Холтон Дж.* Что такое – «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 34–38.

«МЫСЛИМОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК «КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИНЦИП» НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ Г. БАШЛЯРА

И. Я. Мацевич

В категории пространства на протяжении всей истории философской мысли концентрируется множество смыслов, каждый из которых выступает понятийным каркасом образа бытия природы и социума в культуре любой исторической эпохи. Изучение этого понятия, способ включения его в систему других категорий мышления определяет в целом характер осознания человеком мира и себя в нем. Исследование феномена пространства является необходимым условием развития не только онтологического, но и гносеологического проектов, так как восприятие событий через призму пространственных характеристик является основой их рационального познания. Всякое описание познания с позиции возникновения и развития знания возможно лишь исходя из статистических и динамических характеристик познавательного процесса. Это требует, в свою очередь, исследования специфики пространственно-временных измерений его объектов с позиций научного сообщества и познающего индивида.

Понятие пространства помогает не только выявить импликации познавательных процессов объективной действительности (фиксируемых в формулировках законов физических явлений), но и открывает простор для анализа и понимания самой природы познания, его генезиса и трансформации, выявляет специфику научного мышления.

Импульсом и основанием данного исследования послужила концепция историографии науки Г. Башляра. Отбросив позитивный эмпиризм как основание теории науки, Г. Башляр рассматривает историю гносеологии в свете актуальной познавательной работы, решающей сквозные (кумулятивные) проблемы и задачи; тем самым, выстраивая историографическую программу как следствие философских эпистемологических установок.

Отталкиваясь от анализа Г. Башляром понятия «реальности» и диалектического движения разума при изучении «данной реальности», видится возможным перейти к исследованию этой же проблемы, но на уровне фиксации смыслового поля «реальности» в понятии пространства. Исходя из выше изложенного, весьма важной задачей является проведение реконструкции развития научного мышления на основании анализа специфики представлений о пространстве в различных научных и философских традициях, трансформации евклидовой геометрии в неевклидову, а также экспликации тех понятий и философских конструкций, в которых выражался «феномен пространственности» в работах Платона, Аристотеля, Ньютона и Эйнштейна.

Безусловный интерес в этом контексте представляет обоснованная в трудах Г. Башляра идея «мыслимого пространства». Эта идея позволяет не только исторически корректно, но и конструктивно-эвристически проинтерпретировать динамику представлений о феномене пространства.

Исходя из этого, в данной работе предпринимается попытка эксплицировать категориальный конструкт «мыслимое пространство» не только как фундаментальную идею концепции Г. Башляра о «новом научном духе», но и как конститутивный принцип научного мышления на различных исторических этапах его становления и развития. Такая акцентация исследовательской задачи позволила сформулировать некоторые предварительные выводы:

1. Стремление Г. Башляра к диалектике приходит в конфликт с его «жесткой логикой разрывов», множащей дуализмы и несовместимости. «Логика разрывов» уменьшает значение историко-научных и эпистемологических анализов, проводимых Г. Башляром. Однако эта проблема фиксирует в философии Г. Башляра не принципиальное противоречие, а радикально новый проект анализа истории науки. История научного познания, согласно Башляру, проясняется эпистемологически в свете актуальной познавательной работы, решающей сквозную проблему. Используя данную методику анализа, он приходит к выводу, что не существует развития старых концепций в направлении к новым, но есть, скорее, некий «охват» старых идей новыми. Рассмотрение данной проблемы необходимо приводит нас к понятию «мыслимого пространства», которое охватывает собой все множество уже созданных научных и философских идей, теорий, систем, программ, имеющих на данный момент. Тем самым, пространство у Г. Башляра выполняет чисто формальную связывающую функцию. Духовные поколения (парадигмы) как бы «вкладываются» одна в другую. Поэтому «переход от неньютоновского типа

мышления к ньютоновскому характеризует вовсе не противоречие, а противодействие, которое позволяет нам найти упрощенный феномен внутри ноумена» [1, с. 69]. Таким образом, ньютоновская механика является частным случаем неньютоновской механики. Однако частное, согласно Г. Башляру, не может породить общее, а следовательно, и не существует в науке развития от простого к более сложному. Понять специфику эволюции научных идей позволяет анализ «мыслимого пространства», в рамках которого ученый творит новые теории.

2. В силу подобного рассуждения Г. Башляра возникает еще одно противоречие. С одной стороны, им не признается историческая преемственность старого и нового. С другой, – логическая связь между тем и другим оказывается неустранимой. Эта проблема оказывается надуманной, так как сама «прерывность», «разрывность» природы научного мышления в рамках функционального, «мыслимого пространства» оказывается неразрывной (континуальной). Научное мышление «разрывно» лишь как практически осуществленное измерение, что обусловлено дискретностью самой объективной реальности, прерывностью времени и микромира. «Пространство обычного восприятия, в котором находятся объекты, есть не что иное, как вырожденный случай функционального пространства, где образуются явления» [1, с. 251]. Наука же на уровне «мыслимого пространства» является инстанцией подлинной непрерывности, инстанцией континуализации.

3. Хотя Г. Башляр специально не фокусирует внимание читателей на роли понятия пространства при построении своей философской системы, однако, оно оказывается той фундаментальной категорией, которая как в философии Г. Башляра, так и в современной науке и философии в целом, определяет характер познания окружающей действительности и себя в ней. Значимость пространства как идеализированной категории, по Г. Башляру, заключается не в ее способности синтезировать, обобщать и объединять воедино, не в оформлении множественного и изменчивого опыта научной деятельности, но в представлении перед взором ученого всех имеющихся на данный момент теорий, систем, предметов физического мира как рядоположенных без какой-либо иерархизации, классификации, без какой-либо аксиологической окрашенности, без проявления генетических связей. Даже временные параметры в данном пространстве элиминируются, так как упраздненные длительности нельзя пережить вновь. Именно благодаря наличию пространства, мы находим в нем перекрестные окаменелости времени, и их конкретные формы обусловлены долгим пребыванием в определенном месте. Воспоминания тем более прочны, чем лучше они размещены в пространстве. Можно сказать, что

обращение ученого к этому гомогенному «мыслимому пространству» и позволяет функционировать собственно научному мышлению. Именно в этом континууме потенциальных суждений и умозаключений разум получает возможность выйти за собственные пределы благодаря тому жизненному порыву, который порождает пространство потенциальных смыслов, непрестанно вопрошающее о возможном, не отрываясь от «топоса» реальности. Оно жаждет объективации, поэтому будоражит мыслителя на вступление в поле ее бытия, на порождение творческого акта при соприкосновении с ее гетерогенной природой.

Литература

1. *Башляр Г.* Новый рационализм / Пер. с франц.; Предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. 376 с.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О. В. Мащитко

Целью этой работы является исследование парадигмальных новаций, характерные для религиозной философии XX века, в контексте современного философского поиска. Изменения, происходящие в философии при переходе от классического к неклассическому периоду обозначают понятием «лингвистический поворот». К его основным чертам относят критику понятия субъекта, исследование смысла и значения, стремление рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности, рассмотрение историчности оснований языка, описание его политических и социальных функций [4, с. 418–419].

Задача заключается в конкретизации этих тенденций применительно к религиозно-философской мысли XX века. Это позволит определить место религиозно-философских концепций языка в современном философском поиске, прояснить их функции в формировании нового понимания предмета и задач религиозной философии, переинтерпретации ее традиционных проблем.

Для реализации этих задач необходимо провести компаративный анализ, с одной стороны, православных и протестантских религиозно-философских концепций XX века (на примере философии О. Розенштока-Хюсси и П. Флоренского), для выявления инвариантных тенденций, характеризующих неклассическую религиозную философию, и, с другой стороны, базовых ориентаций в религиозно-философской мысли XX века и в исследованиях периода «лингвистического поворота».

Признание языка предельным онтологическим основанием мышления и деятельности есть один из основных признаков, объединяющих религиозно-философские концепции языка и современные философские исследования. Концепция языка в рамках религиозно-философской традиции XX века – своего рода трансцендентальное знание, которое является априорным основанием всякого человеческого познания.

В рамках православной философии эта проблема рассматривается в контексте онтологической трактовки гносеологических вопросов, которая характерна и для философии языка П. Флоренского. Считая, что познанию «существенно принадлежит духовность» [6, с. 288], мыслитель трактует его как своего рода «общение» с предметом. На специфическом истолковании проблемы субъекта и объекта познания П. Флоренский основывает интерпретацию языка как онтологической основы познавательного процесса. Связь субъекта и объекта, их взаимопроникновение и взаимооткровение есть, по мнению мыслителя, нечто бытийственное, есть «синэргия», раскрытие бытия с обеих сторон, которая трактуется как символ, слово, язык.

Слово, таким образом, есть то, что обеспечивает познавательный прорыв. Причем в этом контексте язык интерпретируется не в классическом смысле, как средство познания, а как «новое, двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире» [6, с. 292].

Интерпретация языка как онтологической основы познания основано на ином, по сравнению с классическим способе осмысления проблемы соотношения языка и мышления. О. Розеншток-Хюсси в рамках рассуждений об этой проблеме исследует этимологию слова «ratio» и приходит к выводу, что его первоначальный смысл включал такое значение, как речь. Дихотомию мышления и речи О. Розеншток-Хюсси называет «ложной дилеммой». Единственным выразителем духовного, идеального содержания для него является язык, именно он характеризует человека как разумное существо, предшествуя мышлению и заключая его в себе.

Одной из наиболее существенных черт «лингвистического поворота» в философии XX века является критика понятия субъекта. Эта черта отражает момент перехода от классической метафизики, в рамках которой чистое сознание, *cogito*, является исходным пунктом философствования, к неклассической философии, которая рассматривает феномен языка как его альтернативу.

Для всех религиозно-философских мыслителей начала XX века характерно представление, согласно которому в языке объективируется и получает определенность сознание человека. О. Розеншток-Хюсси целью грамматики считает рассмотрение речи как особого поля энергий, в ко-

тором человек обретает или теряет свое сознание, изменяет или раскрывает его. В философии П. Флоренского слово трактуется как духовная энергия, с помощью которой человек раскрывает себя для других. Подобно тому, как у М. Хайдеггера «сущность человека покоится в языке», у П. Флоренского слова человека есть «он сам»: «Язык – самое глубокое из проявлений Я, и Я, без языка, ...перестает быть объектным даже для самого себя; оно тогда всячески не действительно» [6, с. 186].

Сквозь призму критики понятия субъекта интересно рассмотреть философию имени П. Флоренского. В трактовке человеческой субъективности мыслителем предлагается «мыслить именами», поскольку личность «есть не что иное как агрегат слов, синтезированных в слово слов – имя» [6, с. 271].

Одной из базовых ориентаций, объединяющих религиозно-философскую мысль XX века и исследования периода «лингвистического поворота» является исследование социальных и политических функций языка. Подлинный язык в понимании О. Розенштока-Хюсси является социальным и политическим феноменом, а речь – «функцией» социальных отношений. Способность языка творить социальное бытие и политический порядок он считает ключевым пунктом в понимании его собственной сущности: «Тот, кто в грамматике не описывает образование общественных форм, разрушает само основание всякой грамматики» [2, с. 82]. В этом смысле объектом философии языка О. Розенштока-Хюсси являются лишь грамматические формы, имеющие «социальные последствия».

В рамках православной философии П. Флоренский социальность слова и имени связано с таким его свойством, как синэнергийность. В слове происходит сращивание энергий индивидуального духа и общечеловеческого разума, присоединение говорящего к наиндивидуальному соборному единству.

Включение парадигмальных новаций, предложенных неклассической философией, в ткань религиозно-философского поиска, является достаточно эвристичным прежде всего для самой религиозной философии. Традиционные религиозно-философские проблемы переводятся в плоскость языкового анализа и решаются посредством языковой аналитики, что открывает перед современной религиозной философией новые исследовательские перспективы.

Литература

1. *Розеншток-Хюсси О.* Бог заставляет нас говорить. М., 1998.
2. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
3. *Розеншток-Хюсси О.* Язык рода человеческого. М. – СПб., 2000.

4. *Филиппович А. В.* Лингвистический поворот // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.
5. *Флоренский П. А.* Имена. М., 2001.
6. *Флоренский П. А.* Мысль и язык // Флоренский П.А. Сочинения. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990.

ИРОНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОМАНТИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Т. В. Медведок

Ирония в качестве философской и эстетической категории обретает центральный статус в философии постмодерна, где постулируется идея невозможности ни оригинальности на творческом уровне, ни первозданности на уровне онтологии. Тщательное рассмотрение данного феномена, репрезентированного в современной модели философствования, обнаруживает немалое сходство с толкованием иронии, предложенным в свое время представителями романтизма. Историко-философский анализ, посвященный сравнительному изучению особенностей иронии в постмодернизме и концепции романтиков, не только проливает свет на понимание иронии как феномена культуры, но и позволяет выявить традицию преемственности ее основоположений в философии.

Романтическая ирония зачастую изображается как своеобразный итог фихтеанского субъективизма, доведенного до крайности, что, по существу, является неполным и ошибочным трактованием романтизма В. Ф. Гегелем. Романтики не стоят на позиции самодостовверного Я – для них свойственно сомнение относительно чистой самосознательной субъективности, возведенной в абсолют И. Фихте. Если для представителей романтизма в сознании и существует нечто, неподверженное акту сомнения, так это, в первую очередь, его открытость и готовность идти на встречу таинственному и самозаконному, не тождественному ему миру. «Подлинное различие между нашей и фихтевской философией заключается в том, что И. Фихте говорит: Я – это одновременно и субъект и объект, тогда как на нашем языке ему следовало бы сказать: я становится объектом для себя самого», – отмечал Ф. Шлегель, допуская трактовку Я как части объективного мира [1, с. 155].

Для романтиков уже не существует более предметов как данностей; объективные связи трактуются ими неоднозначно, причем среди многочисленных отношений невозможно выделить определяющие. Все в одинаковой степени заслуживает внимания, «благодаря чему именно и возникает тот чудесный романтический порядок, который не взирает ни на ранг, ни на достоинство, первые то будут вещи или последние, великие или малые» [2, с. 102].

Отношение к мысли оказывается тождественным отношению к личности у романтиков: они протестуют не только против мелочной опеки человеческой жизни, но и возражают относительно стремления регламентировать мысль, втиснув ее в рамки целесообразного использования внутри той или иной конструкции метафизического порядка. Если для представителя Просвещения мысль – это параграф, то для романтика она фрагмент, потенциальное множество интерпретаций и выводов.

Романтическая ирония – это культура воздержания от практических философских рекомендаций, от поспешных и несколько преждевременных решений морально-политического характера, на которые не скупилась идеология Просвещения. Точно так романтики истолковывали скептическое сомнение, заставляющее мыслителя в очередной раз редактировать найденный вариант решения. «Настоящий скептик стремиться задержаться в этом состоянии, пребывать в нем, считая это даже добродетелью, ибо оно предстает ему состоянием резиньяции. покоя и самоограничения», – писал Ф. Шлегель [1, с. 115].

В постмодернистском типе философствования происходит отказ от главенствующего положения субъекта в любых версиях его артикуляции. Если классическая культура была представлена господством объективизма, художественный модернизм характеризовался выдвиганием субъективизма, то в рамках постмодернизма феномен субъекта выступает в качестве проблематизации. Для собственной версии обозначения субъекта характерна радикальная децентрация индивидуального, проводимая под лозунгом «смерть Субъекта».

Провозглашение децентризма в качестве фундаментальной установки, основывающейся на радикальной критике классических представлений о структурности, вызывает отказ от презумпции наличия особенных точек и осей пространственной среды и семантической области. В децентрированном пространстве теряется избранность любых артикулированных точек, поскольку оно перестает восприниматься как система мест.

Символом иронии постмодернизма становятся кавычки, задающие многоуровневую возможность прочтения текста, реально существующего в качестве феномена интертекстуальности. Каждый текст представляет собой новую ткань, созданную из старых цитат. Ставятся кавычки или они отсутствуют, узнает читатель источник, на который ссылается автор, или нет, сможет понять иронию автора и как выстроит собственное ироничное отношение к тексту, – все это задает в постмодерне неограниченную свободу языковых игр в поле культурных смыслов.

Постмодернизм преодолевает романтическую невозможность выбора и заменяет ее осознанием относительности своего языка и дискурса,

что дает возможность осуществлять коммуникацию в другом языке и взаимодействии с другим дискурсом в ситуации программного плюрализма.

Таким образом, ирония, заявленная романтиками, или имеющая место в условиях постмодернистской культурно-символической вторичности означивания, является своеобразным знаменем времени и подлинным признаком развития культуры.

Литература

1. Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. 479 с.
2. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 638 с.

ІНВАЛІДНАСЦЬ ЯК САЦЫЯЛЬНЫ ФЕНОМЕН

І. В. Пархоменка

Сённяшняе бачанне інваліднасці як з'явы, якая патрабуе пільнай увагі і клопату з боку грамадства, дазваляе зрабіць вынікі, што сучасны погляд на інваліднасць мадэфікаваўся ў бок гуманізацыі і пераасэнсавання былых уяўленняў па гэтай праблематыцы. Аднак яшчэ наўрад ці магчыма казаць пра аднолькавае разуменне сутнасці інваліднасці як асобнымі, так і звычайнымі грамадзянамі.

Успрымаючы інваліднасць як феноменальную з'яву, грамадства паранейшаму працягвае ставіцца да інвалідаў як да асобнай сацыяльнай групы: *яны*, а не *мы*, паводле прынцыпу, што іх праблемы не маюць нічога агульнага з нашымі [3, с. 75]. Падобная тэндэнцыя стаўлення да інваліднасці асабліва характэрна для краін, якія развіваюцца, і яна будзе захоўвацца да таго часу, пакуль інвалід не стане ўспрымацца як звычайны грамадзянін (а не дэвіант), які, аднак, патрабуе пэўнай увагі і клопату з боку розных колаў грамадства.

Выходзячы на пошук шляхоў вырашэння праблем інвалідаў, кожнае грамадства першапачаткова пераадольвае шэраг унутраных стратыфікацыйных праблем: менш відавочнай становіцца мяжа паміж сацыяльнымі групамі інвалідаў і звычайных грамадзян, адбываецца двухбаковы працэс інтэграцыі (інвалід – грамадства, грамадства – інвалід), скасоўваюцца былыя стэрэатыпы і погляды. Пасля гэтага інвалід праходзіць шлях адаптацыі да новай ролі ва умовах сацыяльна роўнага становішча з усімі грамадзянамі і прызвычайваецца да разумення сваёй паўнацэннай сутнасці і запатрабаванасці.

Паспяхова праходзячы такі шлях грамадства становіцца на новую ступень у сваім сацыяльным развіцці, і інваліднасць у гэты момант высту-

пае як фактар, які спрыяе прагрэсу грамадства, а не яго дэградацыі і паслабленню.

Сённяшняму беларускаму грамадству неабходны радыкальны пошук шляхоў мадэфікацыі старых савецкіх стэрэатыпаў і ярлыкоў у дачыненні да інваліда. Сярод задач, накіраваных менавіта на пераадоленне стэрэатыпных уяўленняў пра інваліднасць, можна вызначыць:

1. Неабходнасць стаўлення да інваліда як да дзеяздольнай асобы і паўнацэннага члена грамадства.
2. Арыентацыя на «адкрытасць» асяроддзя пражывання інвалідаў.
3. Патрэба ўспрымання інваліда не як абузы і праблемы, а як адзін з паказчыкаў сацыяльнага развіцця грамадства.
4. Неабходнасць пераадолення бар'еру ігнаравання інвалідаў у грамадстве.

У працэсе адаптацыі да новых умоў існавання кожны інвалід сутыкаецца з шэрагам праблем, сярод якіх акрамя фізічных складанасцяў можна вылучыць наступныя сацыяльныя праблемы:

- **праблемы інтэграцыі** інваліда ў грамадства ў цэлым, у вялікія і малыя групы, у сям'ю;

- **эканамічныя праблемы** (адсутнасць сродкаў як на комплекс рэабілітацыйных мерапрыемстваў, так і на ўласнае паўнацэннае матэрыяльнае забеспячэнне, праблемы з працаўладкаваннем);

- **псіхалагічныя праблемы** (праблемы самаацэнкі, комплекс непаўнацэннасці, пачуццё адзіноты і непатрэбнасці).

На сённяшні дзень праблема ізаляцыі інвалідаў застаецца адной з самых асноўных у нашым грамадстве. Сёння з-за сваёй ізаляванасці інваліды з'яўляюцца прадстаўнікамі найменш адукаванай часткі беларускага насельніцтва. У сувязі з гэтым узнікае шмат пытанняў, накшталт: «Ці патрэбна наогул адукацыя інваліду? А калі і патрэбна, то ці зможа інвалід знайсці ёй прымяненне ў працоўнай дзейнасці?» На такія пытанні цяжка даць адназначны адказ, аднак неабходнасць падобнай падтрымкі інваліда грамадствам заключаецца не толькі ў нормах гуманістычнага стаўлення да сацыяльна ўразлівай часткі насельніцтва, але і ў магчымасці адначасовай ўзаемадапамогі інвалідаў і соцыума. Дадзеная інваліду магчымасць атрымання адукацыі і прафесійнай пераарыентацыі, а таксама стварэнне адпаведных умоў для гэтага выклікае працэс матэрыяльнай кампенсацыі інвалідамі дзяржаўных выдаткаў на іх утрыманне. Нават калі гэтая кампенсацыя будзе толькі частковай (было б утапічным патрабаваць ад інваліда такой жа аддачы, як і ад «здаравага» чалавека), сэнс правядзення такой сацыяльнай палітыкі відавочны.

Сёння праблема інваліднасці застаецца адной з самых актуальных у беларускім грамадстве, і пошук шляхоў яе вырашэння павінен адбывацца не на лакальным, а на агульнаацыянальным і асабліва – урадавым узроўні. Урадавая палітыка ў дачыненні да інвалідаў павінна мець комплексны характар і ўключаць у сябе:

- Прыняцце адпаведных актаў і ільгот, накіраваных на паляпшэнне становішча інваліда.

- Матэрыяльнае заахвочванне спецыялістаў дадзенай сферы (медыцынскіх і сацыяльных работнікаў) да працы з інвалідамі ў сельскай мясцовасці.

- Тэхнічнае паляпшэнне бытавой інфраструктуры для магчымасці актыўнага фізічнага функцыянавання інвалідаў.

- Працаўладкаванне інвалідаў.

- Стварэнне трывалай сістэмы кантролю за прыняццем і выкананнем дзяржаўных пастаноў на ўзроўні мясцовай улады (сюды адносяцца шматлікія раённыя і гарадскія арганізацыі, якія ўдзельнічаюць у выкананні дзяржаўных праграм дапамогі інвалідам).

- Выдзяленне інвалідам дэпутацкіх месцаў у вышэйшых органах улады для магчымасці адстойвання імі ўласных інтарэсаў на ўзроўні афіцыйных прадстаўнікоў вышэйшага дзяржаўнага апарату кіравання.

Акрамя таго, становіцца відавочнай неабходасць прыняцця ўрадавых мер, накіраваных на падрыхтоўку высокакваліфікаваных спецыялістаў па сацыяльнай рабоце і ўдасканаленне якасці адпаведных службаў. Такія меры могуць уключаць стварэнне комплексу навучальных устаноў па падрыхтоўцы кадраў па сацыяльнай рабоце, распаўсюджванне новых інавацыйных тэхналогій у працы з інвалідамі (ідэі падобных тэхналогій можна запазычыць з вопыту заходніх і суседніх краін), актыўнае распаўсюджванне інфармацыі аб праблемах інвалідаў у шырокіх колах насельніцтва з мэтай прыцягнення да працы валанцёраў.

Бадай што самым важным накірункам сацыяльнай работы з інвалідамі з'яўляецца дзейнасць па іх рэабілітацыі, якая павінна быць комплекснай і ўключаць у сябе:

- **медыцынскую рэабілітацыю**, якая складаецца з узнаўленчай тэрапіі, рэканструктыўнай хірургіі, пратэзіравання і артэзіравання;

- **прафесійную рэабілітацыю**, якая заключаецца ў дапамозе інваліду прафесійна пераарыентавацца, атрымаць прафесійную адукацыю і працаўладкавацца, адаптавацца да новага працоўнага асяроддзя;

- **сацыяльную рэабілітацыю**, якая дапамагае інваліду зацвердзіцца як паўнацэннаму члену грамадства, сям'і.

Аднак ва ўмовах сацыяльнага і эканамічнага крызісу ў Беларусі ўсё большае распаўсюджанне атрымліваюць такія віды рэабілітацыі, як сама-рэабілітацыя і актыўная рэабілітацыя. Гэта з'яўляецца значна больш таным і мэтазгодным, чым спробы ўкладання сродкаў на ўтрыманне вялізнай колькасці дамоў-інтэрнатаў для інвалідаў і спецыяльных служб, якія часта не акупаюць свайго існавання.

Аналізуючы феномен інваліднасці, можна з упэўненасцю казаць, што інваліднасць з'яўляецца аб'ектыўным паказчыкам якасці і працягласці жыцця насельніцтва, а таксама ўзроўню развіцця кожнага грамадства [2, с.138].

Правільная сацыяльная палітыка ў дачыненні да інвалідаў павінна ўключаць такія накірункі, як сацыяльная работа, актыўная рэабілітацыя, стварэнне трывалай нарматыўна-прававой падтрымкі інвалідаў і яе няўхільнае выкананне, актыўная дапамога ў сацыяльнай, эканамічнай, палітычнай і культурнай інтэграцыі інвалідаў у соцыум. Пры правядзенні сацыяльнай палітыкі неабходна ўлічваць той факт, што інваліды не з'яўляюцца пасіўнай стратай, і максімальна поўная актывізацыя іх дзейнасці залежыць ад ўзаемадапамогі дзяржавы і інвалідаў.

Для паспяховага вырашэння ўсіх пералічаных праблем інваліды павінны стаць прадметам сацыялагічных даследаванняў (а не толькі вымушаных "медыцынскіх"). Пры правядзенні такіх даследаванняў трэба абавязкова выкарыстоўваць метады маніторынгу думкі інвалідаў. Менавіта гэтая група насельніцтва можа аб'ектыўна паведаміць пра свае праблемы, чаканні, спадзяванні і даць канкрэтныя прапановы, што, адпаведна, створыць магчымасць карэкцыі сацыяльнай работы з інвалідамі.

Літаратура

1. Большая медицинская энциклопедия под ред. Петровского Б. В. Т. 3. М., 1983.
2. *Иванова А. Е.* Продолжительность жизни, свободной от инвалидности, в России и за рубежом: проблемы сравнительного анализа // Социс. 2000, № 12. С. 138.
3. *Сівуха С. В.* Сацыяльная інтэграцыя інвалідаў: дэкларацыі і магчымасці // Веснік БДУ. Серыя 4. 1993, № 3. С. 75.

ПЛАНИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Т. О. Петухова

В условиях становления рынка, характеризующихся жесткой конкуренцией, возникает необходимость в обладании самой различной информацией. Отношения конкуренции вынуждают руководителей организаций постоянно заниматься поисками информации, преобразованиями,

маркетинговыми исследованиями. Одним словом, реклама активно проникает в сферы политической и экономической жизни, гибко используя достижения научно-технического прогресса. Требованиям времени отвечают рекламные проекты. Возникает новая для Беларуси сфера коммуникации – это сфера взаимодействия товаропроизводителей с потребителями посредством рекламы.

Специфика рекламы и положения масс-медиа в белорусском обществе определяются особенностями политической и экономической ситуации, сложившейся в стране и характером рынка. В отношении зависимости от власти находятся СМИ, а соответственно, и значительная часть рекламного бизнеса. Для контроля над СМИ вырабатываются разнообразные механизмы: контроль за рекламными блоками, отключение от рекламы, неравные условия государственных и негосударственных СМИ в получении субсидий, своеобразная правовая политика в этом вопросе.

Но, несмотря на все ограничения, в целом, на страницах газет в теле- и радиоэфире появляются передачи и рубрики, ориентированных на определенную аудиторию. Этот факт говорит об интересе со стороны организаций различного профиля к вопросам планирования эффективной рекламной деятельности.

Комплексная рекламная деятельность – «это совокупность средств, методов и способов распространения информации» [7, с. 12]. Сущность рекламы как деятельности можно объяснить в терминах тех функций, которые она играет в бизнесе и обществе: маркетинговой, коммуникационной, экономической, социальной.

Прежде всего, реклама рассматривается как один из инструментов маркетинга – «процесса планирования и реализации замысла, ценовой политики, продвижения, распространения идей, товаров и услуг с целью создания условий для обменов, которые удовлетворяют потребности потребителей и обеспечивают достижение организационных целей» [6, с. 102]. Как и любая другая сфера деятельности, маркетинговый комплекс имеет свою структуру (маркетинговый микс), которая состоит из следующих инструментов: продукт, цена, место, продвижение или маркетинговые коммуникации.

Маркетинговые коммуникации определяются как «процесс взаимодействия субъектов маркетинговой системы по повышению согласования и принятия практических и структурных решений в микроэкономической деятельности или, как совокупность видов деятельности по доведению информации о достоинствах продукции до потребителей и стимулированию у них желания приобрести этот товар. Это средство связи между продавцом и покупателем в рамках сбыта». [3, с. 47].

Каждая отдельная структура маркетинга имеет свою подструктуру. Структура комплекса маркетинговых коммуникаций определяется использованием в определенной пропорции 5 основных компонентов: собственная реклама (отдельные рекламные акции и рекламные кампании), методы стимулирования сбыта, методы прямого маркетинга и личных продаж, методы связей с общественностью, информация о пункте торговли и упаковке.

Есть подходы в отношении средств маркетинговой коммуникации, в котором они делятся:

1. Основные (реклама и прямой маркетинг, к которому относятся: личная продажа; каталог-маркетинг; телефонный маркетинг (магазин на диване); Internet – маркетинг; связи с общественностью и стимулирование сбыта.
2. Синтетические: спонсорство; участие в выставках; интегрированный маркетинг в местах продажи; брэндинг; слухи.

Также маркетинговые коммуникации принято делить на:

1. Внешние – те, которые направлены организацией вне своей структуры: на клиентов, на поставщиков, на частных экспертов, на другие компании и управленческие структуры.
2. Внутренние – направленные на акционеров сотрудников организации, на отделы. [5, с. 6].

Реклама не единственный, но наиболее зримый элемент маркетинговых коммуникаций, которые, в свою очередь играют важную роль в структуре маркетинга, а маркетинговый план входит в состав общего бизнес-плана организации.

Реклама – «это оплачиваемая неперсонифицированная коммуникация о продукции, услугах и идеях осуществляемая идентифицируемым спонсором, обычно имеющая характер убеждения и использующая различные информационные носители с целью склонить к чему-либо аудиторию и повлиять на нее». [3, с. 47]

Отличительным признаком современной рекламы является не просто формирование спроса на продукт, а управление им внутри избранной группы потребителей. Реклама закладывает фундамент реализации товаров.

Рекламная деятельность организации как и любая другая предполагает процесс планирования. В самом широком смысле планирование понимается как «управленческий процесс определения целей и путей их достижения. Формирование системы планирования дает возможность фирме эффективно решать ее важнейшие проблемы». [1, с. 48] Планы делают фирму более подготовленной к внезапным переменам, позволяют

заранее определить программу действий в следствии конкретных опасностей и возможностей. К основным направлениям и документам планирования рекламной деятельности относят: общее стратегическое планирование, стратегическое маркетинговое планирование и рекламное стратегическое планирование. План рекламы отражает следующие элементы:

1. Общая стратегия рекламы: цели, охват аудитории, предмет рекламы, концепция товара (конкурентное преимущество, имидж, индивидуальность товара, позиционирование товара).
2. Стратегия рекламного обращения (творческий план).
3. Стратегия выбора каналов рекламных коммуникаций (медиа-бриф, медиа-план, медиа-обсчет, график размещения рекламы, рекламный бюджет).
4. Стратегия продвижения (использование наряду с рекламой остальных средств маркетинговой коммуникации).
5. Стратегия оценки эффективности плана рекламы в целом и составляющих его элементов.

Основной формой реализации рекламной деятельности организации является рекламная кампания, которая представляет собой «четкую последовательность рекламных мероприятий, подчиненных одной цели и проводимых планомерно во взаимной связи на протяжении определенного периода времени» [4, с. 58] Выделяют этапы планирования рекламной деятельности фирмы в целом и рекламных кампаний в частности:

1. Ситуационный анализ: исследования компаний и товара; выделение сегмента рынка; изучение аудитории, выявление конкурентов.
2. SWOT-анализ направлен на изучение внутренних факторов, преимуществ и возможностей, а также внешних факторов: анализ риска основных закономерностей и тенденций рынка. На основе ситуационного анализа становятся возможными все виды планирования: общее стратегическое, маркетинговое и рекламное.
3. Формирование рекламной концепции: выделение принципиальных установок и направлений в проведении рекламных кампаний, формулировка целей и задач, определение направленности рекламной кампании, окончательное позиционирование.
4. Разработка плана средств размещения рекламы и творческого плана продвижения.
5. Оценка эффективности сбытовой и коммуникационной эффективности рекламной кампании. Исследование эффективности могут проводиться на протяжении всей рекламной кампании: вначале и в конце. Для этих целей активно используются социологические методы исследований, от наблюдений до контент-анализа.

Соблюдение всех этих этапов в планировании рекламной деятельности позволит создать эффективный рекламный проект и реализовать коммуникационные и экономические цели организации.

Литература

1. *Гольман И. А.* Рекламное планирование. Рекламные технологии. Организация рекламной деятельности. М. Гелла-Принт, 1996. 415 с.
2. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. СПб.: Вильямс, 2000. 943 с.
3. *Катернюк А. В.* Современные рекламные технологии: коммерческая реклама. Ростов-на Дону: Феликс, 2001. 320 с.
4. *Ляпина Т. В.* Политическая реклама. Киев. А. С. К. 2000. 220 с.
5. *Панкратов Ф. Г., Баженов, Шахурин В. Г.* Рекламная деятельность. М. Информационно-внедренческий центр «Маркетинг». 1999. 364 с.
6. *Уэлс У., Берент Дж, Мориарти С.* Реклама: принципы и практика. СПб «Питер» 1999. 736 с.
7. *Хромов Л. Н.* Рекламная деятельность: искусство, теория, практика. Петрозаводск: АО «Фолиум».

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ

Е. М. Подвалкова

Экономическое поведение в самом общем виде – это «поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т. е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода» [3, с. 208]. Экономическое поведение можно определить как ряд целенаправленных действий человека, ориентированных в своей совокупности на реализацию определенной модели хозяйственной активности.

Существуют различные типы экономического поведения. По результатам социологического мониторинга «Общественное мнение 2001–2002», проводимого Институтом социологии и социальных технологий НАН РБ была произведена эмпирическая типологизация экономического поведения. В социологическом исследовании, проведенном в апреле 2001 г., выборочная совокупность составила 2433 человека, в сентябре 2002 г. – 2110 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, в исследовании составила $\pm 2\%$. С учетом данной погрешности выводы исследований можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. население республики.

Остановимся на двух наиболее масштабных факторах, детерминирующих экономическое поведение индивидов – экономическом интересе

как факторе субъективном, с одной стороны, и социально-экономической политике как факторе объективном, с другой, и их взаимосвязи.

В Концепции стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь (Минск, 2002) планируется «создать условия для реализации потенциала каждого человека и развития его личности» (с. 13). Очевидно, что эти условия должны включать на макроуровне – стабильную **социально-экономическую политику** государства, на микроуровне – материальную обеспеченность домохозяйств как основных ячеек общества, с тем, чтобы удовлетворенный **экономический интерес** побуждал людей к самореализации в профессиональном типе экономического поведения.

В экономической социологии понятие экономического интереса используется для обозначения «поведения людей в хозяйственной сфере, связанного с оценкой и выбором благ, потенциальную или реальную ценность которых человек может определить для себя в экономической системе координат (например, в денежном выражении)» [3, с.196]. В основе экономического интереса лежит неудовлетворенная потребность. Например, потребность в самореализации или каких-либо материальных благах, повышении социального статуса. Эти потребности могут выступать стимулами для активизации экономического поведения индивида. Способ достижения цели (удовлетворения потребностей) индивид выбирает самостоятельно, в соответствии со своими социально-психологическими особенностями и установками, взвешивая свои объективные возможности на рынке труда, принимая во внимание стереотипные модели. К способам относятся: повышение профессиональной квалификации (переход на другую работу, переобучение, и т. д.), занятие предпринимательской деятельностью, вторичная занятость (подработка), поиск других источников дохода, и т. д. Способом может быть и бездействие в ожидании лучших времен, однако этот способ практически не приносит удовлетворения и не ведет к улучшению положения.

Наряду с факторами, формирующими экономическое поведение – экономическими интересами, социальными стереотипами, психоэмоциональной настроенности и самоидентификации индивида, нельзя не учитывать еще и объективно складывающуюся социально-экономическую ситуацию в стране. Неуверенность/уверенность в завтрашнем дне, негативная/позитивная оценка экономической ситуации в Республике, неодобрение/одобрение изменений, происходящих в обществе последнее время, оказывают влияние на выбор экономического поведения субъектов и на их решимость в активизации своего экономического поведения.

Например, «социальные последствия недостаточно эффективного решения основных проблем безработицы выражаются, прежде всего, в ухудшении качества и падении уровня жизни безработных, потере уверенности в своих силах и возможностях и соответственно – снижение уровня притязаний. Основная масса (2/3) респондентов воспринимают безработицу как воплощение материальных трудностей, 1/3 – как психологический дискомфорт и лишь 1/5 – как потерю квалификации. Подавляющее большинство безработных испытывают в настоящее время трудности в большой и средней мере; при этом, большинство из них реализуют активную линию поведения, пытаясь повысить свой доход всеми возможными способами, 1/3 – адаптивную линию поведения, снижая уровень своих потребностей, 1/5 – ничего не предпринимают» [2, с.48].

Степень удовлетворенности экономического интереса вызывает ряд оценок и реакций индивида. В этом и проявляется взаимосвязь двух заявленных факторов. Приведем пример: на фоне ухудшения ситуации в стране и *неудовлетворенного экономического интереса* респондентов, при не очень обнадеживающих прогнозных оценках развития ситуации населением, обнаруживается сомнение людей по отношению к *социально-экономической политике*. Социальные последствия проводимых изменений могут выразиться в снижении доверия и оценки эффективности деятельности государственных органов управления, в изменении отношения граждан к социальной политике. Как показывают данные мониторинга, если при введении программы коммерциализации сферы услуг число приверженцев свободной рыночной экономики осталось примерно постоянным за 2001–2002 год, то число считающих эффективным тип смешанной экономики (рыночной с элементами государственного регулирования) снизилось с половины населения до 32 %, а централизованной плановой экономики вдвое – с 16 % до 8,7 %.

Вследствие разбалансированной низкой заработной платы по основному месту работы и снижения уровня доходов населения, обозначилась острая необходимость среди многих работников увеличить доход своей семьи путем дополнительных источников и подработок. Это еще одна вынужденная реакция на состояние дел в экономике и следствие неэффективности социально-экономической политики. По критерию наличия/отсутствия подработок можно выделить следующие типы экономического поведения: *активный тип*, к нему относятся те, кто имеют дополнительный заработок, пытаются повысить свой заработок всеми возможными способами; *пассивный тип*, так можно назвать тех, кто не имеют дополнительного заработка но испытывают в нем необходимость;

адаптивный тип, это те, кто не испытывает необходимости в дополнительном заработке. [1, с. 16].

Такой способ добывания денег как подработка является *вынужденно активным* типом экономического поведения, в котором, в свою очередь, можно выделить: *профессионально-активный тип* имеющих совместительство по основному месту работы или на другом предприятии, который составляет 10 % населения и в его рядах находятся служащие и специалисты; и *непрофессионально-активный тип*, составляющий 20 % населения, состоящий из тех, кто имеет нерегулярные заработки, эпизодического характера, выполняет одноразовые работы, имеет дополнительные доходы от индивидуальной деятельности (репетиторство, ремонт, шитье, приусадебный участок, и т. д.).

Литература

1. Соколова Г. Н. Социальные последствия экономического реформирования в Республике Беларусь: Отчет о НИР / Институт социологии НАН Беларуси. Мн., 2003.
2. Соколова Г. Н. Социальные проблемы безработицы и возможности их решения государственной службой занятости // Социология № 3, 2003.
3. Соколова Г. Н. Экономическая социология. Учебник. Издание 2-ое, перераб. и доп. Мн., 2000.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР В КОНЦЕПЦИИ А. ШЮЦА

С. В. Половинкина

Господствующий долгое время функциональный подход в 50–60-е гг. 20 в. стал терять свой вес. Структурный функционализм критиковался за овеществление социальной системы, пренебрежение изучением творческой, сознательной деятельности человека. Одной из попыток преодолеть отчуждение от человека с его главными смысложизненными проблемами стала феноменологическая социология во главе с ее основателем австро-американским философом и социологом Альфредом Шюцем.

Шюц еще с университетских лет находился под влиянием теории Вебера и в своей первой крупной работе «Феноменология социального мира» (1932) выдвинул собственную концепцию понимающей социологии, пытаясь соединить теорию социального действия М. Вебера с феноменологическим методом Э. Гуссерля и решить применительно к сфере социального знания поставленную Гуссерлем задачу — восстановить связь абстрактных научных понятий с «жизненным миром», миром повседневности, непосредственности знания и деятельности.

Как и многие европейские интеллектуалы, Шюц глубоко воспринял «философию жизни» в той ее версии, которую разрабатывал А. Бергсон.

Идея переживания времени и органической целостности сознания казалась ключом к теории действия.

На формирование взглядов Шюца оказал значительное влияние Людвиг фон Мизес и его кружок, в который входили многие либеральные экономисты и философы, а также Шюц воспринял некоторые идеи Дж. Г. Мида, У. Джемса, М. Шелера, философию экзистенциализма.

В 1950-е годы окончательно складывается концептуальный аппарат феноменологической социологии, основанный на понятиях горизонта значений, релевантности, множественности реальностей.

Философскую основу феноменологической социологии Шюца составляют идеи Гуссерля, неразрешенное противоречие между объективным миром и познающим его субъектом, вооруженным научными понятиями, «овеществившими естественный мир». Исходная посылка феноменологической социологии задает ее оппонирование структурно-функциональной социологии: индивид не является пленником социальной структуры, социальная реальность постоянно воссоздается нами, зависима от нашего сознания и наших ее интерпретаций. Каждый человек «погружен» в «жизненный мир», в мир повседневной реальности. Жизненный мир – это наша непосредственная «интуитивная среда», где «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием». Жизненный мир дан человеку в момент переживания, т. е. в «чистом», субъективном опыте и предшествует рефлексии. В жизненном мире нет значений, а есть лишь чувства [1, с. 750–751].

Жизненный мир имеет следующие отличительные черты:

1. непосредственность переживаний;
2. анонимность этих переживаний;
3. целостность, нерасчлененность этого мира.

По отношению к этому миру вырабатывается особая, т. е. естественная установка, которая означает наивную точку зрения находящегося в конкретной ситуации человека, принимающего окружающий мир на веру, не требуя доказательств. Это «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием [4, с. 215–219].

Жизненный мир представляется человеку как организованный, т. е. имеет для него то или иное значение. Субъект в своем сознании конституирует, объективирует происходящие события, мыслью охватывает прошлые переживания и наделяет их смыслом. Поскольку объекты этого мира имеют смысл для человека, ему недостаточно просто знать об их существовании, а необходимо еще и понимать их, а, следовательно, и

интерпретировать их как возможные релевантные элементы для различных действий и реакций, которые он может осуществить.

Мир природы не обладает внутренней смысловой структурой, социальным же вещам внутренне присущ смысл [5]. Социальные феномены пред-задаются сознанием, его содержанием и способами представленности в нем. Сознание всегда интенционально, оно всегда – о чем-то, всегда вплетено в мир, однако судить о чем-либо находящемся вне сознания (о мире объектов), мы не имеем никаких оснований.

Здесь задачей феноменологической социологии становится описание смыслового строения социального мира, развертывая его из первичных, фундирующих интенций как организацию социальной реальности практически действующими субъектами, исходящими из первично данных, «разделяемых всеми» значений. Это не что иное, как проблема возможности intersубъективного понимания. Парадигма «intersубъективного мира» позволяет раскрыть социальную сущность сознания и взаимную связь людей как существ жизненного мира [2, с. 827].

Основная форма intersубъективности описывается Шюцем при помощи тезиса о «взаимности перспектив», предполагающего наличие двух идеализации. Первая из них – «взаимозаменяемость точек зрения». Поменявшись социальными местами, субъекты, тем не менее, окажутся обладателями идентичных способов переживания мира. Второй идеализацией является правило «совпадения систем релевантностей». По Шюцу, Я и любой другой человек принимает на веру тот факт, что, несмотря на уникальность наших биографических ситуаций, различие используемых систем критериев значимости «несущественного с точки зрения наличных целей».

Следующим важным компонентом intersубъективности является alter ego – «другое Я». По Шюцу, тезис «другое Я» описывает некоторые аспекты восприятия индивидом «другого» в его «живом настоящем». Одновременность нашего восприятия друг друга в "живом настоящем" означает, что Я в некотором смысле знаю о другом в данный момент больше, чем он знает о себе самом. Свое «Я» возможно зафиксировать лишь в рефлексивном повороте к самому себе, а предметом рефлексии всегда является уже «бывшее», отстраненное от «здесь-и-теперь», т. е. мне не дано мое собственное действие в его актуальном настоящем. Зато «другой» дан мне непосредственно «здесь-и-сейчас» [2, с. 827].

Таким образом, intersубъективность – это такая характеристика жизненного мира, которая означает, что человек разделяет мир вместе с другими людьми, воспринимает его как общий для всех. Интер-

субъективность – это социальность, внутренне присущая сознанию людей. Под термином «социальная реальность» Шюц понимает совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыт обобщенного сознания людей, как общий для всех них интерсубъективный мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов между собой [3, с. 529–531].

Однако социальный мир не только интерсубъективен, представляет собой воплощение межсубъективного взаимодействия людей в опыте их повседневной жизни, но и является миром значений. Социальный мир, согласно концепции Шюца, – это повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми как структурированный мир значений, выступающих в форме типических представлений об объектах этого мира. Эти типические представления приобретают форму обыденных интерпретаций, конституирующих наличное знание, которое вместе с личным опытом действующего индивида является принимаемой на веру совокупностью средств ориентации в этом мире. Межсубъективное взаимодействие возможно благодаря наборам типологических конструкций, через которые человек может понимать действия других людей, имеет возможность делать заключения относительно неизвестных ему мотивациях этих других [4, с. 215–219].

Таким образом, социальный мир, в котором актер связан отношениями с другими, является для него объектом, подлежащим смысловой интерпретации. Актер имеет возможность делать правильные выводы относительно мотивов других. Это предполагает интерпретацию с субъективной точки зрения, а – ответ на вопрос: «Что все это значит для актера?» Для Шюца именно такой методологический принцип дает необходимую гарантию, что мы имеем дело с «реальным жизненным миром всех нас, который – даже в качестве объекта теоретического исследования – остается системой взаимных социальных отношений, стоящих в них акторов» [5, с. 125–126].

Литература

1. Абушенко В. Л. Феноменологическая социология // Новейший философский словарь / сост. Грицанов А. А. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. с. 750–751.
2. Давидюк Г. П. Альфред Шюц // Новейший философский словарь / сост. Грицанов А. А. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. с. 827.
3. История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Осипов Г. В. М.: Издательская группа норма-инфа. М., 199. с. 576.
4. История социологии: Учеб. пособие / Елсуков А. Н., Бабосов Е. М., Грицанов А. А. и др. / Под общ. ред. А. Н. Елсукова и др. Мн.: выш. шк., 1993. с. 319.
5. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. с. 390.

СУЩНОСТЬ ЭВОЛЮЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДА К РЕЛИГИИ

О. С. Савченко

XIX век – время, когда в научной среде формируются относительно самостоятельные научные дисциплины (социология, этнография, антропология, лингвистика и др.), в рамках которых осуществляется изучение различных явлений человеческой жизнедеятельности и человека, выдвинутых в качестве объекта исследования.

Одной из таких научных дисциплин стала «наука о религии». На этапе ее становления были сформулированы основные принципы исследования религии с опорой на рациональное мышление, обозначены основные подходы к религии, в рамках которых формируется понятийно-категориальный аппарат данной науки и методологическая база, а так же были сформулированы дефиниции, отразившие сущность религии.

Одним из подходов к религии, который оформился в религиоведении этого периода, был эволюционистский подход. В его основу были положены идея развития и принцип историзма.

Формирование эволюционистского подхода к религии было в определенной степени спровоцировано закреплением в сфере социально-гуманитарного знания основных идей теории диалектики и идей Ч. Дарвина, которые явились синтезом всего того, что, было достигнуто наукой 19 в. в рамках позитивистского материалистического мировоззрения. В частности, М. Мюллер писал по этому поводу: «Благодаря влиянию идей, которые Дарвин снова выдвинул на передний план естественной философии, специалисты в разных областях уделяют гораздо больше внимания общему, чем частному. Каждый вид изменения, называемый развитием, теперь кажется постижимым и допустимым, и когда человеческие расы будут сведены к одному общему источнику, когда их следы будут обнаружены в период времени, когда еще не существовало человеческое сообщество, то устранятся трудности при выявлении родства между всеми так называемыми туранскими языками, более того будет выявлена общая основа всего многообразия человеческой речи.» [3, с. 81].

Наиболее яркими представителями эволюционистского подхода к религии считаются Э. Тайлор, Дж. Фрезер, Р. Маретт, Г. Спенсер, к ним можно отнести и К. Тиле, М. Мюллера, О. Плейдера. Сущность данного подхода заключается в следующем.

1. Религия выступает в парадигме эволюционизма как духовное явление человеческой жизнедеятельности, возникающее в доисторические вре-

мена и проявляющееся по существу в этот исторический период во всем мире идентично. Дж. Фрэзер отмечал, что «исследования в области древнейшей истории человечества обнаружили, что при множестве поверхностных различий первые грубые философские системы, выработанные человеческим разумом, сходны в своих существенных чертах» [2, с. 8]. Эволюционисты фиксируют наличие единого для всего человечества фундамента религии на котором в дальнейшем строятся «дома» религий мира. Кроме того, проработав эмпирический и исторический материал, представляющий жизнедеятельность различных народов мира на различных этапах исторического развития, на предмет наличия у них религии, они приходят к выводу, который можно, по словами К. Тиле, обозначить как «...способ, каким она проявляется, и элементы, из которых она состоит, везде и во все времена по существу одни и те же» [3, с. 118].

2. Основными исходными элементами религии являются, по оценке представителей эволюционизма, вера в сакральную сферу и деятельность, направленная на установление и поддержание связи с этой сферой.
3. Религия трактуется в эволюционизме как динамичное явление. Развитие религии интерпретируется в качестве непрерывного процесса изменения по восходящей (прогресс всегда превалирует над регрессом), но ее исходные элементы всегда присутствуют на всех последующих этапах развития. Э. Тайлор писал: «Нет человеческой религии, которая стояла бы совершенно отдельно от других: мысли и принципы современного христианства имеют умственные нити далеко позади, за пределами дохристианских времен, в самых первых начатках человеческой цивилизации и, может быть, даже самого существования человека» [1, с. 208].
4. По мнению представителей эволюционизма на каждом историческом этапе развития человечества присутствует та или иная форма веры и практическая деятельность, поддерживающая ее, отражающие уровень интеллектуального развития на данном этапе. Развитие религии происходит в исторически-временном пространстве и проявляется в замене одних форм религии другими, подтверждение чему история человечества. Кроме того, исследователи, работающие в рамках эволюционистского подхода, отмечали, что каждому историческому этапу развития характерна определенная форма религии, которая изменяется (смена формы религии или ее смысла, при внешней неизменности формы) при переходе от одной исторической ступени на другую.
5. В рамках эволюционистского подхода религия исследуется способом восхождения от абстрактного к конкретному. Определив, что есть религия по сущности, в дальнейшем возможно представить историю религии

более полно, не ограничиваясь историей религии цивилизованных народов. Как писал К. Тиле: «под религией мы понимаем все те явления, которые от других (этических, эстетических, политических и им подобных) отличаются именно как религиозные, т. е. все то, в чем человек выражает свою веру в сверхчеловеческую силу и что он делает, чтобы поддержать свою связь с ней» [3, с. 119]. Аналогично по мысли Дж. Фрэзера: «так вот под религией я понимаю умилоствление и умиротворение сил, стоящих выше человека, сил, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни. Религия в таком понимании состоит из веры в существование высших сил и из стремления умилоствить и угодить им» [2, с. 58]. О. Пфлейдерер взял за основу определение религии, данное отцом церкви Лактацием: «Религия – это связь с Богом посредством благочестия» [3, с. 432]. В понятие «Бог» он вложил общий смысл: «Бог», по Пфлейдереру сверхъестественная сила господствующая над миром. Отталкиваясь от этих общих понятий они рассматривали конкретные исторические религии.

В результате использования эволюционистского подхода к религии, последняя предстала перед научным миром как явление историческое, психологическое, социальное, возникшее в доисторический период независимо от откровения, естественно развивающееся в исторически-временном пространстве и проявляющееся во все времена и у всех народов аналогично: через веру в сакральную сферу и действия, поддерживающие эту веру.

Литература

1. *Тайлор Эдуард*. Первобытная культура. М., 1989.
2. *Фрэзер Джеймс*. Золотая ветвь. М., 1998.
3. Религиоведение. Хрестоматия./Под редакцией А. Н. Красникова. М., 2000.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

А. А. Тарнавский

Одним из основных вопросов социологии является вопрос о соотношении свободного творчества человека и общественных устоев. И, как следствие, обращение к смыслу действия неминуемо становится обращением к социальному деятелю, этот смысл созидающему. По М. Веберу действие – такое поведение, с которым действующий индивид или индивиды связывают субъективно полагаемый смысл. [1, с. 54] Действие ста-

новится «социальным», если по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

Необходимой категорией для понимания теории социального действия является смысловая определенность действия, то есть соотносимость действия с окружающим миром. То есть человек осмысленно избирает из окружающего мира значимые для него объекты, незначимые же объекты остаются вне сферы нашего внимания и не имеют для нас ценности. Следовательно, сообщение смысла объекту есть придание ему ценности.

По Веберу суть интерпретативного подхода состоит в проблеме соотношения свободы и обусловленности, творчества и нормативных ограничений, которую социальный деятель каждый раз решает для себя в процессе смыслонаделения мира на основе ценностного выбора.

1. ЭТАП ПЕРВЫЙ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Продолжая идею социального действия Вебера, Мид вносит некоторые коррективы: в основе социального действия лежит диалог с «обществом внутри себя» или с самим собой из перспективы социально значимых норм, т. е. Мид отождествляет социального деятеля с его рефлексивным самоощущением. Он выделяет следующие категории: «Self» является отношение к самому себе именно как к объекту, и имеет две грани: «I» – элемент спонтанного и бессознательного в социальном индивиду, «me» – интернализованная точка зрения группы. «I» ответственно за все нововведения, изменения; «me» выполняет обязанности цензора, устанавливая границы дозволенного. [2, с 86] Однако не следует забывать, что соотношение «I – me» характеризует «Self», то есть человеческую рефлексивность, осознанный и упорядоченный опыт. «I» по определению должно участвовать в осмысленном существовании «Self». Мид оказывается в довольно сложном положении. С одной стороны, очевидны его попытки сохранить за человеком, пусть в его «Self»-образе, свободу творчества, способность к импровизации, многомерность существования. С другой стороны, он явно отождествляет «человека социального» с человеком, обладающим «объясняющим умом». Действующий человек по Миду, прежде всего человек объясняющий. И именно для того, чтобы разрешить конфликт между исходной посылкой свободы творчества и возможности к объяснению, Мид вводит понятие: «непосредственность восприятия». Мид небезосновательно считает неизбежным присутствие в нашем восприятии элементов оценки, суждения о происходящем, моментов его интерпретации. Это своеобразная, неявная рефлексия первого

порядка, неизбежная соотнесенность воспринимаемого с воспринимающим. Однако в этом случае непосредственность и безотлагательность «I» – это непринужденность, которая органично и не задумываясь включает в себя рассудительность.

Основываясь на теории социального действия, Мид попытался ответить на вопрос о соотношении свободного творчества человека и сдерживающих его общественных устоев именно с помощью понятия «непосредственности восприятия», однако само «I» в результате пояснений Мида приобретает все более иллюзорный характер. В конце концов Мид признает невозможность внятно растолковать природу «I» – этот вопрос вне пределов науки.

Итак, эволюция теории социального действия на данном этапе получила новую интерпретацию, и подняла проблему соотношения образности, свободой творчества, и способностью трезво объяснить ситуацию. Символический интеракционизм не смог ответить на этот вопрос.

2. ЭТАП ВТОРОЙ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Гораздо большее развитие идея социального действия получила в феноменологической социологии. Глава феноменологической школы А. Шютц делит мир на две сферы: доступную и недоступную для социологического изучения. Доступная вбирает в себя опосредованный опыт анонимного общения. Здесь деятели воспринимают друг друга в качестве социальных типов, лишенных биографии, непредсказуемости и свободы. Собственно, они – уже не живые люди, а смоделированные гомункулы, характеристические персонажи как друг для друга, так и для ученого.

Гомункул не сомневается в том, что его поступок вызовет адекватную социальную реакцию в мире доступного, потому что в этом мире всегда определенному стимулу соответствует определенная реакция. Причем каждое последующее действие определяется опытом, полученным из предыдущего.

Однако всякий тип некогда возник «из ситуации адекватного решения проблематичной ситуации, с которой невозможно справиться с помощью уже имеющегося запаса знаний, а только путем пересмотра уже имеющегося опыта» [4, р. 231] Кроме того в реальной жизни восприятие человека зависит от ситуации, в которой он находится здесь и сейчас. «Термином “действие”, – пишет Шютц, – мы обозначаем продуманное человеческое поведение, то есть поведение, основанное на составленном заранее проекте» [3, с. 134.] И здесь Шютц обращает внимание на крайне важную деталь, не учтенную ни Вебером, ни Мидом: для человека зна-

ние собственных действий и действий других как правило значит знание целей и мотив человека в данных, конкретных обстоятельствах. Только при наличии мотива становится возможным рассмотрение ожидаемых, фоновых черт повседневных событий. Этого не учел в своей концепции социального действия Вебер, и именно это, на мой взгляд, пытался определить Мид с помощью категории «непосредственности восприятия». Ибо присутствие в нашем восприятии элементов оценки, суждения о происходящем, моментов его интерпретации, основано на оценке мотивов действия. Даже рефлексивной. Мотив Шютца и есть то самое целевое основание, которое выделял Вебер.

Заслуга феноменологической социологии в том, что она смогла ответить на вопрос заданный Мидом о соотносительности свободы творчества, и способности трезво объяснить ситуацию, определив понятие мотива и вместе с тем феноменологическая социология не оторвалась от идеи социального действия Вебера, примером чему может послужить определение мотива по аналогии с веберовским определением цели, как основания изучения действия.

3. ЭТАП ТРЕТИЙ: ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Этносоциология, основанная еще Гарольдом Гарфинкелем, является продолжением идей символического интеракционизма и феноменологической социологии. Заслуга этносоциологии состоит в интегрировании теоретических положений данных социологических направлений и выработки специфического метода исследования. Предметом этносоциологии становится именно тот вопрос, на который не смог ответить Мид, и который попыталась конкретизировать феноменологическая социология: процедуры интерпретации, скрытые, неосознаваемые, нерелексивные механизмы социальной коммуникации между людьми. Этносоциологии удастся разрешить этот вопрос: подчеркивая уникальность каждой ситуации повседневного общения, она отводит большое место механизмам рефлексии в работе познавательного аппарата. Взамен наблюдателя, находящегося вне объекта исследования, чья деятельность направлена на описание социального поведения в терминах внешней по отношению к индивиду причинности, этносоциология подчеркнула роль «включения» социального исследователя в жизнь объекта. И тем самым воплощает идею социального действия непосредственно в социологической практике. Такое изучение представляется возможным лишь при условии отказа от бесполезного теоретизирования, и включения в исследовательскую деятельность, причем не с позиции отстраненного наблюдателя, а непо-

средственно включаясь в контекст повседневного общения и разговора. Т. е. между социологом и изучаемым вместо объект-субъектных отношений формируются субъект-субъектные. Итак, этносоциология не просто продолжила развитие теории социального действия М. Вебера, она воплотила эту идею в жизнь посредством разработки уникальной методики социологического исследования, позволяющей социологу получать информацию в процессе общения и анализа форм коммуникации.

Литература

1. Американская социология: перспективы, проблемы, методы / под ред. Г. В. Осипова // М., 1972. с. 248.
2. Арон Р. «Этапы развития социологической мысли»/ М., 1993 С. 314.
3. Шюц А. Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. N 2. С. 136.
4. Schutz A., Luckmann Th. The Structure of the Life Worl. Evanston/ Ш.: Northenwestern University Press, 1973 p 411.

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

А. В. Целехович

Выставочная деятельность включает в себя два различных значения: художественная выставка и выставка как «...кратковременное, периодически повторяемое мероприятие, во время которого предприятия на основе образцов дают потребителям представление о предлагаемых товарах (услугах) с целью их продажи» [3, с. 5]. В данном случае речь пойдет о выставочной деятельности в ее втором значении. Из определения видно, что основное назначение выставки лежит в области экономики. Но постоянный рост количества проводимых в нашей стране выставок привел к росту их значимости не только как экономического, но и как социального события.

С точки зрения социологии, выставочная деятельность – это набор разноплановых коммуникаций, которые осуществляются преимущественно на ограниченной площади выставочного павильона в течение ограниченного периода времени. «Социальная система – совокупность элементов (различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность» [2, с. 956]. Выставочную деятельность можно рассматривать как социальную систему, так как ее отдельные элементы, обладая значительной долей автономности в рамках общей системы, все равно осознают себя элементами одного целого (вы-

ставки) и подчиняются единым общим правилам взаимодействия. При этом внутренние связи между отдельными участниками в ходе выставочной деятельности отличаются высокой интенсивностью, что обеспечивает относительную целостность выставки как системы.

В выставочную деятельность включены четыре непосредственных участника, каждый из которых играет свою определенную роль. Во-первых, это – организатор, один или несколько. Во-вторых, это – экспоненты или участвующие организации. В-третьих, это – посетители. И, в-четвертых, это – средства массовой информации. Основные организаторы выставок в Республике Беларусь:

- Национальный выставочный центр «БЕЛЭКСПО»
- Экспофорум
- «Грин Экспо»
- Т&С (ЗАО «Техника и коммуникации»)

Согласно общей теории систем, свойства системы в целом несводимы к механической сумме свойств ее отдельных элементов и больше этой суммы. Как социальная система выставочная деятельность обладает следующим специфическим свойством: она значительно уплотняет те социальные коммуникации, которые обычно протекают между ее участниками вне выставочной деятельности. Это обусловлено тем, что выставочная деятельность позволяет в ограниченное время на ограниченном пространстве встретиться именно тем социальным субъектам, которые прямо или косвенно относятся к одной и той же или близким сферам общественной жизни. В первую очередь, это – экономическая сфера. Но также это могут быть сфера средств массовой информации (выставка «СМИ в Беларуси»), сфера отдыха и развлечений, медицины и др. Участники выставочной деятельности получают возможность встретиться почти одновременно с большим числом других значимых для них социальных субъектов. Таким образом, те коммуникации, на которые иначе участники могли бы затратить много времени, они осуществляют в течение нескольких дней, которые длится выставка. Конечно, на любой выставке присутствует определенное число случайных участников. Основная часть случайных участников приходится на посетителей.

Одним из отличительных свойств сложно организованных социальных систем являются протекающие в них процессы социального управления. То есть отдельные элементы действуют под воздействием таких факторов, общей интенсивностью, длительностью и другими характеристиками которых можно в той или иной мере управлять. Таким образом, существование социальной системы подвергается в значительной мере рациональному управлению. С той оговоркой, что поведение отдельных

социальных акторов, а также их совокупностей не всегда рационально и предсказуемо. Выставочная деятельность содержит в себе определенные нормы, правила и механизмы, которые позволяют регламентировать поведение отдельных участников. Как простейший пример, временные сроки проведения выставки или режим работы в течение дня.

Выставка является динамической системой. В ее функционировании можно выделить следующие этапы:

- Подготовительный этап.
- Непосредственно выставочная деятельность.
- Послевыставочный этап.

Обычно первым в отдельный этап выделяют этап принятия решения об организации выставки (для организаторов) или об участии в выставке (для остальных типов участников). Но представляется логичным отнесение принятия подобных решений к подготовительному этапу вместо выделения его как самостоятельного. На подготовительном этапе субъекты выставочной деятельности принимают решение о своем участии, налаживают необходимые для участия связи, осуществляют коммуникации, сопровождающие подготовку участия. На этом этапе также задаются те критерии, по которым впоследствии будет оцениваться успешность участия в выставке. На втором этапе участники осуществляют собственно выставочные коммуникации, то есть те социальные коммуникации, ради которых субъекты участвуют в выставке. На данном этапе наблюдается наибольшая плотность социальных коммуникаций между участниками, так как участники стремятся извлечь из участия в выставке максимальный эффект. На третьем этапе производится оценка эффективности участия.

О социальной значимости выставок говорит не столько рост общего числа проводимых выставок, сколько рост числа направлений, в рамках которых проходят выставки. Согласно данным одной из компаний-организаторов («ГринЭкспо») за последние три года возросло количество выставок по таким сферам как продукты питания и напитки, сфера развлечений, бытовые услуги. Число выставок, относящихся к сфере промышленности, энергетики и строительной отрасли, остается в целом неизменным. Возможно, это связано с тем, что промышленные выставки проводились уже давно, и их число и периодичность уже устоялись. А сейчас выставочная деятельность начинает осваивать те сферы общественной жизни, которые раньше в ней не участвовали. Как показывает анализ годовых календарей выставочной деятельности, разброс направлений очень широк: от промышленности и энергетической отрасли до сферы развлечений и религиозных выставок.

Выставочная деятельность выполняет следующие социальные функции:

- **Интегративная:** выставочная деятельность на некоторое время собирает вместе различных социальных агентов, принадлежащих к одной или нескольким смежным областям общественной жизни. Эта функция затрагивает всех участников выставочной деятельности.

- **Установление новых и поддержание существующих связей.** Данная функция, прежде всего, относится к экспонентам и посетителям.

- **Информационная:** экспоненты, посетители и средства массовой информации участвуют в выставочной деятельности с целью получения и передачи новой информации. В меньшей степени данная функция затрагивает организаторов.

- **Получение обратной связи о результатах и качестве своей деятельности.** Эта функция практически не затрагивает участие в выставке посетителей и средств массовой информации.

- **Мониторинг среды:** анализ существующих социальных связей (как своих социальных связей, так и социальных связей между другими агентами), поиск и анализ нововведений и основных тенденций текущей и смежных областей деятельности.

- **Символическая:** создание, поддержание или изменение статуса и образа участника. Эта функция прямо касается всех четырех типов участников, но наибольшее значение имеет для экспонентов и организаторов.

В целом, выставка позволяет участвующим сторонам изучить новые направления развития отрасли, наладить новые контакты и показать свои собственные достижения и новые тенденции. Реже выставки используются участвующими сторонами для получения обратной связи о результатах и качестве своей деятельности.

Литература

1. *Назаренко Л. Ф.* Выставка как инструмент маркетинга. М., 1997.
2. *Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко.* – Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
3. *Щербич Г. А., Анохина Н. Н.* Выставки как инструмент маркетинга: Учеб. Метод. Пособие. Мн.: БГЭУ, 2000. 32 с.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Шеститко

Современное мировое сообщество представляет сложноорганизованную систему, отличающуюся многонациональностью, поликультурностью входящих в ее состав элементов.

Сегодня приходится констатировать тот факт, что элементы мировой системы все чаще вступают в открытую конфронтацию, проявляя неспособность к взаимопониманию, толерантности, общению. В результате, число межнациональных, межгосударственных, и в целом, межкультурных конфликтов постоянно возрастает. Человечество в XXI веке поставлено на грань самоуничтожения.

В этой связи, феномен кросс-культурного диалога закономерно вовлекается в проблемное поле философского знания, становится объектом исследования различных гуманитарных дисциплин: философии культуры, социально-культурной антропологии, культурологии, психолингвистики и т. д.

Проблема межкультурного взаимодействия обнаруживает себя уже в лоне древнегреческой культуры, сформировавшей строгую дихотомию «свое – чужое». В такой схеме «не-греческие» народы именовались эллинами единым термином «варвары».

В более артикулированном виде вопрос кросс-культурного взаимодействия обсуждается на рубеже XIX-XX веков. В трудах О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, П. Сорокина, К. Ясперса осуществляется анализ развития отдельных цивилизационных и культурных образований. И если, к примеру, О. Шпенглер настаивал на сохранении принципиальной изолированности культур друг от друга, постулируя невозможность разрушения «стены» между ними, то несколько иной тип межкультурного взаимодействия описывает К. Ясперс, утверждая что общение различных культур друг с другом составляет основу их исторического развития и прогресса.

Рубеж XX-XXI веков вновь актуализирует проблему межкультурного взаимодействия, что является непосредственным подтверждением того, что данный вопрос не утратил важности и требует обсуждения в сфере философского, культурологического, исторического знания.

В Европе второй половины XX века появляются работы ученых и исследователей в области культурной антропологии и лингвистики (К. Леви-Стросса, К. Леви-Брюлля, Э. Сепира, Р. Уорфа), значительная часть которых посвящена детальному анализу межкультурного взаимодействия и изучению особенностей многообразия культурных систем.

В конце XX века кросс-культурные исследования становятся неотъемлемой частью философско-культурологического анализа. При этом внимание ученых сфокусировано на развитии как теоретического, так и прикладного уровня научного знания.

Так, в 1991 году в США был основан специальный научный институт кросс-культурных исследований (Center for Cross-Cultural Research

Western Washington University U.S.A.), образовано ряд научных сообществ, деятельность которых связана с выявлением общих и особенных элементов в структуре различных социально-культурных обществ, существующих в современном мировом пространстве.

При анализе сущности культуры как таковой, обнаруживает себя ее диалогическая направленность, проявляющаяся в том, что обращенность культур друг к другу – есть необходимая часть их самоидентификации. Так, например, К. Ясперс в концепции «осевого времени» указывает на то, что мощный философский, интеллектуальный, технический прорыв, имевший место в VI-VIII веках до н. э., стал возможен именно благодаря тому, что между существовавшими в то время культурами наблюдалась высокая степень взаимодействия. Формирующийся в лоне греческой культуры западный мир констатировался в рамках полярности запада и востока, полярности совершенно особого рода: «Греки заложили основу западной культуры таким образом, что европейский мир существует постольку, поскольку постоянно направляет свой взор на восток, отстраняясь от него, и в месте с тем, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их в рамках собственной культуры» [6, с. 35].

Итак, наличие диалогической характеристики в культуре является необходимым условием формирования диалогических взаимоотношений между различными социально – культурными общностями.

При исследовании проблемы межкультурного взаимодействия особое внимание уделено поиску таких методологических программ, которые направлены не только на выявление уникальных характеристик определенной культуры, но и способны также найти те общие признаки различных культур, на основании которых возможно развитие кросс-культурного диалога.

В качестве примера такой методологии можно привести следующие направления:

- Синхрония – диахрония
- Конвергенция – дивергенция
- Имика – итика.

Синхроническо – диахронический аспект кросс-культурного исследования сфокусирован, прежде всего, на обращении к мировоззренческим универсалиям той или иной культуры. При этом *синхронический* метод рассматривает культуры, сосуществующие в одном историческом пространстве, (например, ставшая хрестоматийной, проблема взаимодействия Запада и Востока); *диахронический* – культуры различных временных эпох (к примеру, общение современной и средневековой культуры прекрасно описанное У. Эко в работе «Средние века уже начались»).

Рассмотрение культуры в ее динамическом аспекте характерно для конвергентно – дивергентного подхода, разработанного американским ученым Lawrence Kincaid. По мнению автора, культура представляет собой открытую, постоянно развивающуюся информационную систему, в рамках которой возникают два противоположных по значению, но равных по силе явления – «конвергенция» и «дивергенция».

Первое отражает степень совпадения ценностей и мировоззренческих установок различных культур. Второе – степень их различия. Данные явления могут быть использованы в качестве методологических установок, одна из них нацелена на отражение общих элементов, приобретаемых культурами в процессе их взаимодействия (конвергенция). Вторая – используется для закрепления несовпадения некоторых мировоззренческих установок различных культур (дивергенция). В «конвергентных», более открытых для общения, культурах наблюдается преобладание новационных элементов, тогда как культуры «дивергентные» нацелены на сохранение традиционных ценностей, и, потому не стремятся к тесному взаимодействию с иными культурными общностями.

В качестве методологии статического анализа культуры можно назвать два принципа, разработанных и предложенных американским исследователем Harry C. Triandis: «имика» (*emics*) и «этика» (*etics*).

Суть первого состоит в выявлении уникальных, специфических для данной культуры элементов, того, что собственно отличает эту культуру от других. По словам Triandis, данный метод нацелен на «понимание» иной культуры. Второй же принцип предназначен для нахождения неких универсальных, характерных для нескольких культур явлений и используется для «сравнения» различных культур.

Процесс кросс-культурного исследования является весьма комплексным и трудным, в силу многомерности и сложности самого объекта исследования, ведь в качестве такового выступает не отдельная культурная общность, а две и более культуры. Именно поэтому ученые-исследователи используют параллельно несколько методологических программ, поддерживая, не только идею диалога различных культур, но и диалога различных научных элементов.

Таким образом, *межкультурный диалог* можно определить как такую форму взаимодействия различных культурных систем и их элементов, в которой все участники обладают уникальными, неповторимыми характеристиками, следовательно, ни один из субъектов диалога не может быть оценен как менее важный или несовершенный по отношению к другому. Кросс-культурный диалог является частным случаем диалога как такового, и потому наследует все его основные характеристики: «об-

ращенность» и «открытость» участников друг другу (М. Бубер), «вненаходимость» (М. Бахтин) и т. д.

Кросс-культурные исследования являются относительно молодой ветвью развития философско-культурологических дисциплин. Методологические программы межкультурных исследований находятся в стадии активной разработки, а потому изучение и анализ данной проблематики представляется весьма значимым и перспективным для развития современных гуманитарных дисциплин.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979. 423 с.
2. *Бубер М.* Два образа веры. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. С.121–162.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. Пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 663 с.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
5. *Kinkaid L.* The Convergence Theory of Communication, Self-Organization and Cultural Evolution. – San Diego: Academic Press, 1987. P.15–215.
6. *Triandis Harry C.* Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 3–4.
7. *Эко У.* Средние века уже начались. <http://Anthropology.ru>

ПРОБЛЕМА КОММЕРЧЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. В. Якушева

Проблема коммерческой сексуальной эксплуатации детей (КСЭД) представляется в настоящее время чрезвычайно актуальной для Восточной Европы, в частности для посткоммунистических стран. Масштабы КСЭД в Восточной Европе достигают внушительных размеров.

Основная причина роста масштабов проблемы в странах бывшего советского блока – тяжелая экономическая ситуация. После распада СССР ухудшилось благосостояние бывших коммунистических стран, снизился уровень жизни, увеличилось количество безработных, бездомных.

Коммерческая сексуальная эксплуатация детей включает в себя сексуальное насилие или эксплуатацию взрослым человеком и оплату деньгами или натурой ребенку или третьему лицу/ лицам. Ребенок рассматривается как предмет секса и предмет торговли. КСЭД является формой принуждения и насилия над детьми и приравнивается к принудительному труду и современной форме рабства [1, с. 2]. Существует несколько разновидностей КСЭД:

- Детская порнография

- Детская проституция
- Торговля детьми в сексуальных целях

Также выделяют: детский сексуальный туризм и ранние браки.

КСЭД в настоящее время весьма доходный бизнес. Дети – самая беззащитная часть населения, самый доступный и дешевый «товар». Следует отметить, что практически любой ребенок может стать жертвой КСЭД, но особый риск существует для тех детей, которые живут в трудных условиях. Это дети из неблагополучных, бедных, неполных семей, дети, находящиеся в среде, где употребляют наркотики, алкоголь, беспризорные дети, дети-жертвы насилия и др.

В регионе сейчас – огромное количество бездомных и брошенных детей. В России, например, количество беспризорников исчисляется сотнями тысяч, а именно около 500,000 [3, с. 131]. А это – потенциальные жертвы КСЭД, жертвы педофилов, порнодельцов, преступных группировок. Согласно данным, представленным на Всемирном конгрессе против КСЭД в Стокгольме в 1996 году, в Беларуси убежавшие из дому дети, в конце концов, оказываются на железнодорожных вокзалах, где их находят преступные группировки и продают в публичные дома [3, с. 132].

Очень мало данных о детской порнографии в регионе. Информация в основном носит фрагментарный характер. Кроме того, в случае детской порнографии ребенок может и не подозревать о том, что его эксплуатируют.

Тревожного уровня в регионе достигает торговля детьми с целью сексуального использования. Детей из Беларуси, Молдовы, России и Украины, как правило, отправляют для работы в секс-индустрии на Запад. Начиная с 1989 года, поставка детей из Российской Федерации резко возросла, и в процентном отношении русские дети превосходят по количеству даже детей из Азии и Латинской Америки, ранее считавшихся наиболее крупными поставщиками живого товара [3, с. 133].

На детей существует устойчивый спрос. Так, КСЭД не только развивается, но и завоевывает себе вполне комфортное положение в мире. КСЭД влечет за собой тяжелые последствия для пострадавших детей. Это эмоциональный ущерб: у ребенка складывается негативное представление о себе, взрослых, о сексуальных отношениях; это физический ущерб: дети сталкиваются с насилием. КСЭД может привести к серьезным мучительным последствиям в физическом, психологическом, духовном, моральном и социальном развитии детей, которые могут затем сохраняться в течение всей жизни, порой даже угрожая ей [2, с. 26]

Коммерческая сексуальная эксплуатация – это нарушение прав ребенка. Международная Организация Труда рассматривает КСЭД как одну из худших форм детского труда. Республика Беларусь в 2000 году ратифицировала Конвенцию о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция 182). Правительство РБ взяло на себя ответственность по противодействию сексуальной эксплуатации детей. Но, практически ничего не делается в направлении решения данной проблемы.

Правительство Республики Беларусь не рассматривает КСЭД как значительную проблему, как приоритетную задачу государственной политики. В обществе отсутствует осознание этой проблемы. Отсутствует налаженная система взаимодействия между правительством и неправительственными организациями. Не ведется статистика по данной проблеме, не изучается природа данного явления, не проводятся исследования по проблеме КСЭД. Практически не развиты в Республике Беларусь службы реабилитации жертв. В Беларуси реальную работу в направлении решения проблемы КСЭД осуществляет только общественное объединение «Дети – не для насилия». Профилактическую работу по предотвращению сексуального насилия над детьми ведут международные общественные организации. Одна из самых авторитетных ЕСПРАТ взаимодействует с некоторыми общественными организациями РБ, в частности с ОО «Дети не для насилия».

Необходимы целенаправленные действия. Чрезвычайно важно сотрудничество неправительственных организаций и правительства в целях эффективной работы по противодействию распространению коммерческой сексуальной эксплуатации детей. Необходимо проводить информационно-просветительские кампании для населения. Правительство страны должно гарантировать предоставление защиты жертвам КСЭД, побуждать к проведению исследований проблемы, гарантировать преследование и наказание преступников.

Существование данной проблемы, игнорирование ее серьезности представляет угрозу будущему детей, общественной безопасности, препятствует развитию гражданского правового общества.

Литература

1. Вопросы и ответы о коммерческой сексуальной эксплуатации детей: информационный буклет ЕСПРАТ International. Мн., 2001.
2. *Гэри Ф. Кэлли* Основы сексологии. СПб., 2000.
3. Оглядываясь назад, смотрим в будущее. Четвертый доклад о ходе осуществления плана мероприятий, принятого на всемирном конгрессе против коммерческой сексуальной эксплуатации детей в Стокгольме, Швеция, 28 августа 1996. Мн., 2000.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА

О. А. Янчук

В настоящее время в отечественной социологии крайне мало исследований, посвященных проблеме гендерного неравенства в политической сфере. Изучая политическую культуру общества и социально-политические ценности населения, социологи опрашивают как мужчин, так и женщин, однако редко представляют результаты таких опросов через призму гендерных различий. Однако рассмотрение данных вопросов с гендерной точки зрения представляется весьма важным, поскольку именно общественно-политическая сфера концентрирует власть и делает проблему гендерного равенства наиболее зримой. Женщины, составляющие 53 % от всей численности населения, не получают сегодня достаточного представительства в исполнительных и законодательных органах республики и до сих пор не являются полноправными участниками процесса принятия решений, имеющих ключевое значение для развития общества и будущих поколений. Необходимым условием для достижения реального равенства во всех сферах жизнедеятельности общества является равенство прав и возможностей в сфере политики. Однако именно в этой сфере его достижение наиболее затруднено, поскольку здесь решаются вопросы доступа к ресурсам, и, следовательно, именно здесь конкуренция наиболее высока [2].

Целью данной статьи является анализ гендерных различий в общественно-политической сфере, который был произведен следующим направлениям: политика в иерархии ценностей населения и реализация прав на участие в политике.

Для определения ценности сферы политики в жизни белорусов респондентам были заданы вопросы о важности таких сфер и социальных действий как семья, друзья и знакомые, свободное время и развлечения, политика, работа и религия. Данные сферы являются традиционными при изучении ценностных ориентаций [1, с. 45–51]. Политика оказалась внизу иерархии ценностных понятий. Результаты исследования показывают значимую гендерную дифференциацию в сфере политических предпочтений. Очень важной считают в своей жизни политику 12,1 % и скорее важной 30,8 % мужчин и соответственно 6,5 и 24,1 % женщин. Из представленных цифр видно, что женщины практически в два раза реже называют политику очень важной для своей жизни и на 6,7 % меньше мужчин «скорее важной».

Рассматривая ценность политики для белорусов с точки зрения таких социально-демографических факторов как образование и возраст респондентов, выделяются следующие корреляции признаков. Во-первых, значимым фактором в формировании ценностного отношения к рассматриваемой сфере выступает образование респондента. Чем выше уровень образования человека, тем вероятнее, что он будет проявлять к политике больший интерес. Кросскорреляционное распределение от пола и образования респондента позволили увидеть, что наибольший интерес проявляют мужчины с высшим образованием (18,6 % мужчин к 8,7 % женщин с высшим образованием), а наименьший – малообразованные женщины (44,8 % женщин к 22,6 % мужчин с неполным средним образованием). Возраст также является важным фактором в определении уровня интереса к сфере политики. Молодежь является более аполитичной в сравнении с представителями старших поколений. Следовательно, пожилые мужчины с высшим образованием интересуются политикой чаще других групп населения. С другой стороны, наименьший интерес проявляют молодые девушки (17–29 лет) с неполным средним и общим средним образованием.

Следующим направлением анализа гендерных различий в общественно-политической сфере является рассмотрение оценок возможностей реализации права на участие в политике мужчинами и женщинами. По результатам исследования 31,2 % опрошенных считают, что у мужчин и женщин одинаковые права и возможности для участия в политической жизни. Однако 67,8 % опрошенных полагают, что таких прав и возможностей больше у мужчин, и лишь 1,0 % считают, что в этом отношении прав больше у женщин. Причем, представители мужского пола чаще склонялись к варианту ответа «одинаковые права» (34,7 % мужчин к 27,8 % женщин), а женщины к варианту «у мужчин прав больше» (64,0 % мужчин к 71,5 % женщин). Таким образом, большая часть населения признает существование дискриминации по признаку пола в политической сфере, и женщины выявляют дискриминационные факты в отношении представителей своей гендерной группы чаще мужчин.

Далее логично возникновение вопроса о том, как же расценивается такая ситуация респондентами мужского и женского пола. Респондентам был задан вопрос о том, считают ли они достаточным или недостаточным представительство женщин среди политиков и государственных деятелей страны. Лишь 4,7 % ответивших считают, что в Палате представителей женщин «больше, чем нужно». При этом 61,1 % мужчин полагают, что женщин в парламенте «вполне достаточно», и только 30,8 % из них считают, что их «меньше, чем нужно». У женщин 35,4 % считает,

что женщин-депутатов «вполне достаточно» и 63,3 % полагает, что их «меньше, чем нужно». Таким образом, выражая мнение о том, что у мужчин больше прав и возможностей в сфере политики, большая часть населения (61,1 % мужчин и 35,4% женщин) расценивает данную ситуацию как нормальную, не видя необходимости расширять представительство женщин в высшем законодательном органе.

Исследуя причины малого представительства женщин в высших эшелонах власти, респондентам был задан вопрос: «Почему среди политиков и государственных деятелей мало женщин?». Мужчины указывали на то, что «предназначение женщины в другом» (32,0 %), «женщины слишком заняты на работе и дома» (23,7 %), «мужчины не пускают их в политику» (17,8 %). Респонденты-женщины расположили ответы на этот вопрос в другом порядке: 37,4 % считают, что главной причиной является нежелание мужчин пускать женщин в политику, 32,7 % указали на занятость и лишь 16,3 % сослались на иное предназначение женщины. Любопытно, что лишь 9,0 % женщин и 14,8 % мужчин полагают, что женщины не хотят участвовать в политике. Таким образом, большинство респондентов понимают, что недостаточное присутствие женщин в этой сфере общественной жизни связано не столько с недостатком внутренней мотивации, сколько с внешними причинами, будь то конкуренция со стороны мужчин, занятость или известные стереотипы о «предназначении женщин». При этом последние гораздо чаще предъявляются мужчинами в отношении женщин.

Таким образом, проведенный анализ гендерных различий в общественно-политической сфере позволил сделать следующие выводы:

- существует значимая гендерная дифференциация ценности политики у белорусов. Женщины значительно реже интересуются политикой и считают ее менее важной, чем мужчины. Большое влияние на ценность политики для индивида оказывают его возраст и образование. Чаще других групп политикой интересуются пожилые мужчины с высшим образованием, наименьший интерес проявляют молодые женщины с неполным средним и общим средним образованием.

- Большинство населения признает существование неравенства в политической сфере, и женщины выявляют дискриминационные факты в отношении представителей своей гендерной группы чаще мужчин. Больше половины мужчин и треть женщин расценивает данную ситуацию как нормальную, придерживаясь стереотипа «политика – это неженское дело». Основными причинами недостаточного присутствия женщин в этой сфере общественной жизни скорее являются внешние

причины: конкуренция со стороны мужчин и большая занятость женщин на работе и дома.

Литература

1. *Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Мн.: БГУ, 2004. 205 с.
2. http://www.gender.by/gender_research8.html

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БАНКРОТСТВЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКО- НОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. С. Силюк

Любая экономика не функционирует без вмешательства государства, которое берет на себя ответственность за экономический рост, социальные гарантии, удовлетворение части коллективных потребностей, защиту окружающей среды и прав потребителей и т. д. Одной из основных функций государства в условиях переходной экономики является целенаправленное создание правовых условий и стимулов для формирования рыночных отношений. В системе таких правовых регулирующих норм особое значение имеет законодательство о банкротстве. Важность обозначенной проблемы усиливается тем, что в настоящее время в Беларуси по официальной статистике около 1/3 предприятий относятся к числу неплатежеспособных, а по неофициальной – их гораздо больше. Разрешить проблему несостоятельности в рыночной экономике возможно в случае применения технологических приемов и процедур, описываемых законодательством о банкротстве хозяйствующих субъектов.

Первая версия Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» была разработана в 1991 г., в период, когда рыночные отношения только начинали формироваться. Тогда предусмотреть все аспекты деятельности хозяйствующих субъектов не представлялось возможным. Поэтому долгое время этот закон на практике почти не применялся по причине слабой разработанности механизма санации и банкротства, а также из-за отсутствия необходимых подзаконных актов. Новая версия Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (2000 г.) внесла существенные изменения в концепцию государственного регулирования процессов реструктуризации, санации и банкротства. Несомненное достоинство нового белорусского законодательства о банкротстве состоит в том, что он не ориентирует на ликвидацию предприятия, а, напротив, многие его положения реализуют цели социальной политики, направленные на обеспечение занятости населения и предупреждения социальной напряженности в обществе.

Важно отметить, что теория антикризисного управления и практика других стран (Франции, Англии, Германии) убеждают в том, что наиболее действенным средством оздоровления несостоятельных предприятий

является процедура санации. Новый белорусский закон, опираясь на мировой опыт, на первое место также выдвигает санацию должника. Если же исправить положение совершенно невозможно, то предусматривается ликвидация предприятия. Хозяйственный суд после тщательного анализа сложившегося положения может принять решение о санации или ликвидации предприятия, причем решение о санации принимается только тогда, когда кризис на предприятии еще не стал всеобщим и есть реальные шансы восстановить платежеспособность предприятия.

Санация – это комплекс мероприятий, которые представляются подходящими для того, чтобы избавить предприятие, находящееся в бедственном положении от грозящего банкротства. Она включает мероприятия по изменению прав собственности, договорных или других обязательств, оказанию финансовой поддержки несостоятельному должнику, удовлетворению требований кредиторов в установленные сроки. Санация позволяет предотвратить банкротство и ликвидацию предприятия путем восстановления финансовой устойчивости фирмы или пополнения собственных средств за счет оказываемой заинтересованными лицами помощи.

Выделяют следующие виды санации:

1. Структурная (выделение филиалов, открытие фирменной торговли, организация новых сфер бизнеса, выделение с баланса предприятия некоторых объектов (например, социальной сферы)).
2. Экономическая (освоение новых видов продукции, консервация убыточных производств, сокращение расходов, контроллинг).
3. Маркетинговая (создание системы маркетингового управления с определением затрат, реализации и результата по странам СНГ, Европы и других стран, разработка контрактов на поставки в страны Европы).
4. Техническая (замена оборудования, внедрение «ноу-хау», экономия энергоносителей).
5. Технологическая (внедрение новых видов материалов и новых элементов в технологический процесс).
6. Экспортно-импортная (участие в международных ярмарках).
7. Мотивационная (создание системы участия работающих в прибылях).
8. Налоговая (ликвидация долговых обязательств перед бюджетом, пенсионным фондом и пр.).

Санлируемое предприятие, а тем более предприятие, по отношению к которому начата процедура ликвидации, неизбежно оказывается в особом правовом поле. Это поле можно назвать рыночным, ибо механизмы санации и банкротства по своей сути, безусловно, рыночные, более экономические и менее административные. В этом смысле действительно

получается «вход в рынок» через процедуру банкротства. И, если предприятие не смогло войти в рынок по-другому, то это, пожалуй, тоже вариант (причем не самый худший). Кроме того, в случае ликвидации предприятия-банкрота из гражданского оборота исключаются неплатежеспособные субъекты хозяйствования, что также служит делу оздоровления рынка. В целом институт банкротства – это весьма эффективное средство для перераспределения ресурсов, будь то основные фонды или квалифицированная рабочая сила. Однако санация предпочтительнее, ибо в случае ликвидации предприятия на бюджет возлагаются дополнительные затраты по выплате пособий по безработице, а экономика в целом оказывается перед проблемой компенсации выпуска продукции, производимой ликвидируемым предприятием. Кроме того, санация гораздо больше устраивает и кредиторов, поскольку при ликвидации еще ни одному кредитору не удалось полностью вернуть долг (существует очередность возврата, в которой, по закону, обычные кредиторы занимают только пятое место).

Процедура санации проводится под контролем государства. Зачастую государство выполняет и главную роль в процессе санации, причем важным является оказание конкретной финансовой помощи. Централизованная санационная поддержка может производиться двумя основными путями – прямым бюджетным финансированием и косвенными методами.

В современных условиях наиболее целесообразным является применение процедуры санации в виде слияния предприятия-должника с более крупным предприятием, которое уже имеет устойчивое финансовое положение, свою нишу на рынке, узнаваемый товарный знак. Эта методика широко применяется во всем мире. Поэтому не надо бояться иностранных инвесторов, поскольку лучше иметь санированное успешно работающее предприятие, пусть и с иностранным собственником, чем довести дело до продажи предприятия-банкрота, и, следовательно, иметь проблемы занятости, социальной защиты и др.

Также по результатам опроса, наиболее эффективными источниками получения руководителями кризисных предприятий ценных идей и знаний оказались не консультанты или учебные программы школ бизнеса, а беседы с коллегами и знакомство с опытом других предприятий. Поэтому, при проведении санации нам представляется целесообразным использование методов «best practice» (передача передового опыта) и «benchmarking» (сравнение с показателями других предприятий). Использование отработанного и проверенного на практике опыта будет способствовать снижению риска, позволит избежать многих ошибок, со-

кратит временные и финансовые затраты на приобретение собственного опыта путем экспериментирования и привлечения консультантов.

Таким образом, в Республике Беларусь, может быть, медленнее, чем это необходимо, но все-таки последовательно, создается правовая база для реального применения процедуры банкротства к неплатежеспособным субъектам хозяйствования. Те реальные шаги, которые предприняты в этом направлении, дают право надеяться, что в ближайшем будущем это законодательство окажет позитивное воздействие на белорусскую экономику. Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (2000 г.) представляет собой инструмент правового обеспечения государственного регулирования трансформации народного хозяйства из планово-административной направленности в рыночную.

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Мацкевич С. А. Ключевые компетенции и функциональная грамотность как проблема высшего образования в Беларуси	3
---	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Балащенко Т. В. Концепт «глупость» и его отражение в фольклоре	10
Белякова Н. С. Современное эссе Вирджинии Вулф	14
Буднікава Ю. А., Мягчыла В. С. Выкарыстанне нетрадыцыйных табліц пры вывучэнні ў школе тэмы «ПРОСТЫ ЎСКЛАДНЕННЫ СКАЗ»	18
Галісаева Т. С. Творчасць Яна Баршчэўскага і Мікалая Гоголя. Спроба кампаратывісцкага аналізу («Драўляны Дзядок і Кабета інсекта», «Вій») ...	22
Герасимович Е. А. Семантико-стилистические особенности прозы Юдит Херманн (на материале рассказа «Красные кораллы»)	25
Гатоўская В. У. Прэфіксальныя прыметнікі са значэннем высокай ступені якасці ў сучаснай беларускай мове	29
Дубашынскі Р. Ю. Ідэйна-мастацкія пошукі В. Быкава 90-х гг. (ад апавядання да прыпавесці)	33
Запартыка М. М. Формы рэпрэзентацыі украінскай літаратуры ў беларускім перыядычным друку 20-х гг. XX ст. («Маладняк», «Узвышша», «Полымя»)	37
Зяц Г. В. Чысціня беларускай мовы ў асвятленні перыядычнага друку 1945 – 1959 гадоў	40
Зуева О. В. Устойчивые формулы речевого этикета в частных грамотках XVII века	44
Карповіч Г. А. Антычная топіка паэмы Г. Пельгрымоўскага «Philopatris ad senatum populumque lituanum»	48
Карзюк В. А. Паланізмы ў беларускамоўных творах Яна Чачота	52
Кухаренко Т. С. Адаптацыя перакурніка к учебному процессу в ВУЗе	55
Кухарэнка Т. С. Парэміі з анамастычнымі кампанентамі (на матэрыяле «Сборника белорусских пословиц» І. Насовіча, 1874 г.)	59
Куцан Н. Н. Пространство и время в романе В. Пелевина «Чапаев и пустота» ...	62
Літвінава А. П. Дыягностыка уманняў старшакласнікаў па інтанацыйным афармленні выказванняў	66
Макарэвіч І. В. Вобраз Братчыка-Хрыста ў рамане у. Караткевіча «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні»	69
Мартысевіч М. А. Хайку как маргинальный жанр современной русской поэзии	73
Повзун Е. В. Особенности композиции романа Эмили Бронте «Грозовой перевал»	77
Скорая Е. В. Особенности поэтического мира Нелли Закс	81
Старадым А. Р. Агульныя назвы роднасці і сваяцтва ў беларускай і польскай мовах: параўнальна-супастаўляльны аспект	84
Супрунчук М. В. Праблема збыткованасці сербскіх парадыгм	87

Таразевич Е. Г. Римейк Г. Горина «Королевские игры»	90
Фурс В. У. Беларускія пераклады Евангелля паводле Мацвея: тыпы моўных адрозненняў, іх канфесійны і нацыянальна-культурны сэнс.....	94
Ходинская М. В. Проблема непереводаемого в художественном переводе на примере поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка»	98
Циманович Л. С. «Слово о полку Игореве» в творческой эволюции Петра II Петровича Негоша.....	102

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Алексеева Е. А. Специализация гражданской юрисдикции в Республике Беларусь.....	106
Антипова О. М. Момент возникновения правового статуса учредителя, акционера по законодательству Республики Беларусь.....	109
Василевич С. Г. Административная ответственность в области предпринимательской деятельности	113
Громадцов М. Неправительственные организации как посредники между гражданским обществом и государством	116
Гудель В. В. Кодификация трудового законодательства в БССР	119
Дмитрук М. Н. Становление системы финансирования природоохранной деятельности в Республике Беларусь	122
Иксанова А. В. Актуальные вопросы ответственности независимо от вины в гражданском праве	125
Канапацкая В. А. Набыццё статуса адваката ў рэспубліцы Беларусь і Расійскай Федэрацыі. Параўнальны аналіз.....	129
Конюшко А. Н. Понятие административной ответственности	132
Костузик А. А. Субъекты локального правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений	133
Коханская А. С. Правовые основы осуществления судебного конституционного контроля в Республике Беларусь	136
Кравченко Д. С. Модели инвестиционной политики.....	140
Лисица Л. Н. Особенности подведомственности дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества	142
Медведева В. В. О правовой природе слияния как формы реорганизации юридических лиц.....	145
Морозова Д. С. Правовое регулирование мониторинга окружающей среды..	148
Мурыгина Ю. А. Правовое регулирование деятельности религиозных организаций.....	151
Новикова А.К. Эволюция понятия должностного лица в отечественном уголовном праве	154
Прищепа С. В. "Имидж сверхдержавы".....	158
Сембур Т. А. Понятие потерпевшего от преступного нарушения правил охраны труда.....	158
Симановский И. С. Прикладные проблемы политической психологии.....	161
Харченко М. В. Прекращение обязательств зачетом	163
Шпилевская Т. Э. Правовой статус профессорско-преподавательского состава	167

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Белая Е. А. Профессиональная карьера женщин-ученых (гендерный аспект)	170
Врублевская Т. И. Формирование античной эвдемонистической традиции: проблема преемственности	173
Добrorодня Т. В. Роль философии в обосновании системной модели социальной коммуникации	176
Дудчик А. Ю. Роль философии в обосновании системной модели социальной коммуникации сравнительный анализ гносеологических программ И. Гёте и И. Канта	179
Дьяков Д. Г. Описание механизма переживания как деятельности преодоления ситуаций фрустрации	180
Калуга Е. В. Основные подходы к интерпретации феномена сочувствия в западноевропейской этической традиции XIX века	184
Князева Е. И. Концепция сетевого общества М. Кастельса	188
Кулик В. С. Научное и антинаучное знание: статус в современной культуре	191
Мацевич И. Я. «Мыслимое пространство» как «конститутивный принцип» научного мышления: опыт прочтения Г. Башляра	195
Машитько О. В. «Лингвистический поворот» в религиозной философии XX века: постановка проблемы	198
Медведок Т. В. Ирония как феномен европейской культуры: взаимодействие романтизма и постмодернизма	201
Пархоменка І. В. Інваліднасць як сацыяльны феномен	203
Петухова Т. О. Планирование рекламной деятельности организации	206
Подвалкова Е. М. Факторы, детерминирующие экономическое поведение индивидов	210
Половинкина С. В. Жизненный мир в концепции А. Шюца	213
Савченко О. С. Сущность эволюционистского подхода к религии	217
Тарнавский А. А. Символический интеракционизм, феноменологическая социология, этносоциология: эволюция концепции социального действия	219
Целехович А. В. Выставочная деятельность как социальная система	223
Шеститко А. А. Кросс-культурный диалог как феномен современной культуры	226
Якушева Л. В. Проблема коммерческой сексуальной эксплуатации детей в современном обществе	230
Янчук О. А. Социологический анализ гендерных различий в массовом сознании белорусского населения: политическая сфера	233

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Силюк Т. С. Законодательство о банкротстве как инструмент рыночной трансформации экономики Республики Беларусь	237
---	-----

